ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФРАНЦУЗСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ И РАЗВИТИЯ АЗИИ (КОРЕЯ)
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ ТЕМУРИДОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(Ташкент, 12—13 сентября 2008 г.)

Ташкент 2009

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ФРАНЦУЗСКИЙ ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ИНСТИТУТ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ И РАЗВИТИЯ АЗИИ (КОРЕЯ)
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ ТЕМУРИДОВ

СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(Ташкент, 12-13 сентября 2008 г.)

Ташкент - 2009

Редакционная коллегия:
Д.и.н., проф. *Д.А. Алимова (Отв. редактор),* к.и.н. *Ш. М. Мустафаев,*
акад. *А. Хакимов,* доктор *Б.* ***Балчи,*** к.филос.н. *В.С. Хан*

Данный сборник представляет собой материалы первой международной конференции, посвященной социальной и бытовой жизни народов Центральной Азии в первой четверти XX века. Авторы статей сборника фокусируют свое внимание на деталях реальной жизни населения, что в целом значительно меняет представление на исторические процессы начала XX века, дополняя их конкретными событиями и деталями, что делает историческую палитру более живой и многоплановой.

Подготовка сборника к печати: к.и.н. *Д. Кенжаев,*
к.и.н. *Ф. Щамушрамаеа*

INSTITUTE OF HISTORY OF THE ACADEMY OF SCIENCES
OF THE REPUBLIC UZBEKISTAN

INTERNATIONAL INSTITUTE FOR CENTRAL ASIAN STUDIES (nCAS)

FRENCH INSTITUTE OF CENTRAL ASIAN STUDIES (IFEAC)

INSTITUTE OF ASIAN CULTURE AND DEVELOPMENT (IACD, KOREA)

STATE MUSEUM OF TIMURIDS' HISTORY (UZBEKISTAN)

"SOCIAL **LIFE** of CENTRAL ASIAN PEOPLES in the FIRST QUARTER of 20th CENTURY: TRADITIONS AND INNOVATIONS"

PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE

(Tashkent, September 12-13, 2008)

Tashkent-2009

Editorial Board:
D. Alimova, Sh. Mustafayev, A. ***Khakimov,*** *B. Bald, V. Khan*

The issue represents the proceedings of the First International conference devoted to social and everyday life of peoples of Central Asia in the first quarter of the 20th century. The Authors of this issue focus their attention on the details of real life of the population and on the whole that significantly changes conceptualization of historical processes in the beginning of the 20th century, supplementing them with concrete events and detailed features, what makes a historical palette more lively and having many plans.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 9

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Мендикулова Г., (Казахстан). Влияние социально-экономических факторов на динамику миграционных процессов в Центральной Азии в начале XX века 11

Рустамоеа-Тохиди С, (Азербайджан). Социальная и политическая интеграция выходцев из Ирана в общество Советского Азербайджана в 20-30-е годы 20

Kindler R., (Germany). Flight, Violence and Resistance. The Kazakhs and the Sino-Soviet Border in the Early 1930-s 34

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

Мухаммедов Ш., (Узбекистан). Русская колонизация Туркестана: изменения в быту и нравах коренного населения 44

Гафаров К, (Таджикистан). Быт и городское хозяйство таджиков в начале XX века (на примере города Худжанда) 48

АрифханоеаЗ., (Узбекистан). Ташкентская махалля в началеXX в. 52

Маккамова К, (Узбекистан). Средние собственники в колониальном Туркестане в начале XX в.: тенденции развития и социальная роль в обществе 55

Ачланиязов Т., (Казахстан). Различные аспекты борьбы крестьян Средней Азии и Казахстана против коллективизации 60

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Оайон К, (Франция). Родовая власть и советский государственный аппарат в Киргизской АССР в 1920~30-х годах 67

Тиллабоев С, *(Узбекистан).* Специфика местных форм управления в колониальном Туркестане 76

Лоринг Б., (США). Кыргызская национальная элита и ее роль в создании кыргызской автономии 79

Норжигитова К, (Узбекистан). The Structural Composition of the National Political Elite in Uzbekistan (1920s) 83

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Абдурасулов У, Узбекистан). Вакфы Ташкента и их социальное пространство (на основе архивных материалов конца XIX - начала XX вв.) 86

Игнатов М., ((Узбекистан). Социальная жизнь населения Узбекистана в письмах трудящихся 89

Исакова М., Узбекистан). Социально-экономическая жизнь Узбекистана в архивных источниках 91

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

ТоктосуноваА., (Кыргызстан). Эпос «Манас» - памятник мировой устно-эпической культуры 94

КавунчиА., (Турция). The Cultural Reforms in Turkish Modernization Process and the Mahalle Pressure against them or Turkish Political Elite 100

Мустафаева К, (Узбекистан). Традиционализм и модернизм в народном образовании в первые годы советской власти: противостояние и адаптация ..... -112

ХакимовА., (Узбекистан). Социальные утопии как художественная парадигма в живописи Узбекистана 1920-1930-х гг. 116

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЫЕЫХ ГРУПП

Хан В., (Узбекистан). Корейцы в Туркестане и Степном крае "в конце XIX - первой четверти XX в 125

Германов В.. (Узбекистан). Хозяйственный уклад и образ жизни ссыльных уральских казаков-старообрядцев в Хорезмском оазисе на рубеже XIX - XX веков 130

Иноятова Д., (Узбекистан). Немецкая диаспора и экономика Туркестан 137

Тураева О., (Узбекистан). Предпринимательская деятельность бухарских и российских евреев в Туркестане: сравнительный анализ 140

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ: НОВАЯ КУЛЬТУРА И СТАТУС .

Алимова Д., (Узбекистан). Влияние общественного труда на изменение социального статуса узбекской женщины (20-30-е годы XX века) 145

АишровА., (Узбекистан). Повседневный образ жизни узбекских женщин Ферганской долины конца XIX - начала XX вв.: традиции и трансформации 149

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ И ВРАЧЕВАНИЯ

ЗияеваД., (Узбекистан). Медицина и здавоохранение в Средней Азии: традиции, модернизация и трансформация (конец XIX - начало XX вв.) 154

Шодманова С, (Узбекистан). From the History of the Obstetrics Business in Turkestan 158

Назаров Р., (Узбекистан). Трансформация традиционной системы питания населения Туркестана 161

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ... 9

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Мендикулова Г., (Казахстан). Влияние социально-экономических факторов на динамику миграционных процессов в Центральной Азии в начале XX века ... 11

Рустамова-Тохиди С, (Азербайджан). Социальная и политическая интеграция выходцев из Ирана в общество Советского Азербайджана в 20-30-е годы ... 20

Kindler R., (Germany). Flight, Violence and Resistance. The Kazakhs and the Sino-Soviet Border in the Early 1930-s ... 34

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

Мухаммедов Ш., (Узбекистан). Русская колонизация Туркестана: изменения в быту и нравах коренного населения ... 44

Гафаров К, (Таджикистан). Быт и городское хозяйство таджиков в начале XX века (на примере города Худжанда) ... 48

АрифхановаЗ., (Узбекистан). Ташкентская махалля в началеXXв ... 52

Махкамова К, (Узбекистан). Средние собственники в колониальном Туркестане в начале XX в.: тенденции развития и социальная роль в обществе ... 55

Апланиязов Т., (Казахстан). Различные аспекты борьбы крестьян Средней Азии и Казахстана против коллективизации ... 60

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Оайон И., (Франция). Родовая власть и советский государственный аппарат в Киргизской АССР в 1920-30-х годах ... 67

Тимабоев С, (Узбекистан). Специфика местных форм управления в колониальном Туркестане ... *16*

Лоринг Б., (США). Кыргызская национальная элита и ее роль . в создании кыргызской автономии ... 79

Норжигитова К, (Узбекистан). The Structural Composition of the National Political Elite in Uzbekistan (1920s) ... 83

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Абдурасулов У, (Узбекистан). Вакфы Ташкента и их социальное пространство (на основе архивных материалов конца XIX - начала XX вв.) ... 86

Ипатов М., (Узбекистан). Социальная жизнь населения Узбекистана в письмах трудящихся ... 89

Исакова М, *(Узбекистан)*. Социально-экономическая жизнь Узбекистана в архивных источниках 91

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

ТоктосуноваА., (Кыргызстан). Эпос «Манас» - памятник мировой устно-эпической культуры 94

КавунчиА, (Турция). The Cultural Reforms in Turkish Modernization Process and the Mahalle Pressure against them or Turkish Political Elite 100

Мустафаеea Н., (Узбекистан). Традиционализм и модернизм в народном образовании в первые годы советской власти: противостояние и адаптация 112

ХакимовА., (Узбекистан). Социальные утопии как художественная парадигма в живописи Узбекистана **192Q-1930-х** гг. 316

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

Хан В., (Узбекистан). Корейцы в Туркестане и Степном крае в конце XIX - первой четверти XX в. 125

Германов В., (Узбекистан). Хозяйственный уклад и образ жизни ссыльных уральских казаков-старообрядцев в Хорезмском оазисе на рубеже XIX - XX веков 130

Иноятова Д., (Узбекистан). Немецкая диаспора и экономика Туркестан 137

Тураева О., (Узбекистан). Предпринимательская деятельность бухарских и российских евреев в Туркестане: сравнительный анализ 140

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ: НОВАЯ КУЛЬТУРА И СТАТУС

Алимова Д., (Узбекистан). Влияние общественного труда на изменение социального статуса узбекской женщины (20-30-е годы XX века) 145

Аширов А., (Узбекистан). Повседневный образ жизни, узбекских женщин Ферганской долины конца XIX - начала XX вв.: традиции и трансформации 149

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ И ВРАЧЕВАНИЯ

ЗияеваД., Узбекистан). Медицина и здавоохраненне в Средней Азии: традиции, модернизация и трансформация (конец XIX - начало XX вв.) 154

Шодманова С, (Узбекистан). From the History of the Obstetrics Business in Turkestan J58

Назаров Р., (Узбекистан). Трансформация традиционной системы питания населения Туркестана ..... Щ

Contents

Introduction 10

MIGRATORY PROCESSES of CENTRAL ASIA
in the FIRST QUARTER of 20th CENTURY

MendikulovaG., (Kazakhstan). Influence of Socio-Economic Factors
on Dynamics of Migratory Processes in Central Asia in the Early 20th Century 11

Rustamova-Tohidi S., (Azerbaijan). Social and Political Integration of
Iranian Emigres into the Social Structure of Soviet Azerbaijan (1920s-1930s) 20

Kindler R., (Germany). Flight, Violence and Resistance. The Kazakhs and
the Sino-Soviet Border in the Early 1930s 34

CHANGES in the SOCIAL LIFE and STRUCTURE of SOCIETY

Mukhamedov Sh., (Uzbekistan). Russian Colonization of Turkestan:
Changes in the Way of Life and Customs of Indigenous Population 44

GafarovN., (Tadjikistan). Modes of Life and Urban Economy of the Tajiks
in the Early 20th Century (a case study of Khujand) 48

Arijkhanova Z, *(Uzbekistan).* Tashkent Mahallas in the Early 20th Century 52

MakhkamovaN., (Uzbekistan). Mid-Scale Property Owners in Colonial Turkestan, i
n the Early 20th Century: Tendencies of Development and Social Role in the Society 55

Allaniyazov T., (Kazakhstan). Various aspects of the Peasantry's
Anti-colonial struggle in Central Asia and Kazakhstan 60

NATIONAL ELITES and FORMS of GOVERNMENT

Ohayon I., (France). Clan Power and Soviet State Apparatus in the Kirgiz SSR
in the 1920s and 1930s 67

Tillaboev S., (Uzbekistan). The Specifics of the Local Forms of Government
in Colonial Turkestan 76

boring B., (USA). The Kyrgyz National Elite and its Role
in the Establishment of Kyrgyz Autonomy 79

Norzhigitova N., (Uzbekistan). The Structural Composition of the National Political Elite
in Uzbekistan (1920s) 83

THE REFLECTION of SOCIAL LIFE of PEOPLE in the WRITTEN SOURCES

Abdurasulov U., (Uzbekistan). Waqfs of Tashkent and their Social Space
(on the basis of archive materials of late 19th - early 20th Centuries) 86

Inatov M., (Uzbekistan). The Social Life of the Population of Uzbekistan
as Revealed in Laborers' Correspondence 89

IsakovaM., (Uzbekistan). Insights from the Archive
on the Socio-Economic Life of Uzbekistan 91

CULTURAL TRANSFORMATIONS

Toktosunova A., (Kyrgyzstan). The "Manas" - Epic Memorial of the World
Oral-Epic Culture 94
KavunciA., (Turkey). Cultural Reforms in the Turkish Modernization Process
and Reactions from the Mahalia 300
Mustafaeva N., (Uzbekistan). Traditionalism and Modernism
in the Early Soviet Education System: Confrontation and Adaptation 312
Khakimov A., (Uzbekistan). Social Utopias as an Artistic Paradigm
in the Paintings of Uzbekistan in the 1920s - 1930s 116

THE LIFE OF ETHNIC GROUPS

Khan V., (Uzbekistan). Koreans in Turkestan and the Steppe Province
in the Late 19th and Early 20th Centuries 125
Germanov V., (Uzbekistan). The Economic Structure and Way
of Life of Exiled Ural Cossack Old Believers in the Khorezm Oasis
at the Turn of the 19th and 20th Centuries 130
Inoyatova D., (Uzbekistan). German diaspora and the Economy of Turkestan 137
Turaeva O., (Uzbekistan). The Business Activities of Bukharian and Russian Jews
in Turkestan: A Comparative Analysis 140

SOCIAL PORTRAITS of WOMEN: NEW CULTURE AND STATUS

Alimova 11, (Uzbekistan). Influence of Public Labour on Change
of Social Status of Uzbek Women (1920s - 1930s) 145
AshirovA., (Uzbekistan). Way of Everyday Life of Uzbek Women in Fergana Valley
During the Late 19th and Early 20th Centuries: Traditions and Transformations 149

TRADITIONS and INNOVATIONS in Healthcare and Nutrition

Ziyaeva D., (Uzbekistan). Medicine and Public Healthcare in Central Asia:
Tradition, Modernization and Transformation (Late 19th and Early 20th centuries) 154
Shadmanova S., (Uzbekistan). Notes from the History
of Obstetric Practice in Turkestan 158
Nazaroy R., (Uzbekistan). The Transformation of Traditional Culinary Practices
among the Population of Turkestan 161

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение длительного времени в исторической науке господствовала исследовательская парадигма, ориентированная на макропроцессы: отношения между народами и государствами, революции, масштабные реформы, рельефные сдвиги в политической, экономической и духовной сферах общества. С возникновением истории повседневности и постмодернистской парадигмы в западной общественной науке исторические исследования стали обращаться к микроуровню, к изучению единичного, однократного, событийного, кажущегося, на первый взгляд, малым и незначительным, но на самом деле являющегося составной частью процесса, который на основе многих микроисторических компонентах формирует закономерность.

Такой подход не только существенно обогатил палитру исторического времени, но и помог расстаться с некоторыми укоренившимися мифами.

Однако такого рода исследования не применялись как к народам Центральной Азии, так и самими центрально-азиатскими исследователями. В этом смысле данная конференция является первым форумом, фокусирующим свое внимание на микропроцессах социальной и бытовой жизни народов Центральной Азии в первой четверти XX века. Это позволяет выявить внутреннюю сторону жизни населения, которая может быть не адекватна привычной версии, составленной по материалам официальных документов, в рамках существовавшей идеологии.

Таким образом данное издание представляет реальную картину социальной истории жизни населения начала XX века.

Этот первый опыт на наш взгляд нужно продолжать, что значительно обогатит историю Центральной Азии, сделает ее более живой и наполненной образами.

Редакционная коллегия

FOREWORD

During a long time in historical studies such research paradigm dominated, that focused on the following macroprocesses: interrelations between peoples and countries, revolutions, large-scale reforms, prominent shifts in political, economic and spiritual spheres of the society. After the routine history of everyday life and a postmodernist paradigm in the western social studies have occurred, the historical researches began to address the microlevel, the investigation of individual things, single-step, event-driven, at first sight seemed small and insignificant, but actually being the constituents of the process which forms a regular pattern on the basis of numerous microhistorical components.

Such approach not only has essentially enriched a palette of historical time, but also has helped to leave some deep-rooted myths.

However, investigations of such type were not applied either to peoples of Central Asia, nor by Central Asian researchers. In this sense, this conference is the first forum focusing its attention on microprocesses of social and everyday life of peoples of Central Asia in the first quarter of the 20th century. It allows us to reveal the internal aspect of life of the population, which can be represented as inadequate to the habitual version made on materials of official documents, within the framework of the existing ideology.

Thus, this edition represents a real picture of social history of life of the population in the beginning of the 20th century.

In our opinion, this first experience needs to be continued because it will considerably enrich the history of Central Asia and will make it more vivid and filled with images.

Editorial staff

ВНУТРЕННИЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Г.М. Мендикулова,
(Казахстан)

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ДИНАМИКУ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Как известно, изменение состава и численности населения государства происходит под влиянием политических, социально-экономических, а также демографических факторов, которые связаны между собой. Кроме того, на данный фактор также влияют естественный и механический приросты населения, процессы, связанные с этно-политйческим развитием (интеграция, сохранение этнической идентичности, аккультурация, ассимиляция или консолидация), и административно-территориальные преобразования.

Часто говорят о влиянии миграции на развитие региона и т.д., но сегодня мы поговорим об обратном влиянии: о влиянии социально-экономических факторов на динамику или интенсификацию миграционных процессов в Регионе.

Поэтому следует, прежде всего, вкратце охарактеризовать социально-экономическое развитие в Центральной Азии в начале XX в.

Социально-экономическое развитие **Центрально-азиатского** региона в начале XX в.

В течение второй половины XIX в. и начала XX в. поземельная политика царизма в Казахстане, основываясь на праве государственной собственности на территорию края, постепенно трансформируется в сторону изъятия наиболее плодородных угодий у номадов и в связи с проведением столыпинских аграрных реформ приобретает характер широкомасштабной экспроприации земли для размещения русского переселенческого крестьянства, казачества и. других иноэтнических групп мигрантов (таранчей, дунган и др.). Процесс изъятия земельных угодий у казахского населения в основном коснулся наиболее плодородных участков в Северном, Восточном и Юго-Восточном Казахстане, в наибольшей степени пригодных для развития земледельческого хозяйства.

К началу XX в. в пользу казачества и русского переселенческого крестьянства было изъято в Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областях около 14 млн. десятин наиболее плодородной земли, что составило 8,2 % всей земельной площади «Степных областей». После переселения таранчей и дунган из Кульджинского края в 1881-1884 гг. в Семиреченскую область в их пользу было изъято более 100 тыс. десятин плодородной земли[1].

По этому поводу М.А. Терентьев писал: «Почти все удобные для хлебопашества места заняты киргизами и составляют единственный источник их пропитания, поэтому они отдают свои пашни неохотно и при этом, вероятно, теряют... убеждения в справедливости и бескорыстной заботливости русских об их благосостоянии»[2]. Таким образом, разбивается миф о том, что казахи были только кочевниками.

По данным 1897 г., удельный вес казахов среди населения, занятого земледелием, со-

[1] История Казахстана и Центральной Азии. - Алматк, 2001. - С. 361.

[2] Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. С картами и планами в 3-х т. Т. 3. - СПб, 1906. - С. 241.

ставлял - 55,4 %. Земледелие преобладало в Шымкентском и Аулие-Атинском уездах Сырдарьинской области, где на каждое сеющее хозяйство приходилось до 10,7 дес. посева". В Канальском уезде Семиреченской области в 1910 г. земледелием занималось 81 % казахских хозяйств, а в Верненском - 79,3 %. В Кустанайском уезде земледелием занималось - 88 % казахских хозяйств, которые засевали 107440 дес, а на одно сеющее хозяйство приходилось 22,2 дес[2].

В частности, казахи-кочевники, желающие заниматься земледелием, должны были заручиться поддержкой своей общины и изыскать соответствующие земельные резервы внутри своей группы, тогда как крестьяне-переселенцы сразу же получали первоначально по 30 десятин земли на каждого члена семьи, с 1882 г. - по 15 десятин, а позднее - по 10 десятин земли, русское казачество - первоначально по 25 десятин земли на душу населения, а позднее - по 20 десятин, а офицерство - по 200 десятин на душу семьи. Таранчинским мигрантам выделялось по 10 десятин земли на всю семью в целом[3]. Из всего выше перечисленного следует, что в Казахстане и Киргизии проводилась политика предпочтительного наделения землей мигрантов по сравнению с местным населением.

Следует отметить, что мигранты были не только из центральных районов России, но и из других мест. Так, в ЦГА РУз в фонде И-1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора», оп. 3 сохранились дела *Ш* 775-776, в которых документально подтверждено, что в 1905 г. в Туркестанское генерал-губернаторство приехали переселенцы из Сахалина и добровольцы, вернувшиеся с Дальнего Востока[4].

В результате столыпинских аграрных реформ этот процесс резко интенсифицировался, и изъятие земли у казахского кочевого населения приобрело массовый характер. Всего было изъято более 40 млн. десятин земли, что составляло пятую часть всех сельскохозяйственных угодий в Казахстане[5].

Таким образом, земельная политика царизма в Казахстане и Киргизии была направлена:

во-первых, на поощрение и увеличение численности оседло-земледельческого населения, посредством предоставления льгот и привилегий в наделении земельными участками, в основном, русскому казачеству и переселенческому крестьянству;

[1] См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 7. - С. 8-25; Семенов-Тяньшанский П.П. Туркестанский край // Полное описание Российской империи. Т. XVIII. Под общей редакцией П.П. Семенова-Тянынанского. - СПб, 1910. - 560 с; Гейер И.И. Сыр-Дарьинская область // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьйнской области. Т. 2. - Ташкент: Типо-литогр. наследи. СИ. Лахтина, 1892. - 514 с; Т. 3. - Ташкент: б.и, - 80 с; Т. 4. ~ Ташкент: Типо-литогр. Торг. Дома «Ф. и Г. Бр. Каменские». - 122 с; Т. 5. - Ташкент: Тип.-литогр. Торгового дома «Ф. и Г. Бр. Каменские», 1896. - 234,94 с; Т. 8. - Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина, 1900. - 247 с; Т. 11. - Ташкент: Типо-литография В.М. Ильина. - 496 с. и др.

[2] См.: Обзор народного хозяйства Киргизской АССР. -- Оренбург, 1924. Табл. 3. - С. 8-15; Обзор Уральской области за 1915 г.-Уральск, 1916. - С. 2-5; Обзор Семиреченской области за 1913 г.-Верный, 1915. Табл. 1. - С. 37; Обзор Тургайсюй области за 193 5 г. - Оренбург, 191.6. Табл. 1. - С. 7-8; Обзор Семипалатинской области за 1913 г. - Семипалатинск, 1913. Табл. I; Обзор Сырдарьинской области за 1913 г. - Ташкент, 1914. Табл. 4 и др.

[3] История Казахстана и Центральной Азии. - С. 362-363.

[4] ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 3, д. 775-776.

[5] См.: Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. - Пп, 1917. Вып. 2. - С. 4-75; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям. - М., 1923. - С. 2-213; Обзор народного хозяйства Киргизской АССР. - Оренбург, 3 924. Табл. 3. - С. 8-15; Обзор Уральской области за 1915 г. - Уральск, 1916. - С. 2-5; Обзор Семиреченской области за 1913 г. - Верный, 1915. Табл. 1. - С. 37; Обзор Тургайской области за 3915 г. - Оренбург, 1916. Табл. 1. - С. 7-8; Обзор Семипалатинской области за 1911 г. - Семипалатинск, 1913. Табл. 3; Обзор Сырдарьинской области за 1913 г. - Ташкент, 1914. Табл. 4 и др.

во-вторых, на отчуждение и массовое изъятие наиболее плодородных земельных площадей у кочевников-скотоводов в пользу тех, кто занимался земледельческим хозяйством;

в-третьих, на сохранение статус-кво в структуре поземельных отношений кочевников, в частности общинного и «родового» землевладения и землепользования;

в-четвертых, на поддержание привилегированного положения должностных лиц.

Поэтому курс на «седентаризацию» номадов, которого придерживалась за редкими исключениями колониальная администрация в XVTII-ХГХ вв., не дал очевидных результатов. С конца XIX в. и особенно в начале XX в. он был полностью пересмотрен и взамен него был взят новый курс на изъятие земельных угодий у кочевников-казахов и кыргызов и широкомасштабное переселение крестьян из европейских губерний России.

Дальнейшая узурпация общинных земель и установление колониальной системы управления сопровождались усилением социальной дифференциации казахского общества. Значительная часть хозяйств, расположенная близ русских селений и городов, постепенно стала втягиваться в рыночные отношения. Об этом М.А. Терентьев писал, что крестьянские переселенцы зачастую были людьми неимущими, которые смогли закрепиться на новых местах только с помощью элементарных навыков предприимчивости. «...Весной вся степь в зелени и цветах, - повествует М.А. Терентьев, - переселенцы усердно занимаются кошением множества стогов сена, к зиме нарыли землянки, заселились и ждут... У киргизов такой моды косить траву нет, а зима снежная, вот и являются они к русским - покупать сено денег нет- меняют на скот. За зиму у переселенцев набралось много скота - сразу они разбогатели»[1]. Это создавало почву для разложения кочевого казахского хозяйства. Поэтому, еще в 1870-1880 гг. усиливается отход обедневших казахов на различные промыслы и в горнодобывающую промышленность в поисках заработка.

В конце XIX - нач. XX в. в Кокчетавском уезде джатаки составляли 4,6 %, в северных волостях Атбасарского уезда - 5,3 %, в южных - 7,9 % от общего количества казахских хозяйств. По своему социально-экономическому положению джатачество было формирующимся сельским пролетариатом. Из среды джатаков выросла и часть городского пролетариата. Находясь вне казахских общин, они рано приобщились к более прогрессивным формам экономики, одновременно теряя традиционные родовые связи, Джатачество способствовало углублению хозяйственной дифференциации кочевого аула, было посредником между аульной общиной и русскими переселенческими селениями и городами.

Следует отметить, что в наибольшей степени процессам пауперизации было подвержено дехканство и крестьянство. Об огромных масштабах социальной базы пауперизма в аграрной сфере можно судить по показателям средней нормы земельной обеспеченности на домохозяйство, а также данным о распределении земли между различными слоями крестьянства.

Этот аспект хорошо демонстрируется материалами Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Так, в Ферганской области на бедняцкое хозяйство приходилось в среднем чуть более 0,4 дес. земли. Бедняцкие хозяйства численностью 233 тыс. (51 % всех хозяйств) располагали менее 10 % всего земельного запаса, тогда как 16 тыс. зажиточно-байских хозяйств - более чем одной его третью (31,3 %)[2].

В Самаркандской области половина бедняцких хозяйств имела наделы до 1 дес. земли. Если сельская верхушка (5,6 %) выступала здесь держателем 30 % земли, то на 50 % бедняцких хозяйств приходилось только 10,2 % всей ее площади. В Закаспийской области 62 % дехканских хозяйств владели участками от 1 до 5 дес, а 13 % - менее 0,5 дес. Значитель-

[1] Терентьев М.А. История завоевания Средней Алии. Т. !. - С. 240.

[2] Предварительные итога сельскохозяйственной переписи 1916 г. - Пг., 1917. Вып. 2. - С. 4-75; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям - М., 1923.-С. 2-213.

но было число безземельных крестьян. В некоторых уездах Ферганской ооласти не имели земли до 30 % дехкан, а в Ташкентском и Андижанском уездах - до 40-50 %[1].

Утрачивая возможность вести более или менее нормальное (хотя бы уже в плане обеспечения прожиточного минимума) хозяйство на своих мелких и мельчайших земельных наделах, сельские производители вступали в кабальные возмездные отношения с крупными владельцами земли и денежного богатства. Широко распространена была аренда земли, рабочего скота, сельхозинвентаря, семенного материала и т.д. Арендуя землю или живой и мертвый инвентарь, дехканин обязывался передать арендодателю долю урожая. Размер такой натуральной ренты был так велик, что в хозяйстве подчас оставалось не более одной четвертой всего его сбора. Нужда толкала все в новый виток кабальных отношений. Условия производства все более и более ухудшались. И рано или поздно такой сельский производитель превращался в наемного работника на собственной земле, сохраняя лишь видимость хозяйственной самостоятельности.

Вследствие обнищания и ростовщической задолженности и других факторов волны пауперизма перекатывались в города, но и здесь сельские мигранты, как правило, не меняли своего социального статуса. Они лишь пополняли и без того огромный пласт городских пауперов и люмпенов. Перемещаясь в город, вчерашние крестьяне становились в городских условиях подмастерьями на ремесленных предприятиях, подсобными рабочими в кустарно-ремесленной мастерской и т.д. Все эти, по сути, полудомашние предприятия не выдерживали конкуренции с производством, концентрировавшимся в капиталистическом укладе, с дешевой и массовой продукцией, в обилии привозимой из промышленных районов Центральной России. Начиналось их разорение, пополнялся слой люмпенов.

Накануне Первой мировой войны численность фабрично-заводских и железнодорожных рабочих в Туркестане не превышала 60 тыс. человек, а в Степном крае - 47 тыс. (по другим оценкам - 52 тыс.). Следовательно, удельный вес рабочего класса во всей численности населения Туркестана не достигал даже одного процента (0,78 %), а в Степном крае был чуть выше (1,2-1,4 %). Так, в Ташкенте удельный вес рабочих во всем населении составлял 0,9 % (2710 чел.), Андижане - 2,8 (867), по 2,2 в Намангане (812) и Верном (432), Коканде - 2 (1200), Самарканде - 1,5 (975), Скобелеве - 5,4 (127) и т. д. Но сюда могли быть включены и сезонные рабочие, отходники и т.д. Например, в хлопкоочистительной промышленности на их долю приходилось свыше 80 % занятых[2].

Итак, накануне Октябрьской революции процессы деклассирования - пауперизация и люмпенизация - выступали определяющими характеристиками социальной структуры региона[3].

Процессы урбанизации в крае имели весьма заметную динамику. В Степном крае численность населения городов с 1895 по 1910 г. возросла более чем в два раза: с 219 тыс. до 425 тыс. человек, в Туркестане - на 22,6 %. Накануне Первой мировой войны население

[1] Для сравнения см. также: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором-графом К.К. Паленом. Ч. П. Отд. I. - СПб.: Б.и., 1911.-353 с; Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. I. Отд. I. - СПб.: Б.и., 1911. - 419 с; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области. - Ташкент: Переселенческое управление, 1915. Вып. 1. - 375, 38 с; Вып. П. - 529 с. и др.

[2] См.: Масальский В .И. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга / Под ред. П.П. Семенова-Тян-Шанского. - СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1913. Т. 19. - 861 с; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземаого хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской обдаст - Ташкент: Переселенческое управление, 1915. Вып. I. - 375, 38 с; Вып. II. - 529 с. и др.

[3] История Казахстана и Центральной Азии. - С. 426.

Ташкента составляло 271, Коканда - 120,2, Самарканда - 97,5, Андижана - 86,7, Намангана - 81,2, Верного - 43,2 тыс. человек. Значительно возросло население Уральска, Петропавловска, Павлодара, Семипалатинска[1].

Что касается промышленности, торговли, рыболовства, добычи и использования природных ископаемых в начале XX в., то все находилось в руках русских и иностранных хозяев.

Дешевая рабочая сила, отсутствие конкуренции, богатые месторождения полезных ископаемых при хищнической эксплуатации приносили огромные прибыли хозяевам, что также порождало новые миграционные волны в Центрально-азиатский регион.

Русские власти сделали упор на превращение Туркестанского края в источник сырья, иностранные концессионеры предпочитали вкладывать средства, видя в нашем регионе вторую Индию.

Для одних в нашем регионе были созданы все условия благоприятствования, у других изымали земли, разоряли мелкий и средний бизнес, облагали непосильными налогами. Безусловно, что в таких условиях миграции из разных областей Российской империи были неизбежны.

Миграции

Увеличение населения Казахстана за счет внешних миграций за 20-летний период в 1896-1916 гг. более чем на 2 млн. человек или 56 процентов, имели важные этно-демографические и экономические последствия. Влияние миграции можно наблюдать в произошедших изменениях в народонаселении, как в этническом, так и в количественном составе, а также в развитии сельского хозяйства и процесса урбанизации в Казахстане.

Имели место и внешние миграции, например, в Китай, Афганистан и Персию.

Миграционные тренды в Китай в первой четверти XX в,

1) откочевки из-за тяжелого положения и избегания уплаты налогов за других своих сородичей, бежавших в Китай;
2) возврат китайско-подданных казахов из Китая для принятия русского подданства;
3) Торговые миграции;
4) Трудовые миграции;
5) Откочевки после разгрома национального движения 1916 г.

Основная причина откочевки казахского населения в Китай, связанная с уплатой налогов за бежавших в Китай оставшимися родственниками, так и не была устранена. Так, в Положении об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиречеиской, Уральской и Тургайской областей 1892 г. в статье 148 определялось: «В случае неисправности кибитковладельца в платеже кибиточной подати, недоимка уплачивается остальными ки-

[1] См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXXVI. Сырдаръинская область / Под ред. Н.А. Тройницкого. - СПб.: Изд-во ЦСК МВД Тип. товарищества «Народная польза», 1905. Вып. 86. - XVI, 207 с; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXXIX. Ферганская область / Под ред. Н.А. Тройницкого. - СПб.: Изд-во ЦСКМВД «Центральная» типо-литография М.Я. Миикова, 1904. Вып. 89. - X, 179 с; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. LXXXIIJ. Самаркандская область / Под ред. Н.А. Тройницкого. - СПб.: Изд-во ЦСК МВД «Пушкинская скоропечатня», 1905. Вып. 73. - IX, 147 с; *Масапьский В.И.* Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга/ Под ред. П.П. Семенова-Тян-Шанского. - СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1913. Т. 19. - 861 с; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области. - Ташкент: Переселенческое управление, 1915. Вып. I. - 375, 38 с,; Вып. II. - 529 с; Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г.-Петроград, 1917. Вып. 2, 3 и др.

битковладельцами аульного общества по раскладке аульного общества... Меры взыскания подати с недоимщиков определяются народными обычаями»[1]. Данное Положение действовало в Казахстане вплоть до 1917 г.

А к концу XIX - началу XX в. к уплате кибиточной подати прибавились еще платежи казенных и земских сборов, поэтому и побеги русско-подданных в Китай не прекращались.

Донесения, поступившие в Министерство иностранных дел России из Синьцзяна накануне Первой мировой войны, свидетельствуют: откочевки казахов в Илийский край не прекратились. Напротив, как отмечал русский консул в Кульдже, они «приняли массовый характер и грозят еще усилиться». О причинах эмиграции казахов консул С. Федоров выражается совершенно определенно: «Киргизов гонит сюда теснота и недостаток пастбищ». На попытки местной администрации убедить их вернуться, беженцы отвечали, что возвращение в русские пределы равносильно для них голодной смерти[2].

Однако были и другие казахи - китайско-подданные, которые переходили границу, чтобы убежать от своих проблем из Китая.

Так, в отчете за 1907 г. военный губернатор Семиреченской области писал: «Из более выдающихся событий следует отметить лишь переход в отчетном году границы 1800 кибитками киргиз [казахов - *авт.]* китайского подданства с целью вступить в подданство России. Перебежчики лично мне объяснили, что они вынуждены к сему непосильными поборами со стороны китайских властей. Я уговорил их возвратиться, обещая свое заступничество перед их правительством через Консула, что последним после личного моего свидания с ним было исполнено»[3]. Следует отметить, что как русско-подданные бежали в китайские пределы от различных поборов и налогов, так китайско-подданные бежали от бремени налогов на территорию России.

Одной из причин миграционных движений приграничного населения являлся тот факт, что при переселении, например, таранчей из Кульджи многие семьи были разделены: часть из них осталась в ведении китайцев, а другая перешла в русское подданство. Разумеется, при таких условиях, кроме понятного желания вернуться к старым насиженным местам, для некоторых русско-подданных таранчей было естественным желанием встретиться со своими родственниками. Но здесь возникали две проблемы, связанные с получением билета для пересечения границы, - невозможность для бедных оплатить установленный заграничный билет (каждый билет с удостоверением ^поручительством оплачивался гербовыми марками на 2 руб. 20 коп.)[4], что и было причиной незаконного перехода границы. Вторая проблема обусловлена тем, что по договору 1881 г. заграничные билеты выдавались только тем, кто пересекал границу по торговым делам.

Все эти миграции привели к формированию полиэтнического состава населения Казахстана, как показано в Таблице 1, содержащей информацию о населении Семиреченской области в 1908 г.

'Китайские источники по истории Казахстана. - Алматы, 2005. - С. 317-366; Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Сборник документов. - М., I960. - С. 490.

[2] Муканова ПК. Эмиграция казахов в Синьцзян в последние годы XIX - начале XX века. - С. 158.

[3] Семиреченский областной военный губернатор. Отчет военного губернатора Семиреченской области. - Ташкент, 1907.-С. 15.

"Селицкий И. Кульджинские переселенцы пограничной с Китаем полосы. - С.60.

Таблица 1. Население Семиреченской области в **1908 г.**[1]

Название народностей	В городах	В уездах	Всего
Русских	42287	107066	149353
Киргиз [казахов - *авт.]*	4476	798379	802855
Таранчей	19330	44137	63467
Дунган	6568	13464	20032
Сарт-калмыков	197	2251	2448
Татар	7558	2745	10303
Сартов	7612	5969	13581
Евреев	259	112	381
Китайцев	48	9	57
Других народностей	484	35	519
Итого	91504	976187	1067691

В начале XX в. казахстанско-китайские миграции стали характеризоваться новыми трендами, т.е. межгосударственными передвижениями через границу трудовых мигрантов из Китая в Казахстан, находящегося в составе Российской империи (незаконно и законно).

Таблица 2. Список китайских подданных, нелегально проживающих в Семиреченской области от 30 декабря 1908 г.[2]

Какого подданства, имя и фамилия	С какого времени проживает в области	Чем занимается	Примечания о желательности или нежелательности присутствия
В городе Верном			
10.* Кит. подданные кашгарские сарты	ок. 4 мес.	• Сапожник	Пребывание не желательно
	2 мес.	Сапожник	Пребывание не желательно
12	3 мес	Чернорабочий[7]	Пребывание не желательно
13	2 мес.	Сапожник	Пребывание не желательно
14	2 мес.	Сапожник	Пребывание не желательно
15	3 мес.	Поденный заработок	Пребывание не желательно
16	3 мес.	Кочевник	Пребывание не желательно
17	3 мес.	Чернорабочий	Пребывание не желательно
18	3 мес.	Чернорабочий	Пребывание не желательно
19	с мая мес. 1908 г.	Торгует мотой	Препятствий не имеется
20.	5 мес.	Выделка кожи	Пребывание не желательно
21.	5 мес.	Сапожник	Пребывание не желательно
22.	1 мес.	Сапожник	Пребывание не желательно
23.	2 мес.	Торговля	По окончанию распродажи

[1] Семиреченский областной военный губернатор. Записка о состоянии Семиреченской области в 1908 г. - Верный, 1908.-С. 10.

[2] ЦГА РК, ф.44, оп. 1, д. 2898, лл. 40-45.

24.	2 мес.	Торговля	Пребывание не желательно
25. Препятствий на дальнейшее пребывание нет. Торговляб мес.26 -44.	3 мес.	Поденный заработок	Пребывание не желательно •Л
70-94. 95-110.		Чернорабочий, торговля старым железом, кузнец, лепешник, слесарь, сапожник.	В виду того, что иностранцы эти исключительно чернорабочие, проживание их терпимо.
По Лепсинскому уез/цу китайские подданные сарты			
170-228.	1896-1908	Содержатель пельменной, торговля в лавке, мясная торговля	На проживание их, со стороны уездного начальника препятствий не имеется.

• Прим. В первом столбце нумерация идет не по порядку, так как из таблицы исключены подданные других государств: Турции, Германии, Австрии и др.

Выше приведена таблица 2 со списком китайских подданных, нелегально проживающих в Семиреченской области от 30 декабря 1908 г., где они указаны поименно, кроме того, приводит информацию о том, с какого времени проживаю!; чем занимаются. В последней графе указано: пребывание их в Семиреченской области желательно или нет.

Как видно из представленной таблицы 2, по роду деятельности среди китайских подданных, прибывающих в приграничную Семиреченскую область, числятся, в основном, чернорабочие и сапожники, а также те, кто приезжает торговать, среди них единицы, кто имеет квалифицированную специальность. Это такие, как слесарь, кузнец. Сроки пребывания были определены от 1 до 6 месяцев и больше[1].

Интересен вопрос о применении в Российской империи труда рабочих желтой расы, который обсуждался в правительственных кругах в течение нескольких месяцев, о чем свидетельствуют документальные материалы, хранящиеся в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК). В фондах архива хранится Особый журнал Совета Министров «Об условиях применения в Империи труда рабочих желтой расы», датированный 15 марта 19! 6 г., в предисловии к которому говорится о совещании по вышеназванному вопросу в феврале 1916 г., «наметившего ряд мер как для устранения, связанных с таковым применением нежелательных явлений, так и для облегчения и упорядочения спроса и предложения труда желтолицых»[2].

Согласно заявленным предложениям, применение труда, как сказано в документе - желтолицых, допускалось на металлургических, горнопромышленных, механических и железоделательных предприятиях, а также на сельскохозяйственных работах в районе между озером Байкал и правым берегом Волги, за исключением 25-верстной полосы по обеим сторонам Сибирской магистрали и Троицкой дороги. Причем применение их труда допуска-

[1] ЦГА РК, ф. 44, оп. 1, д. 2898, л. 46.
[2] ЦГА РК, ф. *64,* оп. 1, д. 2704, л. 13.

лось только при обязательном соглашении в каждом отдельном случае между Министерствами Внутренних дел, Военным и Путей сообщения[1].

Другие Китайские подданные - дунгане, казахи и др. принимали активное участие в торговле. Правила пересечения границы по торговым делам были установлены договорами между Россией и Китаем в 1860-1880-е гг., в соответствии с которыми выдавались определенные билеты учрежденного образца, которые «свидетельствуются подлежащим китайским начальством, с обозначением в оных, на русском и китайском языках, имени владельца товаров, тюков и рода заключающихся в них товаров. ..»[2]. При наличии билета купец «имеет свободный доступ и покровительство». В ЦГА Республики Узбекистан в фонде Канцелярии Туркестанского Генерал-губернатора сохранился образец такого билета.

Таким образом, легальные и незаконные переходы местного населения через китайскую границу в пределы Казахстана привели непросто к изменению численности населения края, но и, по мнению ряда авторов, в этом процессе можно выделить позитивные моменты: переселенцы представляли значительную производительную силу в экономическом отношении, и в политическом отношении «от переселенцев мы можем в будущем ожидать хорошей военной силы.. .»[3]. Также при вдумчивой и мудрой политике за счет притока уйгуров, дунган, казахов, кыргызов из Синьцзяна прибавлялось податное население, что соответственно увеличивало денежные поступления в царскую казну[4]. Трудовая миграция как один из видов миграционных трендов стал характерным как для Китая, так и для Казахстана уже в начале XX в.

События 1916 г. послужили новым толчком для миграций представителей центральноазиатских народов за пределы своей Родины в частности, на территорию Китая. После обнародования Указа царя от 25 июня 1916 г. «О реквизиции инородцев на тыловые работы», казахи, жестоко преследуемые, небольшими группами стали переходить границу с Китаем. Они перегоняли свой скот, в основном, в районе пограничной Кульджи, через Тарбагатайские горы и долину Черного Иртыша. Многие из них остались в Синьцзянском Алтае и Илийском крае.

Однако была еще и другая трактовка протеста народов Центральной Азии. Так, в рапорте генерал-губернатору Туркестанского края А.Н. Куропаткину военный губернатор А.И. Алексеев в числе главных причин недовольства казахов называет «пропаганду, проникавшую из соседнего Китая (Кульджа, Кашгар), где имеются германские агенты, действующие через дунган и китайцев, в большом числе приезжавших на Каркару и Пржевальск... Всякие материальные жертвы для войны киргизы несли безропотно, но растерялись от неожиданного призыва, и многие бежали в Китай»[5].

Около 300 тыс. казахов и кыргызов из Казахстана и Кыргызстана перешли через русско-китайскую границу в Кульджинский край и Кашгарию, спасаясь от карательных акций русской армии. Пограничные области Синьцзяна, такие как Тайчен на севере, Или на западе, Кашгар и Аксу на *юге,* стали центрами казахских беженцев, в которых их насчитывалось: в Аяатавском округе - около 100 тыс., Тарбагатайском - 60-70 тыс. и более 100 тыс.".- в Илийском округах[6].

И все-таки исследователи сходятся на том мнении, что процесс «вымывания» части коренного населения Семиречья из его привычного ареала, был напрямую связан с начавшим^

;! ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 2704, я. 13-15.

[2] ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 29, д. 591, л. 12.

[3] Румянцев П.П. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и! землепользования в Семиреченской области. - С. 5; Селицкий И. Кульджинские переселенцы пограничной с.Китаем полосы.-С. 81-82.

[4] Мёндикулова Г.М. Казахская диаспора: история и современность. - С. 113.

[5] Казахстан тарихы *тураяа* Кыгеай деректемелерь - Алматы, 2005. - 317-366 бб.

[6] История Казахской ССР в 2-х томах. Т. 1. - С. 578.

ся русским переселенческим движением, воздействию которого Семиреченский край подвергся наиболее интенсивно после завершения разграничения России с Китаем. По мере прибытия крестьян-переселенцев, местное население все более ощущало дефицит земельных ресурсов, что и стало побудительной причиной их ухода в Китай[1].

С. Рустамова-Тогиди,
(Азербайджан)

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ ИРАНА В ОБЩЕСТВО СОВЕТСКОГО АЗЕРБАЙДЖАНА (1920-30-е ГОДЫ)

Миграция иранских граждан на Кавказ имеет почти 200-летнюю историю. Вхождение Южнокавказского региона в состав Российской империи, в том числе 13 Азербайджанских ханств после Ирано-Русской войны 1913 и 1828 гг., не только в корне изменило геополитическую ситуацию в регионе, но и стало переломным моментом в истории его народов, особенно азербайджанцев, компактно проживавших до этого времени на широких территориях начиная с севера Ирана до Юга Кавказа. Изменение официального гражданского статуса части азербайджанцев - населения 13 ханств, вошедших в состав Российской Империи, ознаменовало собой не только разделение единого народа, но и создало ряд серьезных проблем для населения, привыкшего до этого свободно перемещаться в этих территориях. Новые условия требовали урегулирования положения ираноподданных-азербайджанцев, связанных многочисленными узами - экономическими, торговыми, языковыми, родственными и т.д. - со своими недавними соотечественниками, ставшими руссшподданными. Следует подчеркнуть, за все это время выходцы из Ирана не прекращали законно или же незаконно перемешаться на территорию Кавказа, поскольку установление новых границ, если и создавало ряд препятствий, открывшиеся большие возможности, в первую очередь экономического характера, делали Кавказ еще более заманчивым регионом для ираноподданых.

Начиная с 80-х годов XIX в. отход иранского населения на Кавказ резко увеличивается и приобретает массовый и непрерывный характер, что было обусловлено тяжелым социально-экономическим положением Ирана в конце века и бурным развитием капитализма в экономике Кавказа. В отдельные периоды общее число этой группы населения на Кавказе исчислялось сотнями тысяч человек[2]. Большую часть иранских отходников составляли чернорабочие, занятые в основном на нефтепромыслах в Баку, небольшую часть составляли иранские купцы, мелкая буржуазия и средняя интеллигенция. Основная часть иранских отходников была этническими азербайджанцами и лишь небольшая часть являлась представителями других народностей Ирана - персы, лоры, курды и т.д.

Политические, национальные и социально-экономические потрясения, охватившие Кавказ под влиянием революций 1905-1907 годов, а затем 1917-1920-х годов, ставшие судьбоносными для всех народов, проживавших в пределах Российской империи, сильно сказа-

[1] Муканова ПК. Эмиграция казахов в Синьцзян в последние годы XIX - начале XX века // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. I. - Москва: Институт востоковедения РАН, 1993. - С. 161.
[2] Белова Н.К. Об оходничестве из Северо-западного Ирана в конце XIX - начале XX века // Вопросы истории. 1959. № 10.-С. 119.

лись на положении всех иностранноподданных, в том числе и на сотнях тысяч выходцев из Ирана в разных городах и уездах Кавказа. Так, к началу 1920 года только в Баку официально проживало более 70 тысяч иранских граждан, не считая десятков тысяч иранцев, курсирующих между городами Ирана и Кавказа в поисках временной работы, а также огромного числа неучтенной нищенствующей иранской бедноты, которой были заполнены улицы Баку и других городов Азербайджана. К этому времени иранцы успели уже полностью сформироваться в отдельную общину, достаточно заметную и влиятельную в общественно-политической жизни города, со своими политическими и общественными организациями, печатью, школами, мечетями и даже театральной труппой. В то же время, стремительно меняющаяся политическая ситуация на Кавказе после распада Российской империи, безусловно оказывала влияние и на иранскую общину, которая уже с начала 1918 года переживала сильное социальное, идейно-политическое и классовое расслоение. Большая часть иранских мигрантов, рабочих-отходников, проживавших в основном на окраинах города и в рабочих поселках, работала на нефтепромыслах Баку, постепенно втягиваясь в общественно-экономические и политические процессы, происходящие как во всей стране, так и в самом Баку, где бурлила активная политическая жизнь. Проходя в начале XX века в радах российского пролетариата школу политической борьбы и под непосредственным влиянием русских революций, наиболее активная часть иранских отходников-рабочих создавала свои первые революционные политические партии левого, социалистического уклона на территории Азербайджана. Так, появившиеся в 1904 г. Иранская социал-демократическая партия «Эджтемаиюн-Амиюн», в 1916 году Иранская социал-демократическая рабочая партия «Адалят» и в 3920 году Иранская коммунистическая партия «Адалят» были организованы иранскими рабочими, работавшими на Бакинских нефтепромыслах. Эта группа иранских граждан тесно сотрудничала с местными большевистскими организациями и открыто враждовала с Иранским консульством в Баку, обвиняя его в предательстве интересов и нарушении прав персидских рабочих, работающих и проживающих в тяжелейших условиях.

Иранское же консульство в Баку, вокруг которого были сосредоточены в основном представители мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, купцов, торговцев, части рабочих - персидско-подданных, пыталось держать под контролем жизнь и дела иранских граждан, руководить деятельностью принадлежащих им общественно-политических организаций, школ, мечетей и других учреждений. На нефтяных промыслах Баку работали также десятки тысяч ираноподданных-временщиков, не связывающие свою судьбу с Кавказом, и потому почти не участвующие в происходящих вокруг общественно-политических процессах. Приблизительно такую же позицию занимали десятки тысяч ираноподданных, проживающие в других городах и уездах Азербайджана и занятые в основном на сельскохозяйственных работах и отчасти на промышленных объектах.

Таково было социально-политическое положение выходцев из Ирана к концу апреля 1920 года, перед свержением власти Азербайджанской Демократической Республики и накануне установления нового, коммунистического режима.

С установлением Советской власти в Азербайджане в корне меняется жизнь не только местного населения, но и всех иностранных граждан, проживающих в Азербайджане, к числу которых относились и иранцы - персы, как они начинают именоваться в советских документах. Следует отметить, что в первые же месяцы Советской власти большая группа ираноподданных, в основном купцы и наиболее зажиточная их часть, как перед радикальными большевистскими мероприятиями ~ конфискацией имущества, так и за неприятием идеологических принципов нового режима, возвращается в Иран. Часть иранских рабочих-отходников также предпочитает вернуться на родину. Но уже отчасти интегрировавшаяся в азербайджанское общество, особенно активно участвовавшая в социально-политической и

экономической жизни Кавказа и, наконец, тесно сотрудничавшая с местными большевистскими организациями часть иранских рабочих остается в стране, где победила власть, с которой она связывала свои мечты и чаяния и во имя установления которой она сама и боролась. В Советском Азербайджане продолжает также оставаться наиболее лояльная к новой власти часть ираноподданных, принадлежащая к средним слоям.

Точное число иранцев, проживающих к этому времени в Азербайджане установить невозможно, поскольку в разных документах указываются разные цифры, которые сильно расходятся между собой. Так, по документам Народного Комиссариата Просвещения, относящимся к середине 1920-го года, число персов колеблется от 250000 человек, (в соответствии со сведениям и переписи населения 1917 г.) до 60 тысяч (согласно запросам Наркомпроса по уездам республики о численности нац.меньшинств)'.

Наиболее приемлема цифра в 60 тысяч человек ираноподданных, которых новая власть причисляет к национальным меньшинствам и активно начинает среди них работу.

Следует подчеркнуть, что в первые годы Советской власти работа среди иранцев несколько отличается от работы, проведенной среди других национальных меньшинств. Так, воодушевленная установлением Советской власти в Азербайджане с помощью Красной Армии и при поддержке иранских коммунистических организаций, Советская Россия и Коминтерн, при активном участии руководства Советского Азербайджана в 1920-1921 годах предпринимают попытки повторить азербайджанский опыт в Иране, используя национально-освободительное движение в Гилянской провинции во главе с Мирзой Кучек-ханом. Однако, несмотря на прямое военное вторжение на территорию этой провинции, политическую, военную и моральную помощь различным иранским революционным силам, в силу ряда объективных и субъективных причин и не без участия самого Советского правительства национально-освободительное движение в Гиляне терпит крах, повлекший за собой гибель руководителей и тысяч участников движения, а также вызывает волну политической эмиграции революционеров и участников этих событий на территорию Советского Азербайджана в конце 1921 года. Вливаясь в состав ираноподданных, проживающих в Азербайджане, эта группа иранцев, именуемая «персидские политэмигранты» некоторое время пользовалась привилегиями во многом благодаря своему лидеру Эхсанулла-хану Дустар, руководителю радикального крыла Гиляиского революционного движения, наиболее тесно сотрудничавшего с российским военным представительством в Иране.

Новая власть в Азербайджане строит свою работу с национальными группами, проживающими на своей территории по двум линиям: политической и советской.

В первой половине 20-х годов положение всех ираноподданных - и персидских рабочих, и политических эмигрантов привлекало действительно заинтересованное внимание Советской власти к этой группе, с одной стороны, как к национальным меньшинствам, проживающим в Азербайджане, с другой стороны, как потенциальной силе для ожидающейся иранской революции. Именно в этих целях в марте 1923 года при ЦК КП Азербайджана организуется Иранская секция, в состав которой входят иранские коммунисты - бывшие члены упраздненного Заграничного Бюро ИКП К. Агазаде, М. Алиханов, Н. Басир и А. Рази[2]. В первом пункте «Положения о персидской секции при Агитационном отделе ЦК АКП» указывается, что целью создания данной структуры является «ведение агитации и пропаганды среди персидских рабочих и трудящихся масс, разработка и постановка перед партийными, советскими органами вопросов партийного советского строительства, вытекающих из бытовых и культурных особенностей персидских масс, выполнения специальных заданий

[1] Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГА АР), ф. 57, оп.1, д. 221, л. 27.

[2] Центральный Государственный Архив Политических Партий и Общественных Движений Азербайджанской Республики (ЦГА ПЛОД АР), ф.1, on. 2, д. 177, л. 2.

партийных органов...»[1]. Как следует из документов, в первые месяцы работа персидской секции оставляет желать лучшего, поскольку нехватка подготовленных кадров-инструкторов, и главное, отсутствие материальной поддержки не позволяет членам секции реализовать намеченные цели. Хотя необходимость проведения агитационно-пропагандистской работы среди персидских рабочих, в среде которых все более учащаются случаи «трудового дезертирства», наблюдается «упадок духа», не говоря уже о «религиозной отсталости», признается всеми вышестоящими партийными органами[2].

Более благополучно складывается работа среди ираноподанных, проведенная советскими органами, в частности структурами Наркомпроса. Здесь следует отметить, что работа среди национальных меньшинств рассматривалась как составная часть национальной политики Азербайджанского Советского государства, которое, как и в других областях, строго придерживалось политики Советской России.

Так, уже 3 июля 1920 г. на заседании коллегии НКП обсуждается вопрос об организации при Комиссариате Отдела просвещения национальных меньшинств по примеру Советской России. Постановление об образовании отдела принимается 14 июля, а с 25 июля отдел уже начинает функционировать на базе четырех национальных секций, одна из которых является персидской (остальные: армянская, еврейская и немецкая). Первые задачи и мероприятия, проведенные персидской секцией, заключаются в открытии школ для детей персов, персидских женских школ, открытии курсов по ликвидации неграмотности, создании детских домов и подготовки персидских учителей[3].

Тут следует уточнить, что в действительности эти школы не открывались, так как персидские школы существовали задолго до установления Советской власти в Азербайджане. Наиболее знаменитая из них - школа «Иттихад» была организована еще 1904 году тогдашним иранским консулом в Баку и группой влиятельных иранских лиц для детей ираноподданных и долгие годы существовала на благотворительные деньги персов, став не только школой, но и общественно-культурным центром для всех иранцев, проживающих в Баку, а в годы Иранского конституционного движения являлась политическим центром, оказывающим как материальную, так и пропагандистстко-агитационную поддержку революции. Другие персидские школы - «Темеддун» и «Бехджет» - также были созданы для детей персидских граждан в пригороде Баку - рабочем центре Сабунчах и в приграничной с Ираном провинции Ленкоране. Вес эти школы имели свои здания, инвентарь, персонал и Попечительские Советы, которые оплачивали все их расходы. Таким образом, работа отдела просвещения национальных меньшинств среди персов заключалась всего лишь в налаживании новых порядков в уже существующих персидских школах и переводе их в учебные заведения советского образца, которые только зарождались. Так, в начале 1921 года, согласно плану преобразования существующих персидских учебных заведений г. Баку и его районов в советские, школа «Иттихад» превращается в 87-ю советской школу 1-й ступени, а «Тамеддун» в 89-ю школу 1-й ступени. Открывается женское отделение при школе «Иттихад»[4].

Следует подчеркнуть, что персидская принадлежность этих школ сохраняется. По данным того же 1921 года на 50 тыс. персов, проживающих в Баку, приходятся 3 школы, в Ленкоране - 1, учителей в Баку - 30, инструкторов - 3, национальной театральной труппы - 1, также многочисленные курсы: педагогические, по ликвидации неграмотности и т.д.[5]

[1] ЦГА ПЛОД АР, ф.1, оп. 2, д. 177, л. 37.
[2] Там же, л.20, 23.
[Г]ТА АР, ф.57, оп.1, д.23, л.259.
[4] ГА АР, ф.57, оп.1, д. 262, л. 19.
[3] Там же.

При всем внимании руководства Наркомпроса к этим школам, основную материальную нагрузку несет все тот же Попечительский Совет этих школ, состоящий из влиятельных персов, купцов, иранских коммунистов и т.д., сохранявших в первые годы Советской власти свои позиции. Примечательно, что это положение, т.е. материальное обеспечение персидских учебных заведений самими персонодданными, сохранится до конца 20-х годов, хотя судьба персидских школ, вернее борьба нового режима за изменение статуса и характера преподавания в этих школах приобретет все более драматический характер и станет предметом обсуждения на самом высоком дипломатическом уровне между Ираном и Советским Правительством.

Так, по мере совершенствования системы образования в Советском Азербайджане и усиления идейно-административного руководства во всех областях общественно-политической жизни, работа с нацменами, в том числе и вопросы их просвещения- приобретает более четко контролируемый характер. Так, уже в марте 1921 года в Наркомпросе вместо функционирующего отдела Просвещения нацмен создается Совет по делам просвещения нацмен, в круг деятельности которого кроме задач подачи инициативы в создании тех или иных культпрос.учреждений для национальных меньшинств, идейного руководства (через своих инструкторов) деятельностью этих учреждений и т.д., входит и задача «контролирования этих учреждений в смысле правильного направления линии национальной политики со стороны фактических исполнителей заданий Совета в этих учреждениях...»[1].

В конце 1924 года Коллегия Наркомпроса преобразовывает Совет по делам просвещения национальных меньшинств вновь в Отдел Национальных меньшинств, убрав слово «просвещение» и расширив круг его деятельности. Так, в Положении об Отделе национальных меньшинств при НКП АССР, принятом на заседании коллегии Наркомпроса в декабре 1924 г., в разделе «Основные принципы» указывается что основной целью и прямой задачей Отдела является: «обеспечение свободного развития национальной культуры и родного языка нацмен при безусловном обязательном и неустанном толковании идеи братства и сотрудничества народов СССР с одной стороны и решительной борьбы со всякими пережитками шовинизма - с другой». Хотя далее в документе и указывается, что «этот принцип требует самого вдумчивого индивидуального подхода при удовлетворении культурных нужд каждой нации, входящих в состав нацмен в отдельности, и одновременно объединяет всю работу»[2], однако, именно нежелание индивидуального подхода в этих вопросах создает проблемы в первую очередь с персидскими школами, за которыми стояли, конечно же, более важные причины, превращающие персов из национальных меньшинств постепенно в иностранноподданных, проживающих в Азербайджанской Советской Республике.

В отличие от других национальных меньшинств, персы считались гражданами соседней с Азербайджаном, как и впрочем, с Советским государством в целом, страны, на изменение политической системы которого в первой половине 20-х годов возлагались большие надежды. В этом отношении часть этой национальной группы рассматривалась Советским правительством как человеческий материал, который можно было бы использовать в нужный момент в своих политико-идеологических целях для восстановления своего утраченного в конце 1921 года активного политического присутствия в Иране. Политическая ситуация, сложившаяся в эти годы в Иране, особенно широко развернувшаяся республиканская кампания в стране более чем подпитывала эти надежды. Именно в этих целях в апреле 1923 года в Баку было организовано Общество персидских эмигрантов, объединяющее как наиболее активных иранских коммунистов, так и персидских революционеров из группы Эх-

[1] ГА АР, ф. 57, оп. 1, д. 221, л. 76.
[2] Там же, ф.57, оп.1, д. 328, л. 67.

сануллы хана Дустар. В общество входили 315 человек, из которых 270 были рабочими, 30 - служащими и 15 - ремесленниками. 115 членов Общества были «партийцами», 25 - комсомольцами, 135 - беспартийными, 285 человек состояли в профсоюзах. Среди членов Общества было всего 12 женщин и 8 военных[1]. Как следует из отчетов Общества, занималось оно в основном партийно-воспитательной и культурно-просветительской работой среди своих членов, имело кружки политграмоты, безбожников, выпускало стенную газету «Шарга догру» («Лицом к Востоку»), а также опекало Персидское землячество. Землячество объединяло в свою очередь около 300 студентов-иранцев, обучающихся в Баку, среди которых также велась культурно-просветительская работа. Землячество, «не занимающееся политикой», вместе с тем, «вело агитацию в Персии о том, чтобы молодежь не выезжала в высшие учебные заведения Франции, Германии и других государств, и приезжала бы в СССР»[2].

Не имея существенной материальной базы и даже собственного помещения, Общество политических эмигрантов за годы своего 3-летнего существования не добилось каких-либо успехов, хотя в графе «Перспективы» Отчетного доклада о работе в ЦК КП Азербайджана подчеркивалось, что «Общество имеет достаточно подготовленных товарищей для подпольной коммунистической работы в Персии»[3].

До середины 1920-х годов персы продолжают оставаться одним из значительных национальных меньшинств после армян и русских, проживающими в Азербайджане. Так, в справке о национальном составе населения Азербайджанской ССР по переписи 1921 года, включающей приблизительный прирост населения по 1925 год, число персов указывается следующем образом: в Баку, Бакинском уезде и промыслово-заводских районах - 44334 чел. (28,3 % коренного населения), в уездах республики - 305,989 чел. (10,03 % коренного населения). Таким образом, число персов в целом достигает 150,323 человек, те. 13,3 % коренного населения, что вновь превращает персов в одно из многочисленных национальных групп населения Азербайджана[4].

В эти годы иранцы сохраняют за собой достаточно заметный статус и в общественно-политической жизни Советского Азербайджана, во многом благодаря многолетнему тесному сотрудничеству с местными большевистскими организациями, пришедшими к власти в республике. Именно этот фактор превращает иранцев, в действительности этнических тюрков, т.е. тех же азербайджанцев, в активную часть рабочих-мусульман, поддерживающих новую Советскую власть и пользующихся доверием этой власти. Поскольку местные тюрки-азербайджанцы, в том числе наиболее сознательная часть рабочих-мусульман в своей массе, в предыдущие годы шли за национальными силами Азербайджана, т. е. поддерживали партии «Мусават», «Иттихад» и др., и соответственно не были пока включены в активную социально-политическую жизнь.

Это обстоятельство очень ярко проявилось в 1923-1924 годах, в период проведения политики «национализации», провозглашенной XII съездом РКП(б), и взятым на вооружение всеми компартиями союзных республик. Как известно, главной целью этой политики являлось приблизить партийно-государственный аппарат, состоящий в целом из русских, евреев, а в Азербайджане большей частью и из армян и грузин к коренному населению, поскольку Советская власть во всех мусульманских республиках столкнулась с одними и теми же проблемами - нехваткой местных кадров, непониманием и неприятием кореным населением новой и чуждой им власти. В Азербайджане выдвинутый из Центра политический

[1] ЦГА ППРЛ АР, ф. 1, оп. 235, д. 303, л. 172.
[2] Там же, л. 173.
[3] Там же, л. 134.
[4] Там же, л. 176.

курс «национализации» был воспинят неоднозначно. Часть Азербайджанских коммунистов, увидев в этой директиве возможность восстановления утраченных прав азербайджанских тюрок, открыто ставила вопрос о русском шовинизме и необходимости предоставления местным кадрам определенных привилегий в случае приема на работу, учебу, и т.д. Понятно, что руководство республики, состоящее в основном из армян и русских, а также поддерживаемое отдельными коммунистами-азербайджанцами обвиняли первых в «местном шовинизме и национализме», по своему трактуя спущенную сверху «директиву», пытаясь сохранить ее «интернациональную» сущность. Это обстоятельство привело к началу в партийных и советских организациях республики и в прессе бурных дебатов, получивших более чем резкий и непримиримый резонанс. Неоднозначной была позиция в этом вопросе представителей иранцев. Так, основная часть известных и влиятельных иранцев, членов партии, занимающих ответственные посты в партийных, советских, хозяйственных органах, хотя и не открыто, но поддерживали азербайджанских коммунистов - националистов, за что их всех скоро будут обвинять во всех грехах и отстранять с занимаемых должностей. Однако, более радикальную и открыто враждебную позицию по отношении к этой политике занимают рабочие-персидскоподданные, увидев в призывах о выдвижений и представлении привилегий представителям коренной нации ущемление своих прав, как иностранноподданных. И это, несмотря на то, что во всех спорах и дискуссиях вокруг этого вопроса говорилось в основном о существующем антагонизме между рабочими тюрками и русскими, или же тюрками и армянами, а таюке о попирании прав всех рабочих мусульман. Такую позицию иранских рабочих, особенно яро выступающих против привлечения из уездов и районов Азербайджана крестьян-тюрок в нефтяную промышленность Баку, мотивируемую тем, что «каждая скважина в промыслах, заполнена трупами иранских рабочих», на первый взгляд можно объяснить страхом потери своей работы. Но вместе с тем, она свидетельствовала о том, что будучи этническими тюрками-азербайджанцами, выходцы из Ирана все же не отождествляли себя с коренным населением, хотя говорили они на том же языке, не говоря о единой вере, традициях, обычаях., обрядах и т.д. Есть много объяснений этому обстоятельству, в том числе и традиционно сложившееся, в основном пренебрежительное отношение самого коренного населения к «пришлому элементу - иранцам», и активная работа Иранского консульства и иранских организаций, и фактор самосознания самих ираноподданных, тесно связанных со своей исторической родиной и т.д. Немаловажную роль здесь играла и политика Советской власти, вплоть до конца 3 920-х годов активно поддерживающая все политико-социальные и культурно-религиозные институты и начинания этой группы населения как иностранноподданных.

Однако с середины 1920-х годов это положение начинает постепенно меняться. Объявление Реза-хана Пехлеви новым шахом Ирана в конце 1925 года ставит точку как на ожиданиях Советского государства на приход к власти в этой стране более лояльного к себе режима, так и на надеждах многих иранских революционеров и коммунистов на возвращение на родину для активной политической деятельности. Вскоре ожесточение политических режимов в обеих странах - пехлевийского в Иране и сталинского в Советском Союзе - заметно влияет на статус ираноподданных, которые в первые годы Советской власти не испытывая особых ограничений поддерживали связи со своими родными, проживающими в Иране через Иранские консульства в Баку и Гяндже, имея возможность свободно выезжать на родину и приезжать обратно. С началом же проведения со второй половины 1920-х годов в СССР политики поондренш, затем почти принудительного принятия иностранноподданными Советского гражданства, это положение резко меняется.

Отметим, что общие цифры о национальном составе населения республики в эти годы и цифры о численности национальных групп, указанные отдельными государственными

структурами сильно расходились между собой. Так, из докладов, относящихся к 1926 году следует, что в Азербайджане проживает всего 7,540 персов, из них 5,088 в Баку, и 2452 в районах республики[1]. Такое резкое расхождение объясняется, во-первых, отсутствием в те годы точной статистики о численности населения республики в целом, во-вторых, неопределенностью значения графы «национальность» для многих «персов», которые как уже отмечалось, были тюркского происхождения, но подданными Ирана, а также отсутствием четкого положения в области определения гражданского состояния населения, и, наконец, прямым результатом политики Советского государства, постепенно взявшим курс почти на принудительное принятие иностранноподданными Советского гражданства.

Официально эта политика проводилась согласно Постановлению Закавказского и Закавказского Центрального Исполкома от 27.04.1926 г. На основании этого Постановления НКВД АССР в сентябре того же года приступает к перерегистрации всех иностранцев, проживающих на территории Азербайджана и снабжению их внутренними видами на жительство. К началу перерегистрации, т. е. до 1-го октября 1926 г. на учете по АССР как иностранноподданые состояли 40,103 чел. Однако, видимо, это мероприятие проходит не так успешно, как хотелось бы властям. Учитывая, что «большинство нерсидскоподданных, проживающих в АССР, все еще не оформили своего подданства» в начале 1928 года образовывается Смешанная Советско-Персидская Комиссия для определения действительного гражданства лиц, заявляющих себя персидскоподданньши[2]. За время работы Комиссией рассматривается и утверждается в персидском подданстве 13,194 человек. К 1 январю 1929 г., работа по перерегистрации иностранноподданных и выявлению *&cex* незарегистрированных проживающих в АССР заканчивается и как следует из отчетного доклада НКВД АССР «в Иностранном отделе НКВД.. .состоят на учете и снабжены внутренними видами на жительство 34,765 чел. иностранноподданных, и 7,566 лиц, заявляющих себя иностранноподданными». Основную часть этих 42,331 человек (почти 95 %) составляют персидскоподданные[3].

Акции по регистрации иностранноподданных и принятия ими Советского гражданства сопровождались как прямым, так и негласным давлением на эти лица. Так, обсуждая вопрос «О переподданных» 6 февраля 1928 г, Секретариат ЦК АКП(б) принял ряд постановлений, среди которых предлагал «всем учреждениям АССР и Бирже труда не принимать на работу и не регистрировать иностранноподданных не имеющих национальных паспортов»[4]. В другом документе - Письме Высшего Совета Народного Хозяйства АССР в ЦК АКП(б), ссылаясь на излишнее число рабочих, требуемых для производства в Гянджинской Прядильио-Ткацкой фабрике, и «согласно указания ЦК АКП(б) о необходимости отсева рабочих-персидскоподцанных» требовалось разрешение на увольнение рабочих-персидскоподцанных, работающих на этой фабрике. К письму прилагался список этих рабочих и служащих - 36 человек[5]. В мае 1929 года ЦК АКП(б) принимает решение о снятии со службы всех иностранноподданных - не членов партии в пограничных районах[6].

До этих акций по определению гражданства, партийными органами активно были проведены и почти завершены мероприятия по переходу членов иностранных коммунистических партий, проживающих в пределах Советского Союза, в ряды местных коммунис-

[1] **ГА АР,** ф.57, **оп.1, д.864, л. 101.**
[2] **ЦГА ПЛОД** АР, **ф.27,** оп.1, д. 126, л. 22.
[3] ЦГА ПЛОД АР, ф.27, оп.1, д.127, л.Ю.
[4] Там же, д. 253, л. 1.
[5] Там же, д. 731, л. 182.
[6] Там же, ф. 1, оп. 88, д. 13, л. 4.

тических партий Союзных Республик, где они проживали. Этими акциями были охвачены и члены Иранской компартии, в основном костяк иранских рабочих, принявший активное участие в создании Иранской компартии и революционных движениях, как в Азербайджане, так и в Иране в начале 1920-х годов.

Мероприятия по иностранноподданным не ограничивались лицами, которые тем или другим образом уже были связаны с советским обществом - будучи членами партии или работая в советских учреждениях, нередко занимая даже руководящие должности. Под строгим вниманием находились и персидские эмигранты, т.е. лица, официально признанные иностранноподданным. В высших органах партии неоднократно обсуждались вопросы о персидских политэмигрантах, начиная с регулирования их материального положения до «возможности приема в партию лучших из политэмигрантов»[1].

С 1 февраля 1930 года начинается перерегистрация политических эмигрантов на территории СССР, «имеющая целью выявление всех тех, кто действительно является политическим эмигрантов и очистку их состава от чуждых примазавшихся элементов, прикрывающихся именем партии и политического эмигранта в корыстных целях»[2]. В соответствии с Письмом ЦК ВКП(б) о перерегистрации политэмифантов ЦК АКП с 25 марта 1930 года также приступает к перерегистрации политических эмигрантов, живущих в АССР, в основном персидских политэмигрантов, с той же целью[3].

В результате всех этих мероприятий число ираиоподданных - «персов», как они именовались в документах, к 1930-31 годам резко сократилось. В Отчетном докладе Комитета национальностей при Коллегии Наркомпроса АССР указывалось, что в АССР проживает 9446 персов, из коих 5546 мужчин и 3900 женщин[4]. Тут следует добавить, что число персоподданных, проживающих в Азербайджане периодически дополнялись переселенцами из Персии отдельных национальных групп и племен, которых власти Азербайджана по тем или иным причинам принимали. Однако и эти цифры нельзя считать окончательными, поскольку несколько лет спустя - во второй половине 30-х годов, когда начнется негласная перепись так называемых «персов» с дальнейшей их депортацией из АССР, число ираиоподданных, будет намного больше.

Немалое число персидскоподданных, проживающее в уездах и сельских местностях Азербайджана разделили участь местных крестьян, охваченных политикой коллективизации в конце 20-х - начале 30-х годов, при этом находясь под особым наблюдением властей. Так, в начале 1930 года во время обсуждения вопроса о вхождении в колхозы крестьян-персидскоподданных, было в корне пресечено предложение об организации «отдельных специальных колхозов, исключительно из батраков и ранджбаров персидскоподданных», которые допускались в колхозы лишь на основе членства в земельных обществах[5]. Такое же особое беспокойство вызвал у руководства республики уход из колхозов персоподданных, оно дважды в 1932 году отдельно рассматривало этот вопрос[6].

Под бдительным оком властей в Азербайджане находилась также другая фуппа персидскоподданных - духовенство и верующие. Однако, больше в соответствий с политикой Советского государства, направленной против религии, нежели как иностранноподданные, эта фуппа иранцев попадает в центр внимания соответствующих органов. Как известно, коренное население Азербайджана, будучи в большинстве своем шиитами, в течение веков

[1] ЦГА ППОД АР, ф.1, оп. 88, д. 13, л. И.
[2] Там же, ф. 1, оп. 74, д. 757, л. 62.
[3] Там же, л. 4, 59.
[4] ГА АР, ф. 57, оо. I, д. 864, л. 7.
[5] Там же, д. 751, л. 17.
[6] Там же, д. 801, л. 4,117.

было тесно связано с религиозными центрами Ирана, с которыми и в Советское время пытались сохранять отношения. В первые годы Советской власти, не ставшее в оппозицию к новым властям в отличие от христианского духовенства в России, и проявившее лояльность мусульманское духовенство не столкнулось с открытым и враждебным к себе отношением, лишь частично ограничиваясь в своей религиозной деятельности. Однако со второй половины 20-х годов и персидскоподданные вновь становятся объектом обсуждения на уровне высших партийных органов. 5 июля 1926 года Президиум ЦК АКП (б) рассматривая вопрос о прибывающих в республику из Ирана духовных лиц, предлагает Баксовету, НКВД и АзЧК выселить из пределов г.Баку и Азербайджана сеидов и других духовных лиц, прибывших недавно из Персии и по мере возможности не пропускать таковых в Азербайджан. Предлагается также дать телеграмму Полпредству СССР в Иране о прекращении выдачи виз на въезд в страну духовным лицам из Персии[1]. В январе 1927 года, беря за основу постановление Президиума ЦИК СССР и ЗакДИК от 1 ноября 1926 г. об ограничении для иностранцев права религиозной пропаганды, Президиум Азербайджанского Центрального Исполкома (АзЦИК) принимает их к исполнению и дает указания соответствующим республиканским органам о невозможности предоставления иностранцам права религиозной пропаганды[2]. В июне 1927 года Презудиум ЦК АКП(б) вновь возвращается к этому вопросу, создавая уже комиссию по вопросу о персподданных и поручая этой комиссии разрешить вопрос «о выселении из пределов АССР мусульманского духовенства, находящегося в персидском подданстве». Президиум также предлагает АзГПУ срочно выселить из пределов АССР всех лиц мусульманского духовенства, находящегося в персподданстве, прибывших в АССР (легально или нелегально в 1926 и 1927 гг.)[3]. Духовные лица из персидскоподданных упоминаются и в других документах, принятых партийными органами республики в области борьбы с религиозной пропагандой. Так, 1928 году предметом обсуждения Президиума ЦК АКП становится вопрос о духовных школах г. Баку и выясняется, что «озабоченное подготовкой себе смены Азербайджанское духовенство» не только отправляет в Персию и Наджаф студентов и материально поддерживает их, но наставниками азербайджанской молодежи в мечетях Баку нередко являются духовные лица - персоподданные, не говоря уже о посетителях этих мечетей. Обстоятельная справка о деятельности мусульманского духовенства, представленная для обсуждения в Президиум, служит основой для принятия постановления о закрытии и ликвидации духовных школ в г. Баку с последующим привлечением к ответственности всех виновных в открытии духовных школ[4].

Из всего вышесказанного не должно следовать, что Азербайджанское руководство всячески противодействовало любым проявлениям активности персидскоподданиых в общественно-политической жизни республики. Вплоть до середины 30-х годов персы оставались в числе национальных меньшинств, обозначенных в документах Комитета Национальностей при коллегии Наркомпроса, за исключением 1925-26 гг., когда их присоединили *к* «тюркам», т.е. коренному населению Азербайджана. В 1926,1927 и 1928 учебных годах еще существовали 2 персидские школы 1-й ступени и 1 школа 2-й степени, в которых обучались сответственно 646 и 62 учеников[5]. Как следует из отчетов о проведенной культработе среди национальных меньшинств на 1927-1928 гг., «персияне» все еще причисляются «к народностям, имеющим на своем языке культурно-просветительных учреждений»; Надо заметить, что все эти учреждения существуют уже только в Баку, в сводках по районам персы

[1] ГА АР, ф. 57, оп. 1, д. 679, л. 2.
[2] ГА АР, ф. 29, оп. 1, д. 248, л. 1.12.
[3] ЦГА ПЛОД АР, ф.], оп. 74, д. 226, л, 1.
[4] Там же, д. 280, л. 4, 5.
[5] ГА АР, ф.57, оп.1, д. 452, л. 20; д. 519, л. 32.

уже не обозначаются. Но к началу 1930-х годов картина начинает меняться. Так, в отчетном докладе Комнаца при Коллегии НКП АССР о культурно-просветительной работе указывается, что «персы обслуживаются культурно-просветительными учреждениями на тюркском языке. На родном языке имеется лишь одна специальная школа - 9-летка, где учатся 107 чел, в рабфаках 15 чел., в техникумах 168 чел.»[1]. В аппарате Комитета Нацмен исчезает должность инструктора по работе с персами. В обширных отчетах о культпрос. работе среди нацменов, графа «персы» начинает занимать последние места или уже вовсе не обозначается. А единственная упомянутая «специальная школа», более известная как бывшая «персидская школа «Иттихад» становится предметом пристального внимания и проверок со стороны властей. История этой школы представляет особый интерес, поскольку именно вокруг нее с 1925 года начинается негласная борьба между иранским консульством во главе с вновь назначенным консулом в Баку А. Исфендияри и азербайджанскими властями за персидскоподданных граждан. Пытаясь сохранить и укрепить влияние среди персидскоподданных, проживающих в Азербайджане, Исфендияри добивается возвращения в 1928 году школы «Иттихад», ставшей уже несколько лет как 37-й советской школой 1-й ступени, под попечительство Иранского консульства, разрешая этот вопрос на самом высшем уровне между Советским и Иранским государствами. Длившаяся несколько лет борьба вокруг школы завершается выдворением Исфендиари из Азербайджана как «антисоветского элемента» и окончательным переводом школы «Иттихад» в обыкновенную советскую школу в начале 1931-1932 учебного года.

Не последнюю роль в этом играют бывшие иранские рабочие и коммунисты, ставшие уже в основном членами АКП(б) и гражданами Азербайджанской ССР, однако считавшие себя как персидскоподданными, так и иранскими коммунистами. Следует отметить, что двойственное положение бывших иранских рабочих и коммунистов до первых лет 1930-х годов поддерживалось властями в силу ряда причин, в числе которых была и заинтересованность Коминтерна в этой политической группе, как «резервной силе иранской революции» для подпольной работы в Иране, особенно после ареста большинства членов ЦК ИКП и разгрома коммунистических организаций в самом Иране.

30 июня 1928 года на заседании коллегии национальных меньшинств Агитационно-Пропагандистской отдел ЦК АКП(б), рассматривая вопрос о работе среди персидских граждан, принимает постановление о переоформлении Иранского Культурно-просветительского общества в пролетарское общество, путем создания в нем пролетарского большинства. Считается также необходимым оформление коммунистической фракции Общества[2]. Будучи в первую очередь, ответной реакцией на активизировавшуюся деятельность Иранского консульства в Баку, это мероприятие также перекликалось с намерениями Коминтерна относительно этой группы граждан иранского происхождения, поскольку возглавляющий Иранское Культурное Общество С. Мадатзаде являлся одновременно представителем Коминтерна, направленным в Баку для работы среди иранских коммунистов. 9 марта 1929 года Агитпропотдел БК АКП(б) обсуждает работ}' Иранского Культурного Общества (ИКО), принимая ряд решений, в числе которых определяются организация ряда публичных лекций по вопросам современной Персии, увязание работы ИКО с политико-просветительскими организациями г. Баку, отведение в школах Баку помещений для вечерних курсов персидских рабочих, издания ряда брошюр на персидском языке и т.д. Отдельным пунктом поручается Организационно-распределительной комиссии БК «при распределении фонда по чадре иметь в виду обслуживание женщии-персиянок, вовлеченных в общество (орга-

[1] ГА АР, ф.57, оп.1, д. 864, л.7.
[2]ЦГАППОДАР, ф. Коп. 74, д. 733, л. 41.

низация мастерских, школ и т.д.)»[1]. Письма С. Мадатзаде, отправленные в этот период как в ИК Коминтерна, так и в центральные партийные органы Союза и республики очень четко передают настроения переидскоподданных, проживающих в Азербайджане, бывших иранских рабочих и революционеров, которые в целом были недовольны своим положением как из-за политики изменения гражданства, так и безразличны отношением, а чаще недоверием к себе со стороны местных властей[2]. Апогеем выражения недовольства бывших иранских граждан членами ИКП и передовыми рабочими является заседание иранских коммунистов и активистов, иранских революционеров в декабре 1931 года. Приуроченное к приезду в Баку представителя ИКП в Коминтерне А. Султанзаде (Микаельяна) в связи с обсуждением «Открытого письма» ИК Коминтерна Иранской компартии заседание это, проходившее в течение трех дней, по своему накалу и напряжению ввергает в замешательство его организаторов. Обвинительные речи участников направляются не только по адресу руководства ИКП, Коминтерна, но и советских властей в целом. Вопросы такого характера, как «Почему сегодня не доверяют революционерам, прошедшим через огненные события 20-х годов? Почему нас держат здесь в тюрьме? Почему не дают нам возможность вернуться в Иран» и т.д. свидетельствовали о глубоком разочаровании бывших иранских рабочих и коммунистов в стране диктатуры пролетариата, с построением которой они связывали большие надежды. Через несколько лет почти все участники этого заседания - начиная с самого Султанзаде и представителя в те годы ИКП в Баку Сейфи, кончая всеми критикующими и выражавшими недовольство, и просто присутствующими - станут жертвами сталинских репрессий.

Принятие в 1931. году в Иране закона, направленного против коммунистов и последовавшие за ним террор и гонения, сводят на нет любые возможности революционной работы в этой стране. Тем самым отпадает и последний интерес как Коминтерна, так и Советских и азербайджанских властей к открытой поддержке каких-либо организаций переидскоподданных.

Из отчетов комитета национальных меньшинств Наркомпроса четко видно, как год за годом меняются сами национальные группы, входящие в списки национальных меньшинств, проживающих в Азербайджане. К началу 1930-х годов закрывается оставшаяся единственная школа, принадлежащая иранцам - «Иттихад», просуществовавшая более 25 лет, закрываются также иранские мечети в русле антирелигиозной борьбы Советской власти. К середине 1930-х го/дов персов-иранцов уже окончательно исключают из списков нацменьшинств и четко обозначают как иностранноподданные. В документах 1933-1934 гг. персы уже в этих списках не упоминаются. Также в русле общей политики Советского государства по отношению к иностранноподданным, со второй половины 1930-х годов в Азербайджане начинается перепись переидскоподданных, проживающих и работающих в городах и районах республики. В ответ на запросы Центра партийные и советские органы всех без исключения населенных пунктов республики отправляют в ЦК АКП(б) подробные сведения о проживающих и работающих в контролируемых ими местностях и учреждениях персидскоподцанных[3].

В это же время начинается исключение из рядов АКП(б) всех персидскоподданых, не принявших советское гражданство. Списки исключенных из партии ираноподданных только по Шаумяновскому району свидетельствуют'о необоснованности и вымышленное™ причин, из-за которых были исключены более 200 членов АКП(б) - иранских рабочих, Так, поводом для исключения многих послужили такие повинности, как «сокрытие свое-

[1]ЦГА ПЛОД АР, ф. 12, оп. 2, д. 532, л. 181.
[r] Там же, ф. И, оп. 2, д. 25 л. 17; ф. 1, оп. 88, д. 21, *п.* 94-97.
[5] Там же, ф. 1, оп. 74, д. 516.

го ираноподданства от партии», (что практически было невозможно), «сокрытие факта существования родственников в Иране», «будучи Советским гражданином, хранение у себя иранского паспорта», «выезд родственников в Иран», «сохранение в своем доме портретов бывших партийный руководителей-врагов народа» и т.д.[1] Вопросы о подданстве возникали даже у принявших Советское гражданство коммунистов-иранцев, особенно в периоды проверок партийных документов и проведения чисток в рядах партии. В этом отношении представляют интерес документы одного из самых знаменитых в те годы рабочих-нефтяников, бывшего ираноподданного - Ага Нейматуллы. Именитому рабочему удалось избежать исключения из партии во время чисток в партии в 1935-1936 годах только благодаря тому, что он еще до начала проверки партдокументов сдал иранский паспорт для обмена на советский, и «Принимая во внимание подлинную ударную и самоотверженную работу тов. Ага Нейматулла на производстве и, что он является одним из знатных буровых мастеров Азербайджанской нефтяной промышленности и активно участвует в борьбе парторганизации промысла им. Микояна за выполнение плана добычи нефти...», он был оставлен в рядах партии[2].

Таким образом, основная часть ираноподданных, проживающих и работающих в больших городах Кавказа к середине 1930-х годов добровольно ли, или же по принуждению, интегрируется в общественно-политическую и культурно-просветительскую жизнь местного общества, испытывая на себе как преимущества, так и недостатки нового строя. Многие из них начинают получать среднее и высшее образование в разных техникумах и вузах страны; старые коммунисты и активисты, поддержавшие советские начинания, выдвигаются на ответственные посты и должности. Многие из них таюке переживают политические встряски, беспрерывно происходящие в стране - партийные чистки, обвинения в различных оппозиционых группировках и т.д. Бывшим иранским революционерам-эмигрантам запрещают заниматься политической деятельностью.

Однако, с наступлением 1937 года, ознаменовавшим собой пик «сталинских репрессий» вопрос о «персидскоподданных» вновь приобретает острую политическую окраску. Все более-менее известные «иранцы» попадают в поле зрения соответствующих органов страны, подвергаясь арестам, ссылкам, и т.д. В начале же 1938 года начинается массовая депортация персидскоподданных в Иран и этот процесс, сопровождаемый нескончаемыми проверками и чистками, продолжается вплоть до начала 1940 г. Общее число депортированных иранских граждан и членов их семей охватывает более 60 тысяч человек. От иранцев «были очищены: нефтяная промышленность, железнодорожный и водный транспорт, а также другие предприятия оборонного значения». Продолжалась работа по учету ираноподданых в остальных районах республики и приграничной полосе[3]. Следует подчеркнуть, что депортации эти оборачивались для многих семей в целом, и для каждого выдворенного в отдельности, большими проблемами, и даже трагедиями. Большинство мужчин-ираноподданных были женаты на женщинах-азербайджанках, нередко русских и др., национальностей, т.е. гражданках АССР, которые не желали ехать в Иран и отпускать своих детей. Сами мужчины-ираноподданные, при всех несправедливостях, причиняемых советскими властями, не хотели уезжать из страны, с которой уже долгие годы связали свою судьбу, не говоря уже 0 тех, кто здесь родился, вырос и считал своей родиной. Многие из депортированных - бывшие партийные и рабочие активисты, всерьез опасались за свою жизнь при возвращении в Иран из-за своей революционной, классовой и антирелигиозной деятельности, особенно в начале 1920-х годов, что было хорошо известно как иранцам, вернувшимся в те годы на ро-

[1] ЦГА ППОД АР, ф. 1, оп. 74, д. 515.
[2] Там же, ф. 1, оп. 11, д. 55, л. 301.
[3] Там же, ф. 1, оп. 88, д. 400, л. 1.

дину, так и иранским властям. Разные документы, письма, жалобы как самих подвергшихся депортации, так и доносы и другие материалы на них свидетельствуют о десятки тысяч искалеченных судьбах. Однако как оказалось, это было еще не самое худшее по сравнению с тем, что ожидало их соотечественников, оставшихся в Советской стране.

Одновременно с депортацией начинаются массовые аресты ираноподданных, которых повально обвиняют в шпионаже против Советского государства. Как следует из вышеупомянутой Справки НКВД, только по май 1938 года было изъято 308 человек в ходе «следствия, вскрывшей 4 иранских резидентур, работающих на английские разведывательные органы, 12 резидентур иранской разведки, 3 шпионско-диверсионных организаций иранской разведки» и т.д., а также «ираноподданных, занимавшихся фашистской, террористической, повстанческой агитацией и диверционно-вредительской деятельностью»[1].

Безусловно, в этот период не исключалось существование разведовательных агентур иностранных государств, в том числе и Ирана в Азербайджане, и в условиях нарастания военной угрозы в международной обстановке, мероприятия Советского государства, направленные на укрепление своих границ, промышленных и других объектов оборонного значения являлись весьма естественными. Однако, обвинения, предъявленные против большинства ираноподданных, не подкрепленные никакими доказательствами и основанные только на вымышленных показаниях и клевете, явно свидетельствовали о том, что они сфабрикованы на скорую руку. Так, врачи обвинялись во вредительской работе в области здравоохранения и передаче иранскому консулу данных о строительстве Бакинского водопровода, научные и литературные работники в добывании и передаче разных шпионских сведений, рабочие и служащие в ведении диверсионной и вредительской работы на нефтяных промыслах, совершении поджогов и обвалов в нефтепредприятиях, в выводе из строя нефтескважин и буровых и т.д. А один «агент иранской разведки», работающий в хлебопекарне в г. Кировабаде, обвинялся в том, что «имел задание в случае войны отравить население путем отравления хлеба». Яд, необходимый для этой цели он должен был получить от резидента иранской разведки[2].

Несколько тысяч человек - ираноподданных - подвергаются арестам, ссылкам и расстрелу, среди которых были видные иранские революционеры - участники революционных событий: на Кавказе и в Иране в начале 1920-х годов, весь состав Иранской компартии, вся иранская интеллигенция, получившая образование в Советском государстве, многие иранские рабочие-активисты, а также сотни невинных простых людей-ираноподданных. Все они впоследствии были реабилитированы.

Таким образом, целенаправленная политика Советского государства принудительного принятия Советского гражданства, депортации и репрессии, направленные против десятков тысяч ираноподданных, проводившееся в течение 1930-х годов, фактически сводят на нет к началу 1940 года саму возможность существования в какой-либо форме отдельной иранской общины в Азербайджане.

Избежавшие же участи своих депортированных и репрессированных соплеменников, сотни тысяч бывших ираноподданных и члены их семей интегрируются в местное общество, сливаясь с местным населением и став полноправными гражданами Советского Азербайджана.

Многие представители этой группы населения - выходцев из Ирана, а по сути те же тюрки-азербайджанцы впоследствиихтали знаменитостями и гордостью азербайджанского народа, дослужившись до самых высоких постов и достигнув самых ярких успехов в разных областях общественно-политической, хозяйственной, научной, литературной, культурной жизни Советского Азербайджана. Так, трое бывших выходцев из Ирана - Мир Ба-

.' ЦГА ПЛОД АР, ф. L оп. 88, д. 400, л. 1.
[2] Там же, л. 6.

шир Касимов, Мирза Ибрагимов и Гурбан Халилов в разные периоды были избраны председателями Верховного Совета Азербайджанской ССР. Из среды этой категории населения впоследствии вышли известные писатели, ученые, академики, партийные и государственные деятели, артисты, музыканты и т.д. Вместе с тем, историей именно этим поколениям была отведена роль хранителей памяти кровного родства со своими соплеменниками по ту сторону реки Аракса, ставшей границей между двумя государствами, на долгие годы разделивший единый народ на иранских и советских азербайджанцев.

После поражения в 1946 году национального движения в Иранском Азербайджане и массовой эмиграции новой волны ираноподданных - азербайджанских демократов в Советский Азербайджан, связь между так называемыми иранскими и советскими азербайджанцами была сведена почти на нет. И только после 1991 года, распада Советского Союза и восстановления Азербайджаном своей независимости восстановились также связи между азербайджанцами, проживающими в Иране и Азербайджане. Потомки многих выходцев из Ирана, десятилетиями сохранившие те или иные нити и память, также воссоединились со своими родными.

В заключении, подводя итоги, следует подчеркнуть, что роль и значение Советского государства и Советской политики в отношении нескольких поколений выходцев из Ирана в 1920-1930-е годы не возможно оценить однозначно. С одной стороны это сотки тысяч искалеченных судеб и погубленных жизней, учитывая трагическую участь десятков тысяч людей, разочарованных в своих надеждах и чаяниях, депортированных, замученных в лагерях и расстрелянных в смутные годы становления Советской власти, а затем сталинских репрессий. С другой стороны, это сложившиеся и состоявшиеся человеческие судьбы сотен тысяч людей из глухих и бедных иранских провинций, воспользовавшихся всеми благами, предоставленными своей новой Родиной и проповедуемой ею идеологией, и в результате ставшими достойными гражданами и личностями.

Robert Kindler,
(Germany)

FLIGHT, VIOLENCE AND RESISTANCE. THE KAZAKHS AND THE SINO-SOVTET BORDER IN THE EARLY 1930S[1]

Introduction

In the first half of November 1930, a group of some 60 people crossed the Sino-Soviet border into the territory of the Kazakh ASSR. It consisted of Kazakhs who had fled Kazakhstan in the months and years before, to evade dekulakization and procurement campaigns. The group was headed by two men, named Алимджанан Кутанов and Базарбек Нуртазынов, who had formed it on the Chinese side out of refugees. As the group had reached Soviet territory, the men split into several small groups and headed to some *only* in Malaj-Sarijskij rajon where they had rela-

[1]1 am gratefiil to the Fritz-Thyssen-Stiftung for financial support that made research for this article possible. I would like to thank Sarah Cameron (Yale) and the participants of the conference "Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века. Традиции и иновации" for their comments on earlier versions of this text.

tives and fellow members of their clans. During the following days, the newly arrived met with acquaintances and held secret meetings. Their main goal was to organize the migration of Kazakh *auly* to Xinjiang and to form effective fighting forces to protect the planned откочевка. Meanwhile, they attacked collective and state farms in the rajon, stole cattle and grain and abducted local Soviet officials. Several encounters between communist volunteers and the so-called bandits led to some casualties on the side of the "bandits", but were not able to prevent them from further actions. The preparations for the migration of people, livestock and belongings to Xinjiang went well and around the 25th of November, everything was ready. Two days later, a detachment of Soviet border troops detected the group that consisted of at least 500 people and several thousand head of cattle in the mountains close to the border. The soldiers immediately opened fire and tried to prevent the people to move on to Chinese territory. The encounter lasted for several hours and both sides fought with ferocity and without mercy. After the fight had ended, the border troops' losses added up to one injured soldier, two injured and two killed horses, whereas the otkochevniki bemoaned more than 240 killed men. 50 women and 30 children had been caught by the soldiers, along with 600 horses and 100 camels. A report on this incidence, compiled by officials with the OGPU, stated that the банда w[r]as annihilated'.

The story told here was in many ways typical for the situation in the late 1920s and early 1930s in Kazakhstan's border regions. Everywhere, Kazakhs left their аулы and колхозы and fled to China. They tried to avoid the endless procurement and requisition campaigns, conducted by Bolshevik officials and were seeking refuge from famine and starvation that steamrolled the Kazakh ASSR in these years. Border guards tried to prevent people from leaving the "paradise of workers and peasants", with both agitation and machineguns. Considering the results of different encounters at the border, these were not only not unequal fights, but massacres, conducted by border guards. Counting those, who were either caught or killed during the attempt to reach Chinese territory, is almost impossible, whereas the border troops' losses did not exceed some single victims[2]. The number of those who crossed the border to China and. stayed there for a longer or shorter period is difficult to estimate, but surely exceeds 200.000 thousand people[3].

Up to now, Soviet border politics have been mainly analysed through the prism of central decisions and directives and their subsequent implementation at the actual borders. These works suggested that Soviet borders were well guarded and fortified.[4] This might have been the. case with borders to the West, but in the Central Asian regions, the situation was different. This article is suggests that a view from "below", at the actual processes that occurred at the border does not only contribute to our knowledge on migratory processes during the Stalinist "Revolution from above" but broadens as well our understanding on the implementation of border politics at the periphery.

This article is devoted to the Kazakhs mass flight to Western China (Xinjiang) during the first years of the 1930s. It does not discuss the reasons for and the outcomes of these migrations; but it is rather an attempt to interpret its dynamics by analysing two aspects that are crucial for a deeper understanding of the processes that occurred at the border: Firstly, the border region is understood here as a zone of omnipresent violence. Different groups of actors used violence as *the* principal

' Российский Государственный Военный Архив (РГВА), ф. 25895, оп. 1, д. 711, лл. 389-395.

[2] Архив Президента Республика Казахстан (АПРК), ф.141, оп. 1, д. 4577, лл. 1-2. In contrast to the many victims among the refugees, the few border guards, who died in action were remembered and stylized as heroes. See for example: В.А. Солод. Заставы боевой славы. - Алма-Ата, 1987; М.П. Распопиный: На охране юго-восточных рубежей. Краткий очерк боевого пути пограничных войск округа. - Алма-Ата, 1974.

[3] Роберт Конквест. Жатва скорби // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 88.

[4] Important works on Soviet border politics include: В.Ф. Нэх. История советской пограничной политики, 1917-1941. - Москва, 2008; Andrea Chandler. Institutions of Isolation. Border Controls in the Soviet Union and its Successor States, 1917-1993.-Montreal, 1998.

instrument in order to achieve their goals. Therefore, the border zone became a context, where the appearance of violence had to be expected by everyone everywhere and any time. The awareness of the omnipresent possibility of violence structured people's perceptions and deeds. Secondly, the article discusses the role and importance of men like Кутаков and Нуртазынов who were the principal agents of communication and contact between the two sides of the border. They were permanent and "professional" border crossers, men that acted as smugglers and escape agents, who abducted people and cattle, and resisted and fought border troops. And most important, they had kinship and clan ties on both sides. All these factors taken together made them the principal organizers and conductors of the Kazakhs' mass migrations, to Xinjiang.

Th e borderland - A zone of contact

Borders are not just mere lines on a map, but socially constructed and complex phenomena. Borders are not naturally given but dynamic and changeable, both in space and time. They are permeable and linked in form and function to the cultures, histories and social systems certain societies have.[1] A "borderland" or "border region" is, at first glance, nothing else but the Sand situated on both sides of a border. Its size may reach from few kilometres on both sides to territories that consist of several hundreds or even thousands of square kilometres. The inhabitants of border regions are often bound together by shared interests, cultural values and sometimes even by belonging to the same ethnic group. This sense of cohesion across the border and the shared identities of those living at the border are often strong sometimes even more important to everyday life than belonging to a certain state. The self-identification of being people of the borderland can be further fortified by the very nature of border economies. The regions' inhabitants may depend on trade, may it be legal or illegal. Smuggling of goods and people implies knowledge of natural conditions, border fortifications and, most important, people on both sides of the tailgate.[2] At the same time, borderlands are regions, which are constantly contested by those who act in it or claim to own it. Their affiliation to one state or another often remains unclear, their dimensions are subject to change and the identities of their inhabitants are flexible. Borderlands are often not a stable entity, but change with every person who tries to rationalize its shape, contents and functions.

All these characteristics apply to the borderland and its inhabitants that are the subject of this article. The borderland under consideration here consists roughly of the Eastern regions of Kazakhstan the Western parts of Xinjiang. The both sides were tied together by a multitude of factors, as trade and smuggling[3], manifold ethnic and kinship relations between Uighurs, Russians, Tatars and Kazakh nomads on both side of the border.[4]

The regions' principal inhabitants were Kazakh nomads. Nomads may always have an "exit option" to evade threats. But at the same time, they possess a strong sense for their particular home region, which they are willing to leave only in times of bitter need and danger[5]. As peo-

[1] For an overview, see: David Newman. Boundary Geopolitics. Towards a Theory of Territorial Lines?, in: Eiki Berg / Henk van Houtum fled.): Routing Borders Between Territories, Discourses and Practices. - Adlershot, 2003. - P. 277-29land the contributions in the volume Clive Schofield / David Newman et ai (Ed.): The Razor's Edge. International Boundaries and Political Geography, - London, 2002.

[2] Audrey Shlyakhter. Smuggling Across the Soviet Borders. Contraband trade and the Soviet straggle against it, 1917-1939 // Paper given at the XIV International Economic History Congress. - Helsinki, 2006; http://www.helsinki.fi/iehc2006/papers3/Shlyakhter.pdf.

[3] On trade between Kazakhstan and Xinjiang see: В.А. Бармин: Советский Союз и Сивьцзян 1918-1941 гг. / Региональный фактор во внешней политике Советского Союза. - Барнаул, 1999.

[4] Кармышева Галия Шахмухаммеад кысы. К истории татарской интеллигенции 1890-1930-е годы. - Москва. 2004. - С. 68.

[5] As an example for the Kazakhs' sense of belonging to certain regions, see: Saulesh Yessenova. The Space between two Journeys. Kazakh Social Organization and Rural to Urban Migration, in: Michael Gervers et al. (Ed.): Cultural Interaction and Conflict in Central and Inner Asia. - Toronto, 2004. - P. 101-126.

pie who are constantly on the move, nomads have an understanding of space and territory that is based firstly upon the needs and requirements of a society leading a pastoralist lifestyle. The most important factors here are the availability of pastures for the livestock, seasonal migration routes and the occasional contacts with sedentary oasis dwellers and peasants'. And secondly, this sense of territoriality harbours symbolic and religious meanings for the nomadic communities. The nomads' mobility and their disregard of state boundaries were always regarded as highly problematic by sedentary states[2]. If certain parts of the population felt free to move in and out of the country as they pleased, how was it possible to govern them, to extract taxes from them, recruit soldiers among their men or build up reliable administrative structures?[3] Over the centuries, different states have found varying answers to these questions, but their responses can basically be divided into two broad sets of measures: whether they tried to civilize the "barbarians", thus to settle the nomads and pacify them, or they sought to ban them from their territories, be it with tributes or with brute force. While the former was a strategy to deal with nomadic tribes within borders, the latter was mainly used to come to terms with mounted pastoralists outside one's realm[4].

The Kazakh pastoralists consciously took advantage of the border's existence, as Owen Lattimore observed: "The political frontier does not accord with the needs of the nomads. [...] It has long been their [the Kazakhs, R.K.] practice to migrate across the political boundary at their own discretion; a practice which their overlords have always prevented if they could. When they find Chinese rule lighter than Russian, there is an inevitable tendency to move into Chinese territory, moving back again when conditions change"[5]. Lattimore's account reveals an important point: Kazakh tribes roamed with their herds through the mountains, thereby crossing the border line again and again[6]. They did so not only in times of need, but also in more peaceful times. Clans spanned over the border and nomads migrated with their cattle to summer pastures in both directions. Under the permanent pressure of dekulakization and collectivization, the Kazakhs took once again advantage of their "exit option"[7].

The Bolsheviks were anxious and nervous because of the manifold contacts and connections in the borderland. For them, the existence of a border region that spanned the borderline was not a question, but a reality.[8] Literally every single report on the political and social situation in the border districts underlined, how intensively the trans-border communications and networks worked

[1] It has to be added that oases were located in the same places over centuries, but even their boundaries were sometimes subject to change. Anatoli] Khazanov. Nomads and oases in Central Asia, in: John A. Hall, I.C. Jarvie (lid.): Transition to Modernity. Essays on Power, Wealth and Belief. - Cambridge, 1992. - P. 70.

[2] Moshe Gammer. Russia and Eurasian Steppe Nomads. Aa Overview, in: Reuven Arnitai, Michael Biran: Mongols, Turks, and Others. - Leiden, 2005. - P. 483-502.

[3] The problem of domestic conflicts over pastures, water and land use in genera! with settled peasants should be mentioned here, but cannot be discussed in depth here. For are detailed account on conflicts in the steppe, see for example: В.Г. Чеботарева. Проблемы русской колонизации: Была ли Россия "тюрмой народов"? Н.Ф. Бугай (сост.): Россия и Казахстан. Проблемы истории (XX - начало XXI вв.). - Москва, 2006. - С. 83-3 32.

[4] See for example: Thomas J. Barfieid. The Perilous Frontier. Nomadic Empires and China. - Cambridge: MA, 1989; For Russia see: Eva-Maria Stollberg: Russland als eurasisches Imperium. Grenzregime und Grenzgeseilschaft von der Neuzeit bis zum 20. Jahrhundert, in: Comparative Zeitscbrift fer Globalgeschichte und vergleichende Gesellschaftsforschung, 17/4 (2007). - P. 37-55.

[5] Owen Lattimore: Chinese Turkistan, in: Ibid.: Studies in Frontier History. Collected Papers 1928-1958, - Paris, 1962.-P. 190.

[6] Ingvar Svanberg. The Nomadism of Orta Zhuz Kazaks in Xinjiang, 1913-1949, in: Linda Benson, Ingvar Svanberg (Ed.): The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority. - Uppsala, 1988. - P. 107-140.

'Thousands of Kazakhs had crossed the border to China during the uprising of 1916 and in its aftermath. See: Д.А. Аманжолова (сост.): Россия и Центральная Азия, 1905-1925 гг. Сборник документов. - Караганды, 2005. - С. 108.

[8] Even in sources, published in the 1970s in the USSR on the Central Asian borders of the Soviet Union, this fact is evident. See for example: П.И. Зырянов и др. (сост.): Пограничные войска СССР 1929-3938. Сборник документов и материалов. - Москва, 1972. - С. 294.

and how well-established they were. In addition to the personal ties, the communists worried on the situation in the sector of trade (and smuggling). Focussing on the problem of the supply in the border region with tea and other goods, a Bolshevik official described the long-established smuggle networks in the region: "[...] самый главный продукт, играющий колоссальнейшую роль в жизни казакского населения - это чай.[...] Богат и славен тот, кто больше имеет чая. [...] - главный контрабандный товар. Немудрено, что скот, ходки и прочее имущество, какое только есть у казаков, он с огромными трудностями и риском отправляется в Китай, чтобы там на это выменять чай.[...] Получается совершенно несуразное положение. Не только скот, но различное сырье, пушнина большей частью направляется за границу, китайским купцам. Оттуда казахское население получает чай и различные промтовары, нашего же советского производства [....] Потом же это контрабандное сырье китайские купцы обменивают с нами на промтовары. Таким образом наше сырье контрабандой направляется в Китай, а оттуда к нам. Промтовары, наоборот, от нас идут в Китай, а отгуда к нам... Товарообмен нашего города с нашей же деревней происходит через посредство китайских купцов. И сырье, и промтовары дважды переходят границу: один раз контрабандным путем, а другой официальным, в порядке государственной торговли с Китаем"[1]. This example illustrates, how widespread and important were trans-border networks, both legal and illegal. They were a at the same time a challenge for Bolshevik rule and authority and served as a constant reaffirmation of existing connections that spanned over the border. The smuggle of goods and the unhampered migration of people were obvious signs for the weakness of control on both sides.

The borderland In the early 1930s -A zone of violence

Contexts exist where violence is not the "other", but a common part of everyday communication and culture. In such contexts, i.e. spaces like borderlands, institutions like the army or extreme situations such as famines, a "cultural normalization of violence" takes place[2]. Here, everybody knows and expects violence, and is therefore acting accordingly. The Sino-Soviet borderland was such a context, too.

Borderlands are often unstable entities, not only with regard to their size and dimensions, but also with respect to security. More often than not, the question: "who rales the borderland?" cannot be clearly answered. Several actors exercise power and are constantly involved in rivalries. In this regard the borderland between Kazakhstan and Xinjiang was no exception. Although the Bolsheviks were the nominal lords on the Soviet side and the Republican government in "Nanking claimed to rule over the Chinese territories, reality did not always and everywhere match with these claims.

At the beginning of the 1930s, Xinjiang was shattered by rebellions, uprisings and series of assassinations. In 1933, civil war finally broke out and eventually let to the establishment of the so-called East Turkestan Republic, an entity largely dependent on Soviet support and influence. Meanwhile, the situation in Xinjiang became more and more unstable due to the Kazakh откочевники[3] and famine refugees from the Chinese heartland. Mounted bandits invaded villages and stole horses and supplies. Food supplies became scarce and many districts faced famine conditions[4]. In the immediate border zone, different armed groups, namely Soviet and Chinese bor-

[1] АГlРК, ф. 141, оп. 17, д. 465, лл. 64-65.

[2] Trutz von Trotha: Zur Sozioiogie der Gewalt. *KцЫee Zeitschrift for Scziologie una Sozialpsychologie,* 57 (1997). - P. 34.

[3] The word откочевник comes from the Russian word кочевник arid refers to the famine fleers.

[4] Петров В.И. Мятбкное сердце Азии. Синьцзян. Краткая история народных движении и воспоминания. - Москва, 2003. - С. 332.

der troops, Kazakh warriors and smugglers were entangled in an endless and deadly struggle over control. Over the next years, Soviet influence in Xinjiang grew significantly, making the region a de-facto province of the USSR[1].

Seen from the Bolsheviks' perspective, the things on the Soviet side went all but well. The Eastern districts of Kazakhstan had been in an almost permanent state of conflict since the Kazakhs' uprising of 1916. The events of 1916 culminated in violent revenge actions from both the Russian arniy and the peasant settlers and the mass flight of some 300.000 Kazakhs over the border into Xinjiang and lead to excesses at the border[2]. Russian and Chinese boarder troops shot at the refugees, famine broke out on both sides of the border and criminal gangs robbed the helpless[3]. Since then, the possibility of violence and uncertain power structures on the local level dominated peoples' perceptions and actions in the borderland. After the Bolshevik had won in the Civil War, they tried to establish their new order[4]. During the first years, the establishment of Soviet rule in the steppe was a process of reciprocal alignment. Both nomads and communists had to compromise about the allocation of power and influence[5]. This proved to be true until 1928. With the beginning of the Stalinist "Revolution from above", the Bolsheviks finally felt strong enough to wage conflict with the authorities of the nomadic communities. They expropriated the wealthiest among the *bai* and deported them from their home regions. This policy was soon to be followed by the largest catastrophe the steppe had ever faced: The campaigns to collectivize and sedentarize the nomads. The aims of these brands of politics were not only the reorganisation of the economy but to subdue the peasantry and the nomads of the Soviet Union[6]. The result was an outbreak of violence that raged all over the country and took forms of a civil war. As in all other regions, this was the case in Kazakhstan. These combined campaigns were accompanied by endless requisitions of livestock and grain and led into a large-scale famine that cost the lives of approximately 1.5 million people[7]. Several hundred thousands of people were fleeing Kazakhstan. Many were seeking refuge in neighbouring Soviet republics and regions, such as Siberia or the Central Asian republics[8]. A large share of these people moved to Xinjiang, thus trying to evade hunger and violence.

As in other regions, the collectivization campaign was carried out in the border regions with a mixture of violence, mismanagement and lack of interest in peoples needs. A report on the situation in Kazakhstan's border region from April 1930 stated: "Организация колхозов проходит

[1] On the Soviet influence and the end of friendly relations between Shen Shicai and the Soviets, see: Mtlhvard. Eurasian Crossroads. P. 198; Forbes. Warlords and Muslims. - P. 97ff.

[2] On the uprising see: Daniel Brower. Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916. - Jahrbbcher fer Geschichte Osteuropas 46,1 (1996). - P. 41-53.

[5] A report from summer 1917 claimed that more than 50% of the refugees had died, whether at the border or in China. Аманжолова. Россия и Центральная Азия. - С. 108.

[4] On Civil War in Central Asia, see: Марко Буттино: Революция наоборот. Средная Азия между падением царской империи и образованием СССР. - Москва, 2007.

[5] The process of integration of "tribal" or "local" networks into the party apparatus is analyzed by Adrienne Lynn Edgar: Tribal Nation. The making of Soviet Turkmenistan. - Princeton, 2004.

[6] Jurg Baberowski. Der rote Terror: Die Geschichte des Stalinismus. - Mbnchen: DVA, 2004 2nd. P. 108-34; Lynne Viola. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. - New York: Oxford UP, 1996). - P. 13-44.

[7] For detailed accounts of these campaigns and their outcomes, see: Isabelle Ohayon. La siidentarisation des Kazakhs dans PURRS de Stalin: Collectivisation et changement social, 1928-194 - (Paris: Maisonneuve et Larose, 2006; Niccolx Piancioia. Famine in the Steppe: The Collectivization of Agriculture and the Kazak Herdsmen, 1928-1934. Cahiers du monde Russe 45,1/2 (2004):! 37-92; З.Б. Абылхожин, М.К. Козыбаев: Казахстанская трагедия // Вопросы Истории. 1989. № 7. - С. 53-71.

[8] Малышева М.П., Познанский. В.С. Казахи - беженцы от голода в западной Сибири (1931-1934 гг.). - Алмагы, 1999.

крайне ненормально, в особенности в аулах, из округа, районов прибывают много уполномоченных, в большинстве не имеющих представления о колхозном строительстве, толкующим об организации как кому вздумается".' The resulting chaos, accompanied by rumours, arrests and constant threats led to a situation, in which leaving Kazakhstan became an option not only for those who were subject to dekuiakization but to everybody. Some rajony in the border region lost up to a third of their population in i 930/31[2].

Crossing the border

People, who decided to leave Kazakhstan to Xinjiang with their families and the remainders of their herds, took a great risk. For many among them, the borderland became a death trap. First of all there were the dangers of crossing the high mountains: blizzards or snow storms might emerge and narrow paths made the passage an perilous adventure in any case. Many among the refugees came from the plain steppe and were therefore not accustomed to mountainous terrain. But these natural threats were only of minor concern to the refugees. They feared first and foremost the punishment for any attempt to leave the Soviet Union.

The example of Samii Sibenov illustrates, which consequences could accrue from escaping the "paradise of workers and peasants". Being a former Kolkhoz-Chairman, who had been removed from his post because of his alleged connections with local *bat* Sibenov led a group of some 50 families to the border. They were stopped by border guards, an exchange of fire began and more than 20 people were caught, among them Sibenov's family. He was able to hide in the mountains. Fearing his revenge and as a punishment, local authorities decided to deport his relatives into a region far away from the border.[3] The deportation of "enemies" and their families was a common occurrence during collectivization and dekulakisation[4].

The Soviet border guards did not hesitate to make use of their weapons. Rumours circulated among the population, saying that several hundred people had been killed at the border[5]. Reality even outmatched these appalling rumours. One of the major border crossing zones was the Hi district. A report claimed that in tills region in 1930 more than 1000 people had been killed, including women and children, while trying to reach Chinese territory.[6] The Soviet border guards did not restrict themselves to shooting at the border, but often followed the refugees to Chinese territory and massacred them there. In a report to senior authorities, a Chinese officer stated: "Вчера вечером издалека мы видели, как группа русских казахов в составе, приблизительно 200-300 человек через горный, перевал прошла на китайскую территорию расстоянием в 20-30 ли [10-15 км. Р.К.] от линии государственной границы и в погоне за ними перешла на китайскую границу группа вооруженных красноармейцев. Преследуемые киргизы [казахов иногда еще назвали киргизы, Р.К.] разбежались в разные стороны. [...] Указанная группа красноармейцев захватила беженские скот и вещи и вернулась в советские пределы. Я [„.] отправился обследовать положение и увидел следы жестокой расправы красноармейцев с киргизами - более 10 человек были убиты ими на китайской территории, остальные разбе.жались.[...] Следует отметить, что подробного рода вооруженный переход указанными красноармейцами границы был и в прошлом не так давно".[7] The Soviet border troops did not observe the line they had to safeguard, they rather ignored it. They regarded the territories on both side of the bor-

[1] АПРК, ф. 141, оп. 17, д. 465, л. 2.

[2] Ibid, л. 65.-

[3] Жавдабекова О.В. (сост.): Под грифом секретности. Откочевки, казахов в Китай в период коллективизации, реэмиграции, 1928-1957 гг. Сборник документов. - Усть-Каменогорск, 1998. - С. 42.

[4] Lynne Viola. The Unknown Gulag. The Lost World of Stalin's Special Settlers. - Oxford, 2007.

[5] Российский Государственный Архив Социально-политической Истории, ф. 62, оп. 2, д. 2095, л. 136.

[6] АПРК, ф. 141, оп. !, д. 4577, л. 2.

[7] АПРК, ф. 141, оп. 1, д. 45771, л. 5.

der as their area of action, where they could act largely unhampered. This attitude was further amplified by the Bolshevik rhetoric on enemies and the merciless struggle against them.

As was shown above, crossing the border was illegal and it was a complicated and dangerous affair. The only people who were able to provide a reasonably safe transfer were Kazakhs living in the mountains as nomads and part-time smugglers. They possessed the required knowledge of valleys, passes and intersections and they had the necessary contacts on both sides of the border.[1] These men were the archetypes of "borderland-people". Many among them were well known among the population throughout the region.

Until the late 1920s the most powerful among them had largely been able to ignore the existence of borders and border guards, as the example of the "Chinese" Kazaldi Mukan Massalimov shows. A military report from April 1930 labelled him as a "bandit", who allegedly abducted some 40 families together with their livestock and belongings and led them to China. The report stated that: "Банда Массалимова известна и ранее своими вооруженными нападениями на наших пограничников в районе перевала Кергентас, где на советской территории китайский бай Массалимов в течение июля и августа 1929 года пас свой скот под вооруженноой охраной бандитов"[2] As many others, Massalimov was able to move through the borderlands largely unhampered. Men like him led their life on both sides of the border, consciously crossing it and thereby constantly defining and redefining the borderland and its boundaries. Due to their good connections, the times of their arrival in the *auly* and *kolkhozy* were known well beforehand and people had already finished their preparations for the flight over the border. People would gather and the outlaws showed them their routes.

How did the flight of an au! or a group of Kazakhs happen? An example, which is in many regards typical, is the testimony of Kabimoida Zheksembaev. In October 1934 Zheksembaev, a Kazakh, was interrogated by a plenipotentiary with the Soviet border troops. He had been caught during an attempt to cross the border from the Chinese province Синьцзян into to Kazakhstan. He declared: "Я проживал в одном ауле с баем Чумукбаевым Базарбаем и Кошкомбаевым Жаканом (последний вами задержан при реэмиграции и сейчас сидит с нами). С лета 1932 года эти два бая, очевидно, имея связь с закордонными бандитами, стали уговаривать моего отца уйти в Китай, причем бай Кошкембаев Жакан говорил, что скоро придет его сын из Китая - Жумакан, который нас и уведет. Действительно, летом (не помню, в каком месяце) 1932 года его сын, бандит Жаканов Жумакан пришел из Китая, но увести нас не мог, т.к. был убит черновикекими партизанами. Примерно через дней 10 после того, как был убит бандит Жаканов Жумакан, из Китая пришли бандиты Оспанов Солтангазы, сбежавший из Бугумуюзского сельсовета, Тлеукенов Кабдрахман из 5-го аула, Базарбаев Ахметбай из 3-го аула, Кабдошев Мурзабек из 5-го аула. Эти бандиты имели 2 трехлинейки, один револьвер (систему не знаю) и один бинокль. [...] По прибытии эти бандиты установили связь с упомянутыми выше баями Чумукбаевым Базарбаем и Кошкембаевым Жаканом, за которыми они специально пришли, а баи эти уже совсем подговорили моего отца-бедняка, еще они присоединили к этой откочевке муллу Саекбая Увалиева, нашего зятя, обложенного налогом индивидуально как мулла, и все мы с этими бандитами укочевали в Китай.

Бандиты выкрали из колхоза 4-го аула Катон-Карагайского района 15 лошадей, я же взял свою необобществленную лошадь и еще взял из совхоза другую лошадь взамен остановленной там собственной коровы и на этих двух лошадях уехал. Баи Чумукбаев и Кошкомбаев поехали и повезли свои семьи на лошадях, приведенных бандитами из 4-го аула."[3] The story Kabimoida Zheksembaev told his interrogator was in many respects characteristic for the

[1] АПРК, ф. 141, оп. 1, д. 5076, л. 20.
[2] Жандабекова. О.В. Под грифом секретности, ст. 26.
[3] Жандабекова. О.В. Под грифом секретности... С. 72.

way flights were organized and conducted. The people smugglers were often somehow affiliated with those wishing to leave. They operated in small groups that usually consisted of three to ten armed horsemen. It was both an incentive and a kind of pay for them to pilfer livestock, especially horses, from kolkhoz farms along their way. As in Zheksembaev's story, they often tried to take the livestock from other clans' *auly* or collective farms.

The Bolsheviks regarded these men as their enemies. One report summarized: "Преступный элемент из наших пограничных районов, рассчитывая спастись от ответственности за свои преступные деяния, находит себе единомышленников в среде казахского населения китайской пограничной полосы и при вооруженном содействии последных нарушает границу, нападает и бесчинствует над нашим пограничным наслением, грабя его, и забирает население с собой в китайские пределы."[1] According to the logic brought forward in this statement, any kind of "resistance" against the "enemies" was not only allowed but a necessity. The border troops' commanders knew that mass flight and migration could at least be reduced, if they were able to eliminate its leaders. Other measures would not bring any success, as a report on the situation in 1930 had to admit: "Никакие суровые меры борьбы пограничников с переходами границы не дали реальных результатов в смысле сокращения беженского потока. Мероприятия борьбы были самие беспощадные: в течение года по границе с Илийском округом были убито более 1000 человек, намеревающихся перейти нелегально на Китайскую территорию^...] При чем среди убитых в боях были помимо мужчин, женщины и дети."[2] This escalation of violence led in turn to a radicalisation of the Kazakhs' actions, thereby further intensifying hatred on both sides. The organizers of mass flights knew, which would be their destiny, if they were caught by border guards and the acted accordingly. Whenever they were strong enough to wage a encounter they did so. And whenever they had to fight, be it to protect the migrating families and herds or be it because of the situation's hopelessness, they fought without mercy. The story, told in the very beginning of this article, is a good example for both the brutality and the readiness to make sacrifices shown by the leaders. As one of them had no ammunition left, he throw himself on a soldier and tried choke him[3].

When it came to negotiations with the Chinese over the issue of repatriation of refugees it became obvious that the communists were not so much concerned about the ordinary refugees; they really wanted the border crossers and "bandits"[4]. A report by Soviet border troops from April 1930 underlined this. After listing the names of some 80 people the border guards were tracing, the text went on: "Перечисленные преступники, содействовавшие бандитам и бежавшие в китайские пределы, составляют лишь некоторую часть того преступного элемента, который под покровительством китайско-бандитских шаек скрылся в китайские пределы. Полностью список всех бежавших преступников будет представлен дополнительно, но на выдаче перечисленных выше настаиваем категорически. [...] Наши требования, адресованные непосредственно пограничным китайским властям, при переговорах на границе встречают со стороны китайских представителей отказы, которые приводятся в виде ссылок на то, что местонахождение бежавших, наличие шаек и взятие ими нашего населения китайским представителям неизвестны. Китайские представители не отрицают наличие у них предписаний и приказов провинциальных властей, требующих немедленной выдачи обратно

[1] Жандабекова О.В. Под грифом секретности... С. 24.
[2] АПРК, ф. 141, оп. 17, д. 465, л. 60.
[3] РГВА, ф. 25895, оп. I, д. 711, л. 394.
[4] Bruce Adams argues that the existence of Kazakh refugees in Xinjiang to some extent was even useful for the Bolsheviks. See: Bruce Adams: Re-Emigration from Western China to the USSR, 1954-1962, in: Cynthia J. Buckley, Biair A. Ruble and Erin Trouth Hofmann (Ed.): Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia. - Woodrow Wilson Centre, 2008.

бежавших с территории СССР, но выполнение их якобы сопряжено с разными трудностями, почему и китайские представители затягивают передачу, на деле продолжая преступные подстрекательства к дальнейшим налетам на нашу территорию. [...] Казахский князь Алень Жипысканов категорически отказался выполнить имеющиеся распоряжения о передаче обратно нашего населения, мотивируя тем, что это его братья. В отношении бежавших в долину реки Кобук и пограничную полосу Дубрульджинского уезда ожидать выдачу таковых от местных китайских пограничных властей совершенно не приходится, поскольку таковые непосредственно участвовали в уводе нашего населения в китайские пределы.."[1]. As in many other cases, the author of this report bemoaned Chinese support for, or at least, their indifference towards the "bandits". Even if he was right by claiming that Chinese officials were not keen to extradite Kazakhs, his judgement that they actively supported "professional" border crossers was largely exaggerated. The Chinese border guards were rather willing to let people go for a bribe. Furthermore, the Bolsheviks criticised the Chinese for their apparent inactivity in the question of repatriation of refugees. Endless complaints concerning this point were written, read and filed.

Though the Soviet officials were never satisfied with Chinese attempts to deport Kazakh refugees, Chinese soldiers did indeed sometimes send refugees back to Kazakhstan. And over the years, at least some Kazakhs decided to go back to the Soviet Union. They did so for personal reasons, because of the catastrophic material conditions in Xinjiang or in face of the continuing Civil War in the region. Re-Emigration seriously began only after World War II, when the communists in China took over and conditions in Kazakhstan seemed to improve slightly[2].

Conclusions

Seeking refuge beyond the Soviet border implied more than just crossing it. It was a dangerous and perilous journey for both men and livestock. Besides the difficult natural conditions in the mountains, it was especially the threat of being caught by Soviet border troops that made such an undertaking a venturesome. Soldiers did not stop at the actual borderline, but considered the lands on both sides of the border as their territory of influence. This fact indicates that the border was not a definable line in nature, but a region, where different groups interacted with each other. The conscious or unintended disregard of boundary-posts or fences indicated the irrelevance of these markers for the various border crossers, both on a map or in reality. The dimensions of this space depended on mobility, obstacles, and enemy actions. It was defined with violence by border troops and otkochevniki alike. Dominance was not stable but had to be negotiated again and again with the use of weapons. This is why "professional" border crossers, the escape agents and organizers of migrations were so important. They did not only possess the required knowledge of the mountainous terrain, but they were also able to organise resistance and as the border guards, they used violence to achieve their goals. The result was a situation in which violence was omnipresent, at the same time a threat and a possible option, available to everyone. The history of the mass flight of Kazakh nomads to Xinjiang can only be understood, if it is placed into this context of permanent instability and violence.

[1] Жандабекова О.В. Под грифом секретности... С. 30ff.

[2] Adams, Re-Emigration; Г.М. Мендикулова: Исторические судьбы казахской диаспоры. Проюхождение и развитие. - Алматы, 1997. - С. 113,220.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

Ш. Мухамедое,
(Узбекистан)

РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ТУРКЕСТАНА: ИЗМЕНЕНИЯ В БЫТУ И НРАВАХ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Царская колонизация Туркестана в 60-70-х годах XIX в. коренным образом изменила ход развития народов этого региона по сравнению с предыдущими столетиями. В регион приходит совершенно иная цивилизация, которая была не знакома народам края. Основой этой цивилизации было христианское православие. Соприкоснулись два мира - два образа жизни. Естественно, что это взаимодействие затрагивает и глубинные процессы в обществе. Однако царская Россия уже имела опыт взаимодействия с миром ислама. Царская Россия с самого начала формировалась как объединение имперского типа - огромный конгломерат разноэтнических и поликонфессиональных народов.

После царского завоевания в быту и нравах местного населения происходят определенные изменения. Не дожидаясь санкций центра вскоре после захвата Ташкента в июне 1865 г. М.Г. Черняев распространил на местных базарах свое обращение к жителям; города, «Начальник новой области обещал местным жителям неприкосновение веры и обычаев. Отказался от квартирной и военной повинности, сохранил шариатский суд, запретил произвольные поборы с населения и в качестве особой милости на год освободил горожан ото всех податей и налогов»'.

Основой быта и нравов местного населения был ислам, который имел в разных регионах Туркестана различное влияние. Учитывая то, что народы региона делились на оседлое земледельческое и кочевое население, царская администрация начала проводить дифференцированную политику в отношении мусульманской религии на местах.

«Устроитель» Туркестанского края К.П. фон Кауфман (1867-1882 гг.) вводит политику «игнорирования» ислама. Он «отклонял все попытки организовать прочные мусульманские учреждения, предоставив существующим уже пробавляться, как сами знают, без всякой поддержки со стороны русской власти»[2]. Кауфман считал, что, благодаря такой политике, исчезнет само собой туземная конфессиональная школа и взамен её правительством будут учреждены школы для совместного воспитания русских и туземцев, соответственно духу времени й потребностям государства, без всякого конфессионального характера и без посягательств на религиозные убеждения мусульман»[3]. Однако русско-туземные школы не имели успеха, т.к. здесь не давалось никаких знаний о шариате. До 1917 г. мы не находим сведений о том, что местное население, как оседлое, так и кочевое, начинает в массовом порядке изучать русский язык и говорить на нем.

На одном из заседаний комиссии по инородческому образованию в Туркестанском крае 27 августа 1909 г. генерал-лейтенант А.В. Самсонов обратил внимание присутствующих

[1] Васильев Д.В. Русский Туркестан: судьба и власть... /У Сб. статей «Азиатская Россия. Люди и структура империй». - Омск, 2005. - С. 357.
[2] Терентьев М.А. История завоевания средней Азии. - СП (б), 1906. Т. 3. - С. 271.
3 Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. (1). - М., 1963. - С. 371.

на то, что во время его поездок по краю, местное население обращалось к нему с просьбами на своем языке. Было с сожалением отмечено, что 40 лет присутствия русских в крае не способствовало тому, «чтобы знание русского языка в достаточной степени проникло в мусульманскую среду»[1].

В такой же степени сами чины царской администрации не имели знаний о быте и нравах местного населения, не старались изучать местные языки. 8 августа 1898 г. был издан циркуляр № 10 Туркестанского генерал-губернатора С М. Духбвского, в котором в частности говорится: «Замечено мною, что многие из лиц, служащих как в войсках, так и равно по административно-полицейскому и другим отделам гражданского управления Туркестанского края, недостаточно знакомы с самыми существенными чертами ислама и обусловливаемой им организацией религиозного быта мусульманского населения, определяющего собой весь порядок их внутренней жизни. Между тем при соприкосновении всякого рода властей с туземцами, их жизнью подобные знания оказываются существенно необходимы для избежания различных недоразумений и иногда крупных промахов»[2]. По приказу генерал-губернатора края начинают публиковаться «Материалы по мусульманству»[3].

Именно слабым знанием ислама царской администрацией можно объяснить отмену в 1874 г. закета. (налога в пользу нуждающихся единоверцев), одного из пяти важнейших обязательств каждого мусульманина, и введение вместо него промыслового сбора, т.е. пошлин за право торговли и промыслов.[4]. Это привело к ряду выступлений против колониальных властей. Одним из поводов Андижанского восстания] 898 г. была также отмена закета. Руководитель восстания Дукчи-ишан говорил и о других причинах недовольства мусульман Туркестана: «После завоевания края русскими в народе началась сильная порча нравов, отступление от требований шариата, пьянство, разврат, были подорваны семейные начала. Русская власть, хотя обращалась с народом мягко и гуманно, но в то же время запрещала паломничество в Мекку, отменила уплату закета, лишила доходов вакуфвые учреждения, не заботясь о поддержании нравственности и чистоты семейных нравов»[5]. Царская администрация, не считаясь с нравами местного населения, открывает в ряде городов питейные заведения, публичные дома[6]. Последнее обстоятельство способствовало распространению в регионе венерических заболеваний. В городах, где проживает русское население, наблюдается упадок нравственности, пренебрежительное отношение к местному населению. Сам вид русских женщин, которые были одеты совсем не по мусульмански, вызывает недовольство ревнителей ислама.

Царская администрация считала своим долгом вывести в короткий срок из невежества туземное население и повести его по пути европейской цивилизации. Необходимо сказать также и о кадровой политике царского правительства, об уровне его чиновников. Так, например, из 17 штатных чиновников канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, трое имели высшее образование: (управляющий, помощник управляющего и бухгалтер). Из числа остальных 14-ти лиц ни один не имел даже среднего образования[7]. Естественно, что это сказывалось на качестве принимаемых решений и нередко имело негативные последствия для местного населения.

[1]ЦГА РУз, ф. И-47, оп. 1, д. 1004, л. 22.
[2]ЦГА РУз, ф. И-1, оп. II, д. 1724, л. 2.
[3] Там же.
[4]Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2 (1). - М, 1963. - С. 373.
[5]ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 27, д. 1600, л. 106.
[6] Пален К.К. Земское управление. - СП(б), 1910. - С. 402.
[7] Палев К.К. Краевое управление. - СП(б), 1910. - С. 152.

Для населения Туркестанского края наряду с негативными последствиями колонизации был и ряд позитивных перемен. Изменилось административное управление краем. Было введено выборное начало в формировании местной администрации, отменены некоторые обременительные сборы и подати. В начале оставлены 3 налога (херадж, танап, закет), а потом и они сокращены до поземельной подати[1].

Не вторгаясь в быт местных народов, царская администрация оставляет шариатские суды для оседлого населения, бийские суды (по адату) для кочевого населения.

По положению 1886 г. эти суды, получают название «народных». При ханском правлении казии и бии назначались самими ханами и беками. Царское правительство ввело ряд новшеств в дело судов - выборное начало, съезды народных судей и ограничение наказаний. Телесные наказания, отсечения частей тела и смертная казнь были запрещены[2].

Однако выборные начала для народных судей были непонятны для простого населения. Механизм избрания судей был изучен состоятельными людьми и нередко использовался в корыстных целях. В судьи стали попадать не лучшие, а более ловкие люди, использующие свой пост в корыстных целях.

Широкое распространение получила система подкупов избирателей. Судьи за время своего нахождения в должности делали все, чтобы вернуть с избытком крупные суммы, затраченные на выборную агитацию.[3] Простые люди относились к народным судам отрицательно. Среди народа была поговорка в отношении суда: «Если камнем ударить сову, убьётся сова; если совою ударить камень, убьется сова», т.е. в любом случае в проигрыше слабый, будь он истцом или ответчиком.[4] Однако по желанию сторон можно было обращаться в российский суд. Местное население в целом редко обращалось в этот суд. Наверное, здесь имел место языковой фактор и психологический момент, ведь русский судья был для простого обывателя человеком с другой планеты: одет в другую одежду, человек другой религии, т.е. сможет ли он его понять?

У обращавшихся к российскому суду встречаются и другие мнения. В сведениях Туркестанской охранки за 1913 год приводится интересный факт. Выпущенный из тюрьмы афганский поданный Абдурахим Ибрагимов говорил друзьям, «что иметь дело с русским судом вовсе не страшно. По русским законам не так легко погубить человека и если не оставлять после себя никаких компрометирующих документов, то можно делать, что угодно, совершать любые преступления и ничего за это не будет»[5].

Начало царской колонизации ознаменовало собой построение русских городов-спутников. «Русский город» начал возникать почти сразу же после занятия царскими войсками Ташкента. В августе 1865 г. М.Г. Черняев начал строительство крепости и зимних помещений. Русская часть Ташкента расположилась в Урде (бывшей городской цитадели), бывшем саду Минг-урюк («тысяча урюков») и на бывших хлопковых полях.[6] Самой отталкивающей и одновременно притягательной частью русского Ташкента для местного населения был Воскресенский базар, который в народе назывался «пиён бозори» - «пьяным базаром». В русской части Ташкента прибывшими вслед за войсками русскими купцами были построены винокуренные заводы и открыты кабаки. Предприимчивые местные жители прибирают к рукам торговлю зеленью и продуктами, «не исключая предметов, к которым Коран и шариат не дозволяют дотрагиваться правоверному и, кроме того, скупают в русском горо-

[1] Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2 (1). - С. 367.
[2] Пален К.К. Народные суды. - СП(б)., 1910. - С. 8.
[3] Пален К.К. Народные суды. - СЩб)., 1910. - С. 8.
"Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2(1).- С. 381.
[5] ЦГА РУз, ф. И- 461, оп 1, д. 1311, л. 136.
″Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк. - Ташкент,. 1912. - С. 72.

де земельные участки и дома».[1] На базарах Ташкента и других городов появляются картофель, капуста, помидоры и другие новые овощи и фрукты, семена и саженцы которых были привезены из России. Старый и новый Ташкент представляли собой разительный контраст. Новый город строился по «европейскому» типу: улицы замащивались, вдоль арыков высаживались пирамидальные тополя, вязы (карагач), китайские ясени, тутовые деревья. Описание современниками базара в старом городе следующее. «Базары в туземной части, расположены в центре города в котловине.... Базар состоял из ряда улиц, исключительно занятых конурами-лавочками (до 3000), узких и кривых, по которым часто не только переехать нельзя было, но и разойтись было трудно нескольким лицам... Грязь и вонь круглый год были невозможные.[2] Начальник города СР. Путинцев в 1886 г. решил обустроить этот базар. Однако он столкнулся с непониманием со стороны местного населения, которое, желая отстоять старые порядки на базаре, распустило слух, что переустройство базарных рядов делается для того, чтобы здесь же на базаре построить казармы и поместить в них войска, и во-вторых, что много лавок настроено на вакуфной земле, которых по шариату как святыни касаться нельзя. 26 июля 1886 г. казии дали начальнику города выпись, что переустройство базара не противно шариату, если не будут задеты интересы владетелей вакуфов в смысле доходности имуществ. В течение 1886 и 1887 г. улицы на базаре расширенны, значительно выпрямлены, замощены и покрыты тесом, впоследствии замененным железом»[3].

Разделение городов Туркестана на старую и новую части с началом русской колонизации привело к соседству двух культур в рамках одного города. Это было соседство азиатской и европейской цивилизаций. Российская администрация создавала все условия для своей жизнедеятельности и для тех, кто прибыл сюда вместе с ней. В новой части Ташкента были построены новые административные здания, которые совершенно отличались по архитектуре от местных построек. Основным строительным материалом стал «жженый» кирпич.

В 70-80-х годах XIX века в Ташкенте были открыты библиотека, музей, была заведена первая типография. Стали печататься газеты: «Туркестанские ведомости» (1870), «Туркестанская туземная газета» (1870); были открыты химическая лаборатория (1869), Метеорологическая станция (1869) и др. Нельзя сказать, что этим тут же заинтересовались местные жители, но информация к размышлению о том, как живут европейцы, у них появилась.

Несомненно, что происходило взаимовлияние культур в этот период. Первые изменения в быту происходят у состоятельных людей. Меняется облик домов местной знати в сторону европейской архитектуры. В домах появляются предметы европейского быта: настенные часы, зеркала, столы и стулья, тарелки и салфетки, ложки, ножи и вилки[4].

Неизмеримо большее впечатление на местное население производят такие учреждения, как почта и телеграф.[5] Быстрое отправление посланий и не менее быстрый перевод денег являлись в то время чудом техники.

С устройством Закаспийской железной дороги начинаются поездки жителей Туркестана не только в Россию, но и в Западную Европу. Возвращавшиеся из этих дальних поездок везде были желанными гостями, так как они много интересного. Побывавшие в Западной Европе рассказывали «о виденных ими фарангах, инглисах, немис, о великолепий и благо-

[1] Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк. - Таошент,.1912. - С. 182.
[2] Там же. С. 183.
[3] Там же. С 184.
[4] Остроумов Н. Сарты. - Ташкент, 1896. - С. 113.
[5] Н&вдвкин В.П. Туземцы раньше и теперь. - Ташкент, 1913. - С. 78.

устройстве европейских городов, о богатстве и культурности виденных ими стран, о том, насколько отстала от них обширная, но сравнительно бедная малокультурная Россия»[1].

Такая же возможность появляется у мусульман Туркестана для поездок в хадж, путь в который проходил через Турцию, правопреемницу Арабского Халифата, как считали мусульмане того времени.

У жителей Туркестана появилась возможность для сравнения двух культур - европейской *я* восточной. Передовые представители национальной интеллигенции Туркестана начинают понимать, что необходимо менять жизненный уклад местного населения, уходить от патриархального быта.[2] Был сделан главный вывод, о том, что завоевание Россией Туркестана стало возможным из-за раздробленности региона и отсталых экономических отношений. В полной мере задача поднятия национальных культур и экономик народов Туркестана стала возможной после распада СССР и образования независимых государств: Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана, которые пошли по светскому, демократическому пути развития на основе общечеловеческих ценностей.

Н. Гафаров,
(Таджикистан)

БЫТ И ГОРОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ТАДЖИКОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ХУДЖАНДА)

Традиции градостроительства и городской жизни таджиков восходят к первой половине I тысячелетия до н.э. Самым древним городом на территории современного Таджикистана был Худжанд, на примере которого можно рассмотреть быт и городское хозяйство таджиков в начале двадцатого столетия.

В этническом плане основную массу населения Худжанда составляли таджики. Худжанд является одним из немногих городов Центральной Азии, где таджики составляли компактное большинство городского населения. Первый начальник Худжандского уезда А.А. Кушакевич назвал Худжанд городом таджиков. Известный географ и краевед К.П. Маев отмечал, что «Ходжент составляет центр таджикского населения». Чрезвычайно компактное заселение города таджикским этносом отмечал также Л. Костенко. Он писал, что «значительность города составляет однообразие населения, не встречающегося в других среднеазиатских городах, а именно основу составляют таджики. Житель Ходжента на вопрос: «Кто он?» Гордо отвечает: «Я таджик!»

Представление об этническом составе населения города Худжанда даёт нижеследующая таблица, составленная таджикским этнографом Н.О. Турсуновым на основе литературных источников и архивных материалов[3]:

[1] **Наливкин В.П.** Туземцы раньше и теперь. - Ташкент, 1913. - С. 120.

[2] **Фитрэт** А. Рассказы индийского путешественника. (Бухара как она есть). - Самарканд, 1913. Переиздание. -Ташкент, 2007.-С. 92.

[3] См.: Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII - начале XX вв.- Душанбе: **Ирфон, 1991.- С. 111.**

Название этнических групп	Их численность		
	1903 г.	1907 г.	1916 г.
Таджики	35419	38603	40100
Евреи	96	150	432
Персы	2	-	3
Узбеки	3	-	-
Киргизы	17	-	- :
Татары	112	-	- ;
Русские	309	606	764
Армяке	5	2	-
Всего	35963	39361	41299

Как видно из приведенной таблицы, в начале XX века абсолютное большинство населения Худжанда составляли таджики. Таджикское население города не было однородным. Кроме местных таджиков, в Худжанде и его пригородах жили таджики - переселенцы го Самарканда, Уратюбе, Исфары. Среди населения были и другие этнические группы: евреи, русские, узбеки.

Здесь, необходимо отметить, что наряду с этническим самоназванием «тоджик» в отношении населения Худжанда и его сельской округи, в соответствии с их образом жизни и хозяйственной деятельностью применялись также разные другие термины. Исконное древнее оседлое население, которое расселялось в городе Худжанде и вокруг него и было занято ремеслами, торговлей, поливным земледелием, независимо от его языковой принадлежности, называлось «сартами». Полукочевое население, сочетавшее скотоводство и богарное земледелие, обозначалось термином «экинчи» (букв, «сеятель»). Эта группа расселялась в правобережье Сырдарьи, в урочище Шуркул и предгорьях Мевагул. Кочевое население степных и подгорных частей, занятое отгонным скотоводством, называлось «элотия». В отношении горных таджиков, расселившихся в Худжанде и проживавших в подгорных селениях (Андарак, Дехнав, Лолак), применялся термин «галча». И.С. Лыкошин, занимавший с 1907 по 1912 гг. должность начальника Худжандского уезда и хорошо знавший этнический состав населения Худжанда, выделял таджиков и сартов. Он даже выделял численное соотношение этих, по его мнению, этнических групп[1]. По данным А.Д. Дмитриева-Мамонова в 1910 г. население Худжанда составляло 39372 чел., из них 38681 чел. названы сартами[2].

Динамику роста населения Худжанда в начале 20-ого столетия также показывают следующие данные (на начало каждого года): в 1902 г. - 32,3 тыс., в 1904 г. - 34,5 тыс., в 1906 г. - 35,6 тыс., в 1907 г. - 36,2 тыс., в 1910 г. - 39,3 тыс. чел. К началу 1912 г. численность населения перевалила за 40 тыс., а в 1916 было зарегистрировано 41,6 тыс. чел,[3] Однако, приведенные цифры, видимо, не отражают подлинную численность населения Худжанда в рассматриваемый период. Дело в том, что Худжанду, как и другим центрам расселения людей,

[1] См.: Мирбабаев А. О термине сарт как о синониме этнонима «таджик» // Духовная культура таджиков в истории мировой цивилизации.- Душанбе, 2002. - С. 191-192.

[2] Дмитриев-Мамонов А.Д. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской.-СПб., 1912.-С. 295.

[3] Худжанд: Энциклопедия. - Душанбе, 1999. - С. 14.

было присуще нерасчлененное единство города и пригорода, имевшее фактическое единое население, которое переселялось по сезонам, являлось дислокальным. К примеру, общая численность населения Большого Худжанда (города и пригорода) в 1912 году составляла фактически 65 тыс. чел.

По классовому составу населения Худжанд в начале XX века вошел в полосу формирования буржуазного города, хотя этот процесс не завершился. В этот период сложились отряды местных пролетариев, состоявших из рабочих заведений фабрично-заводского типа, наемных работников, занятых в мануфактурах и кооперациях, а также сформировались прослойки национальной буржуазии: владельцы промышленных предприятий и крупных мастерских, скупщики, землевладельцы. По материалам ревизии сенатора К.К. Палена в старом Худжанде из 9619 занятых лиц т.н. самостоятельного населения - 4373 (45 %) занимались различными промыслами, 1922 (20 %) лиц торговлей, 3324 (30,4 %) земледелием'.

Жители города Худжанда в начале XX века, как и прежде, в основном занимались ремесленным производством. В рассматриваемое время в городе имелось 4500 ремесленных мастерских. В них были заняты 18 тыс. человек или около 40 % городского населения. В городе выявлено наличие 103 отраслей и специальностей ремесленного производства. Ведущей отраслью Худжанда являлось ткацкое производство. В 1906 г. в городе отмечено 230 шелкоткацких заведений кустарного типа. Продукция ткацкого производства г. Худжанда - разные сорта бумажных, полушелковых и шелковых тканей удовлетворяла потребности как местного населения, так и внешнего рынка. Значительно выросла роль ремесел по обработке металла. В 1913-1916 гг. в Худжанде действовали 20 кузнечных мастерских с 40 работниками, 7 слесарных мастерских с 14 работниками, 8 жестяных мастерских с 16 работниками. Также, в начале XX века в Худжанде имелось 6 чугунолитейных мастерских и 29 мастерских по выделке медных изделий, 60 плотничьих мастерских. По статистическим данным за 1915 г. в городе Худжанде было 3 часовых мастерских, которые были связаны с ювелирным делом, 4 мастерских по изготовлению арб, 3 шорно-седельных мастерских 4 мыловарных, 4 свечных мастерских, 3 переплетных мастерских и др[2].

Худжанд являлся крупным торговым центром. В городе на рубеже X1X-XX вв. 1466 человек были заняты исключительно торговлей. Вместе с членами семей они: составляли 20 % населения. Торговцы группировались следующим образом: торговлей зерном и другими продуктами сельского хозяйства занимались 642 человека, скотом - 29, тканями и предметами одежды - 179, стройматериалами и топливом - 92, разносной и развозной - 95 человек, предметами домашнего обихода - 10[3].

Население, занятое земледелием, в Худжанде составляло заметную часть. В 1905 г. из почти 12 тыс. семей горожан 2 тыс. имели землю. Главной отраслью земледельческого труда горожан являлось садоводство. Многие городские земледельцы на все лето переезжали в загородные сады.

В начале XX века, как и в предыдущие века, Худжанд окружали крепостные стены, которые имели восемь ворот. У городских ворот, как внутри города, так и с внешней стороны, располагались лавки, чайханы, мастерские кузнецов. От ворот к центру города протягивались основные магистрали, от них отделялось множество улиц, переулков, тупиков, которых в Худжанде в начале XX века было около 200[4].

Насущной проблемой городского быта было освещение. В 1912 г. городские власти впервые поставили вопрос об электрическом освещении города. Самаркандское областное

[1] Пален К.К. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. - СПб, 1911. - С. 17.
'ЦГАРТ.Ф. 1,<я. 1, д. 88, л. 28.
[3] История Ленинабада,- Душанбе: Ирфон, 1986.- С. 172 *
[4] ЦГА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 1966, л. 134.

правление 5 декабря 1912 г. разрешило некоему Е.А. Гаткрелидзе установку электрической станции в Худжанде[1]. Позднее аналогичное разрешение было выдано предпринимателям из города Коканда - В.Я. Комаровскому и К.Ф. Лерху. В газете «Ферганские ведомости» от 4 марта 1914 г. было помещено такое объявление: «Худжандское городское хозяйственное управление имеет в виду осветить электричеством город, казенные здания и частные абоненты, просим пожаловать в город предпринимателей для оборудования электрической станции». В 1913 г. часть города освещалась с помощью одной дизельной электростанции мощностью 48 квт. Она освещала территорию радиусом приблизительно сто метров, где размешались учреждения и дома царских чиновников.

Улицы Худжанда освещались керосино-канильными фонарями фирмы «Полак», содержание которых обходились городу весьма дорого. Каждый такой фонарь стоил 79 руб. 90 коп. В 1912 году город имел 55 фонарей, а 1914 г. - 82, общей стоимостью 5 тыс. руб. На освещение 18 год расходовалось 2338 пудов керосина. Помимо керосина для эксплуатации фонарей типа «Люкс» употреблялся и денатурированный спирт. Кроме того, для освещения улиц пользовались и простыми керосиновыми лампами с фонарями. По таджикски их называли «чароги кандил». В 1914 году в городе числилось 6 фонарщиков во главе с Ибрахимом Мирариповым. Ночью освещались в основном центральные улицы, а также городские площади Панчшанбе и Чоршанбе.

Самым традиционным городским транспортом Худжанда являлась двухколесная арба, типа Ферганской, которая служила для перевозки грузов, а также фаэтон или извоз, который являлся как бы пассажирским средством передвижения. О развитии этих видов транспорта в городе свидетельствуют многочисленные мастерские - «арбахона», располагавшиеся в кварталах Карнайчи, Гузари Замов, Дари Шикоф, Намозгох, Чоршанбе и др.

Первый автомобиль появился в Худжанде в 1909 году. Житель Ташкента, некий Г.А. Могилин, обратился к городским властям с просьбой разрешить ему открыть в городе автомобильное сообщение между Худжандом и железнодорожной станцией. Начальник Худжандского уезда рассмотрел этот вопрос и своим постановлением от 13 февраля 1909 г. разрешил Г.А. Могилину открыть в Худжанде автомобильное сообщение. Это был пассажирский автомобиль с 14 сидячими и 5 стоячими местами грузоподъемностью 250 пудов. Г.А. Могилин обязался вносить в городскую кассу 50 руб. налога в год[2],

В январе 1914 г. житель Худжанда Мулло Гафур Ходжимухаммад привез в город два других пассажирских, автомобиля мощностью 22 и 15 лошадиных сил. В акте городской комиссии от 8 февраля 1914 г. написано, что члены комиссии произвели испытание двух автомобилей, принадлежавших Мулло Гафуру. Комиссия заключила, что шоферы П.П. Афанасьев и Л.М. Аваков отлично водят машины по узким и кривым улицам Худжанда. Комиссия установила также скорость автомобиля: 12 км/ч по прямой дороге и 6 км/ч на поворотах[3].

В начале 1917 г. в городе появился новый тип транспорта - велосипед. Суеверы нарекли его сразу «чин» или «шайтон арба». На 30 июля 1917 г. в городе числилось 8 владельцев велосипедов. Они вносили в городскую кассу 1 руб.50 коп. налога.

Первое зрелищное средство - кино появилось в Худжанде накануне первой мировой войны. Генерал-губернатор Туркестанского края своим постановлением от 22 апреля 1912 г. разрешил Мараджаб Юлдашеву для открытия кинематографа арендовать участок земли у восточного угла «Боги хоким», расположенного в районе канцелярии уездного начальника. Ныне это соответствует западному углу здания Центра молодёжи города. В марте 1914 г., в дни праздника Навруз, некий француз Викторий Лерсен открыл на одну неделю еще один

[1]ЦГА РУз, ф. 18, оп. 1, д. 8563, л. 4
[2] ЦГА РТ, ф. 12, оп. 1, д. 218, л. 1-8.
[3] ЦГА РТ, ф. 1, оп. 1, д. 921, л. 2-6.

кинематограф в местности Сайлгох, расположенной на левом берегу реки, в районе современной физлечебницы[1].

Чайхана стала совершенной новинкой в городском быту Худжанда. По сведениям 1910 г., в Худжанде функционировало 207 чайхан. На 5 января 1912 г. в городе насчитывалось 300 чайхан. Только от Кокавдских ворот на востоке до базара Панчшанбе и Чоршанбе, вдоль дороги, находилось более ста чайхан. Остальные 200 чайхан располагались в кварталах, вокруг базаров, в многолюдных местах города[2].

В заключении отметим, что открытие новых, ранее не известных худжандцам очагов культуры и быта, идущим в то время преимущественно из Ташкента, оказывало на население города огромное эмоциональное воздействие, преобразующее влияние на весь общественный и бытовой уклад жизни населения Худжанда.

З.Х. Арифханова,
(Узбекистан)

ТАШКЕНТСКАЯ МАХАЛЛЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

История возникновения соседской-территориальной общины (махалля) как первичной организации совместной общественной жизни на определенный территории имеет глубокие корни. Ученые отмечают ее функционирование в эпоху античности и средневековья. На всех этапах она была необходимой и целесообразной формой организации человеческих коллективов, являясь низшей формой административно-территориальной структуры общества. Наш доклад посвящен функционированию махалли г. Ташкента в начале XX в.

Во второй половине XIX в. Ташкент представлял собой типичный среднеазиатский торгово-ремесленный город.

Население города за вторую половину XIX в. выросло вдвое: если в 1869 г. здесь насчитывалось 73,8 тыс. чел., то в 1902 г. - 164,2 тыс. чел.[3] Из них 130 тыс. проживали в махаллях.

Как и большинство других древних городов Туркестана, он был построен не по определенному плану, а расширялся естественным путем, разрастаясь во все стороны от торгового центра - базара. Еще в X в. город был обнесен высокой глиняной стеной, в шторой имелось 12 ворот (дарвоза). От ворот начинались главные улицы, расходящиеся неправильными линиями множества переулков по всему городу.

Ташкент издавна был населен узбеками-«сартами». Н.Г. Маллицкий считал, что физический тип сартов Ташкентского оазиса характеризовался смешением двух этнических компонентов - иранского и тюркского. Ташкентские «сарты» говорили на тюркском языке. Помимо узбеков~«сартов», в Ташкенте компактными группами жили и представители родоплеменных объединений: дурмон, кибрай, канглы, дархан, сиргели и др.

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., узбеки составляли подавляюшее большинство горожан - 82,5 %, русские - 11,4 %, таджики, татары, казахи, среднеазиатские евреи, армяне и др. - 6,1 %[4].

В административном отношении Ташкент с XVIII в. делился на 4 части (даха, юрт), ко-

[1] ЦГА РТ, ф. !, оп. 1, д. 1991, л. 2-13.
[7] Мирбабаев А.К. Историческое наследие Худжанда. - Душанбе: Ирфон, 1995. - С. 50.
[3] Мулладжанов Н.Р. Население Ташкента. - Ташкент, 1983. - С. 10.
[4] Мулладжанов Н.Р. Указ. соч. С. 10.

торые соответствовали издревле существовавшим четырем поселениям - Шейхантаур, Себзар, Кукча и Бешагач. Каждая даха управлялась аксакалом (мингбоши), подчинявшимся непосредственно правителю города - беку, имела своего казия, арык-аксакала. Даха состояла из множества махаллей, находившихся в ведении юзбоши. Число махаллей в Ташкенте в конце XIX в. доходило до 150. Как сообщает Н. А. Маев, их было 149, из которых 48 находилось в Шейхантауре, 38 - в Себзаре, 31 - в Кукче и 32 - в Бешагаче[1].

Трудно определить время появления махаллей в Ташкенте, но все обследованные махалли (в пределах городской стены) насчитывают по нескольку столетий. По некоторым данным, махалля Обиназир существует 600 лет, наименование махалли Чагатай и время ее возникновения жители связывают с прибытием сюда сына Чингисхана — Чагатая (XIII в.). Однако есть версия, что ее название происходит от наименования жителей одного из узбекских уругов — чагатой.

В начале XX в. в ташкентских махаллях проживало 131 тыс. чел: в Шейхантахурской - 34,5 тыс., в Себзарской - 33,5 тыс., в Кукчинской 32,8 тыс., в Бешагачской - 30,0 тыс.[2]

Махалля была административно-территориальной единицей, жители которой объединялись в своеобразную общину и были связаны узами взаимопомощи, совместным участием в общественной жизни, в семейных обрядах. Каждая махалля располагала общественным центром, куда входили мечеть, чайхана, торговые лавки, базарчик, а иногда и караван-сарай. В ее распоряжении имелись посуда, ковры, различная утварь для свадеб, а также носилки (тоут) для умерших. За ней было закреплено кладбище или его часть. Жители махалля сообща владели территорией квартала. Они составляли обычно один религиозный приход. Помимо этого, каждая *махалля* имела свои земли в загородной части (мауза), где жители города занимались земледелием.

Жители Ташкента имевшие загородные участки земли, всей махаллей выезжали и жили там с весны (начала полевых работ) до осени, когда, собрав урожай, возвращались в город. Переезд осуществлялся совместными усилиями общины. В советский период загородные земли были превращены в дачные места. В Ташкенте многие из них (Актепе, Катартал, Чиланзар) стали территориями новых жилых кварталов.

Махалля возглавлялась аксакалом (юзбоши), который подчинялся мингбоши даха.. Он избирался на собрании представителей махалли, но по существу его кандидатура определялась богатой прослойкой общества.

Хозяйственной, правовой и религиозной жизнью общины руководили аксакал, мулла, а также группа старейшин. В XIX - начале XX века роль этих лиц в общественной жизни махалли, особенно в проведении обрядов, была весьма значительна: они осуществляли надзор за поведением членов общины, разбирались в конфликтных ситуациях, арык-аксакал следил за состоянием ирригационной системы, распределял воду, руководство махалли руководило застольями, наблюдало за чистотой и порядком. Морально - нравственная жизнь махалли была под контролем раиса и его помощника. Среди женской части сходные функции выполняла выборная старшина (кайвони), хорошо знавшая обычаи и традиции. Выбиралась и ее помощница (ходима).

Основными занятиями жителей Ташкента были различные виды ремесел, торговля и земледелие. Изначально жители, занимавшиеся одним и тем же видом промысла, жили в определенных махаллях или частях города. Так, например, жители Шейхантаура славились своим мастерством в литье чугуна, производстве седел, маслобойном деле и в особенности в ткачестве (маты). В Себзаре с давних пор занимались ткачеством и окраской материй, а так-

[1] Маев Н.А. Азиатский Ташкент. В кн.: Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. - Спб., 1876. - С. 262-265.

[2] Мулладжанов Н.Р. Указ. соч. С. 10.

же сапожным делом. На Кукче было популярно кожевенное дело, ибо к этому располагала сама местность, где протекал Жарарык: в 1871 г. из 695 мастерских, расположенных здесь, 341 были кожевенные'. Тут же действовали 6 кирпичных заводов, 7 - по производству глиняной посуды, 22 маслобойни, на которых были заняты жители этой части города. Что касается Бешагача, то его население занималось в основном садоводством. Здесь находились самые лучшие сады и пашни Ташкента.

То, что ташкентские махалли заселялись по производственному принципу, сказалось в их названиях, отражающих профессиональный состав жителей: Темирчи, Мискарлик, Кошикчилик, Такачи, Эгарчи, Парча-боб, Заргарлик, Укчи, Чакичмон, Дегрез и др. По названию этих махаллей можно определить географию ремесленного производства в Ташкенте. Махалли, расположенные на главном базаре города и вокруг него, именовались по товару, который там продавался: Тунука-базар, Эгар-базар, Туз-базар, Ипак-базар, Сандук-базар и др.

В названиях махаллей отразился также и этнический состав городского населения, формировавшийся многие годы. Анализ этих названий свидетельствует о тюркско-персидском происхождении жителей при явном преобладании тюркского: 105 наименований было тюркского происхождения, 44 - иранского, 35 происходили от слов, одинаково употребляемых в персидском и тюркском языках[2].

В XIX в. существовали махалли, жители которых заселялись преимущественно выходцами из одной этнической группы: Таджик, Кашгар, Моголкуча, Канглы, Тюрк, Кальтатай, Чагатай. Ряд названий махаллей отражал сословный характер общества: Ходжи, Уламо. В Ташкенте насчитывалось несколько махаллей, в которых проживали преимущественно представители зажиточных сословий: Бойкуча, Казыкуча, Ходжикуча, Ишангузар и др. Однако надо отметить, что наряду с жителями, объединенными в профессиональном, социальном и сословном отношениях, в каждой махалле обитали лица и других сословий, социальных групп и профессий.

Ряд махаллей носили имена известных людей, святых или именовались по названию мечетей: Хает Имам (Хазрат Имам), Тиллашайх, Юнусхон, Шайх Зайнутдин бува, Акмачит, Салиммачит. Одна го махаллей, расположенных вблизи Сагбана, называлась по имени вццного ученого и хафиза Хофиз Кухакий.

Институт соседской общины в своей основе традиционно имел ряд непреходящих принципов и специфических для восточного общества черт -демократизм, патернализм (уважение к власти и попечительское отношение ее главы к народу), коллективизм во всех сферах жизни, преемственность, сила нравственного примера и уважения к старшим, забота о будущем поколении, высокая ценностная ориентация на семью. Восточный человек всегда мыслит себя в составе определенной общины. Это определяло большую ценность общины для узбеков.

Традиционно деятельность общины проявлялась в четырех сферах: 1) хозяйственной, 2) религиозной, 3) ритуальной, 4) общественно-бытовой. На протяжении XX века заметно менялось соотношение значимости каждой из этих сфер деятельности. Трансформация функций определялась реалиями политической ситуации, социально-экономическими, идеологическими *я* религиозными процессами, происходящими в обществе. По мере социально-экономических изменений в узбекском обществе в начале XX века вес хозяйственных функций в жизни традиционных общин уменьшается, а в городах исчезает совсем. В связи с резкой секуляризацией, закрытием большинства мечетей, мактабов, преследовани-

[1] **Маев Н.А.** Указ.соч. С. 266.

[2] См.: Малицкий Н.Г. Тошкент махала ва мавзелари. - Тошкект, 1996. - Б. 7.

ем служителей культа и верующих, распространением светского образования и советской культуры постепенно ослабевают религиозные функции традиционных сообществ, которые ранее совпадали с религиозными общинами (кавум). Хотя подпольно еще долго существовали мактабы, институт ишанства, определенная часть населения совершала некоторые религиозные обряды (намаз, ураза, жанози и т.д). В результате возросло значение обрядово ритуальной и общественно-бытовой функций общины.

Одна из задач общины состояла в контроле за сохранением всех традиционных норм жизни, соблюдением обычаев и наказанием тех, кто уклонялся от общественных обязанностей.

Проживание на одной общей территории требовало ухода за улицами, арыками, хаузами, содержанием в чистоте всего, что имелось в гузаре. Руководство махалли организовывало различные общественные работы, связанные с благоустройством махалли - очистка арыков, хаузов, строительство и благоустройство новых улиц, дорог и др. Все эти работы проводились сообща, методом хашара, в которых участвовало все взрослое население. Аксакал махалли решал спорные дела между жителями махалли, мирил ссорившихся, защищал интересы своих махаллинцев в суде казиев, назначал наказания за мелкие проступки.

Н. Махкамта,
(Узбекистан)

СРЕДНИЕ СОБСТВЕННИКИ В КОЛОНИАЛЬНОМ ТУРКЕСТАНЕ В НАЧАЛЕ XX В.: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ

Исследование социальных отношений в среднеазиатском регионе в период с конца XIX века до конца 30-х годов XX века с позиций теории стратификации позволило по-новому раскрыть происходившие в нем процессы. В частности, оно показало, что в начале XX века в Туркестанском крае в среде собственников значительно укрепился особый социальный слой, состоящий из людей среднего достатка -- средних собственников, которые упорным трудом приносили себе и обществу ощутимую пользу, являясь основой его богатства и гарантами стабильности. Советская власть квалифицировала их как врагов нового строя и полностью истребила в 20-30-е годы XX века.

Статистика показывает, что к 1917 г. в Туркестане в числе мужчин работоспособного возраста (то есть старше 18 лет), 76 % были владельцами различной по размерам и видам собственности, 11.2 % - практически ее не имели (безземельные дехкане - 0,5 %, фабрично-заводские рабочие и работники кустарей и ремесленников - 7,4 %, служащие, учащиеся, инвалиды - 3,3 %). Дехкане-мардикеры, владевшие до 0,5 десятины земли и составлявшие 12,8 % населения, находясь на грани потери своей собственности и перехода или в безземельные дехкане или в городские рабочие, представляли промежуточную категорию между этими двумя социальными группами[1]. Но процесс их разорения шел относительно медленно, поскольку специфика земельных и общественных отношений в кишлаке долго удерживала этих дехкан на земле.

Ведущим ядром слоя собственников в начале XX в. были крупные промышленники,

[1] Статистический ежегодник. 1917-1923. Том I, ч. 3. - С. 42-44.

купцы, землевладельцы, зажиточные дехкане, кустари и ремесленники. Всего их было около 19,6 % среди мужчин работоспособного возраста[1].

Но это была всего лишь небольшая часть слоя собственников. В основном же он состоял из собственников среднего достатка, которые и являлись основной производительной силой общества. Это были владельцы небольших земельных участков, мельниц, рисорушек, кустарных промышленных заведений, ремесленных мастерских, магазинов, лавок, караван-сараев, чайхан и т.д. Их преобладание в сельскохозяйственном, ремесленно-кустарном производствах, торговле было характерной чертой социальной струкгуры региона в исследуемый период.

В сфере промышленного производства средние собственники были владельцами небольших предприятий полукустарного типа. Именно быстрый рост небольших предприятий был характерной чертой промышленного развития края в исследуемый период. К октябрю 1917 г. в крае насчитывалось уже почти полторы тысячи промышленных заведений. Большинство из них были мелкими, полукустарного типа, на которых работало до 5 рабочих[2].

Значительную часть средних собственников, занятых в сфере производства края в исследуемый период, составляли кустари и ремесленники. В 1897 г. в Ташкенте было зарегистрировано 1699 кустарных заведений с 3300 работниками (в среднем по 2 работника на 1 заведение) и годовой производительностью 1-3 тысячи рублей каждое[3]. Во всей Сырдарьинской области в том же году было зарегистрировано 4611 кустарных заведений с 13468 работниками[4]. Это были небольшие мастерские, в которых работал сам хозяин, члены его семьи, один или два ученика и один (редко два) наемных работников. Кроме ремесленников с наемными рабочими, в этот период было еще значительное число ремесленников, работающих в одиночку дома. Их учет был очень затруднен, но и они входили в состав средних собственников.

Несмотря на меняющуюся в начале XX в. для ремесленников и кустарей Туркестана конъюнктуру рынка из-за массового завоза фабричных товаров из России, они продолжали оставаться основными производителями товаров широкого потребления для местного населения. К 1917 г. кустари и ремесленники составляли в Туркестанском крае 34,2 % мужчин работоспособного возраста, проживающих в городах[5].

Утверждались средние собственники и в торговой сфере. Из 5020 торговых свидетельств, выданных в Ташкенте в 1.878 г., только 224 было выдано крупным собственникам, а 3689 -купцам, имевшим мелкую торговлю в небольших лавках[6]. В 1897 г. во всей Сырдарьинской области из общего числа мужчин трудоспособного возраста торговлей занималось 19,7 %[7].

В начале XX в. число лиц, занятых в торговой сфере, продолжало неуклонно расти. Причем крупные купеческие дома сосредотачивают в своих руках всю оптовую и розничную торговлю, мелкая же торговля осталась у средних торговцев. Из выданных в 1904 г. в Ферганской области 26512 купеческих свидетельств только 48 давали право на оптовую торговлю, 747 - на розничную, а 25717 - на мелкую торговлю. Рассматривая тенденции развития торговли и ее внутренней структуры в Туркестане в исследуемый период, надо

[1] Статистический ежегодник. 1917-1923. Том I, ч. 3. - С. 42.
[2] ИГА РУз, ф. Р-105, он. 1. д. 3. л. 139.
[3] ЦГА РУз, ф. И-269, оп."1, д. 141, л. i 7.
[4] ЦГАРУз,ф.Р!-269,он. 1,д. 141, л. 60.
[5] Статистический ежегодник. 1917-1923. Том I, ч. 3. - С. 42.
[6] ЦГА РУз, ф. И-36, оп. 1, д. 1528, л. 142.
[7] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 86. - С. 4-5.

отметить, что большинство средних собственников, занятых в этой сфере были коренными жителями края. В 1898 г. из б тыс. торговых свидетельств, выданных Ташкентской городской управой, 5056 было выдано коренным жителям города.

В целом же средние предприниматели, кустари, ремесленники и торговцы в Туркестане представляли собой значительный слой мелкой буржуазии и к 1917 г. составляли 19% его мужчин работоспособного возраста'.

Самой многочисленной стратой туркестанских собственников в исследуемый период были дехкане. Результаты обследования края комиссией сенатора К.К.Палена в 1909 г. 4220 дехканских хозяйств из 8 уездов долинной зоны Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской областей дают нам возможность проанализировать социальную структуру туркестанского кишлака и раскрыть состав собственников этой страты.

Таблица №1[2]

Группировка дехканских хозяйств по размерам земельных участков (в %)

без. зем.	до 0,5 дес,	0,5-1 дес.	1-1,5 дес.	1,5-2 дес.	2-5 дес.	5-10 дес.	более 10 дес.
1,1	23,6	14,9	8	11,4	27,5	**10,6**	4,9

Советская историография на основании этих материалов, исходя только из размеров земельного участка дехканина, то есть из чисто внешнего признака его социального положения, считала, что в социальной структуре туркестанского кишлака в начале XX в беднота составляла 57 % (в их число включались безземельные хозяйства и имевшие участки размером до 2 десятин), середняки - 27,5 % (хозяйства е 2-5 десятинами), баи - 10,6 % (хозяйства 5-10 десятин), богатые баи - 4,9 % (хозяйства с более 10 десятин). На этом основании делался вывод, что в кишлаке «царили нищета и безземелье», основная часть дехкан «разорялась и пополняла ряды городского пролетариата». Спасение дехкан виделось советскими исследователями только в революционной перестройке всего сельского хозяйства на социалистических началах, то есть в ликвидации частной собственности на землю и создании коллективных хозяйств[3].

С нашей точки зрения, такой подход и вытекающие из него выводы не соответствовали действительности, ибо в исследуемый период не размер земельного участка являлся решающим критерием при определении социального статуса дехканина в структуре кишлака, а доход, который давал этот земельный участок, дехканской семье. Такой подход позволяет сделать вывод, что в начале XX в. социальное лицо туркестанского кишлака определяли не малоземельная беднота, а дехкане среднего достатка. Доказательства для такого вывода нам предоставляют аналитические расчеты специалистов сельского хозяйства, работавших в колониальном Туркестане в исследуемый период - В.И. Юферева, А.М. Давыдова, АТІ. Демидова, ПН. Черданцева и др. Они хорошо знали экономик)' дехканских хозяйств и в своих работах дали ее объективную характеристику. Повышенный спрос текстильной

[1] Статистический ежегодник 1917-1923 гг. Том I, ч.З. - С . 42.

[2] Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Часть II. - СПб, 1911. — С. 121-122 (подсчеты автора - Н.М.).

[3] См.: Аминов А.М. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). - Ташкент, 1959; История Узбекской ССР. Т. П. - Ташкент, 1968; Юлдашев А. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX - начало XX в.). - Ташкент, 1969; Вахабов МХ. Формирование узбекской социалистической нации. — Ташкент, 1961; Ризаев Г. Аграрная политика советской власти в Узбекистане (1917-1965). - Ташкент, 1967; Турсунмухамедов С. Великий Октябрь и изменение социальной структуры Советского Узбекистана. - М., 1977 и др.

промышленности метрополии и обусловленные этим ее значительные финансовые вложения в развитие хлопководства совпали в Туркестане в начале XX в. с интересами дехкан. Выгодность возделывания хлопка для них была обеспечена высоким спросом и достаточно высокими ценами на рынке, гарантированным сбытом, а также однолетним циклом развития, позволяющим легко вводить эту культуру в хозяйственный оборот.

Конечно, нельзя забывать, что хлопководство в Туркестане в начале XX в. активно развивалось в интересах метрополии в ущерб развитию других сельскохозяйственных культур и, прежде всего, зерновых, которые завозились из центральных районов России, а сельское хозяйство края практически превращалось в монокультурное, что делало его сильно зависимым от метрополии. Но пока завоз хлеба шел равномерно, дехканину было намного выгоднее выращивать и продавать хлопок, а зерно покупать. Поэтому выращивание хлопка на небольших наделах позволяло ему в этот период обеспечивать семью и способствовало в целом укреплению его хозяйства. Достигалось это высокой интенсивностью труда и максимальной занятостью всех членов семьи внутри хозяйства.

Учитывая эти особенности положения дехканских хозяйств в крае в начале XX в., социальная структура туркестанского кишлака выглядела несколько иначе. Прежде всего, группа «малоземельной бедноты» в нем была значительно меньше. Действительно бедными были только хозяйства имеющие надел от 0,5 до 1,5 десятины, ибо такие з'частки не позволяли обеспечивать семью и их владельцы вынуждены были прибегать к дополнительным заработкам. Хозяйства же в 1,5-2 десятины, по свидетельству специалистов того периода, уже могли прокормить семью. Дехкане, имевшие от 2 до 3 десятин, были уже твердыми середняками. Современники характеризовали их как "средний тип самостоятельного дехканского хозяйства", которое обходилось собственными силами[1].

При этом надо отметить, что для хозяев, выращивающих хлопок, надел земли в 3 десятины был верхней гранью, выше которой им уже не хватало собственных рабочих рук для его обработки и они вынуждены были прибегать к. их найму со стороны. А это уже был дополнительный расход. Поэтому дехкане в основном и старались держаться в пределах 2-3 десятин. Высокая доходность хлопковой культуры обеспечивала им положение хозяйств среднего достатка.

Возможность выращивать доходную культуру силами только своей семьи на участке в 2-3 десятины и объясняет типичную картину "малоземелья" хлопководческих хозяйств в регионе в начале XX в. Это были трудовые хозяйства среднего достатка. Даже в советское время в документах Наркомзема УзССР хозяйства располагающие от 1,1 до 3 десятин назывались "середняцкой, наиболее мощной группой дехканских хозяйств[2]. Середняцкими были и хозяйства, имеющие 3-5 десятин.

Кроме того, по нашему мнению к середнякам следует причислять и дехкан, имевших 5-10 десятин, которых советские ученые относили к байским. На самом же деле это были трудовые хозяйства зажиточных середняков. Их владельцы сами работали в поле, но привлекали несколько большую, чем хозяйства в 3-5 десятин, дополнительную рабочую силу для выполнения отдельных видов сельскохозяйственных работ. Лишь очень незначительная часть из них сдавала некоторые излишки земли в издольную аренду.

При таком подходе туркестанский кишлак в начале XX в. имел следующую структуру: бедняки - 45,6 % (безземельные хозяйства и хозяйства, имеющие до 1,5 десятины), середняки - 38,9 % (хозяйства 1,5-5 десятин), зажиточные середняки - 10,6 % (хозяйства 5-10

[1] См.: Юферев В.И. Хозяйство сартов Ферганской области.... - С. 31; Его же. Хлопководство в Туркестане... - С. 81; Его же. Труд в хлопковых хозяйствах Туркестана....- С. 19,35; Демидов АЛ. Указ. соч. - С.24.

[2] Дополнительные материалы к отчету Наркомзема УзССР по проведению земельно-водной реформы в Самаркандской, Ферганской и Ташкентской областях. - Ташкент, 1928. - С. 89.

десятин), богатые баи - 4,9 % (хозяйства более 10 десятин). Таким образом, середняки составляли в целом почти 50 % дехканских хозяйств, а не 27,8 %, как считали советские исследователи. Это был крепкий слой дехкан-собственников.

Особенностью сельского хозяйства Туркестана в начале XX в. была исключительно высокая товарность небольших земельных участков, выращивающих хлопок. И поскольку крупных хлопководческих хозяйств в Туркестане в этот период не было, то именно на небольших земельных наделах дехкане-середняки из года в год увеличивали количество собранного хлопка и его урожайность.

Хорошие показатели роста урожая и урожайности не означали, что у дехканских хозяйств Туркестана в начале XX в. не было серьезных проблем, мешавших им вести свое хозяйство более эффективно. Самой главной была проблема кредитов, поскольку уже в начале весенних полевых работ дехканину нужны были деньги на покупку семян, рабочего скота, оплату сроковых рабочих (если размеры его участка требовали дополнительных рабочих рук). Но из-за отсутствия в крае системы государственного банковского кредитования дехканских хозяйств они вынуждены были пользоваться услугами местных ростовщиков и баев на очень тяжелых условиях. Если государственный банк выдавал кредиты частным банкам и хлопковым фирмам под 5,5 %, а те раздавали задатки посредникам под 8-9 %, то дехканину, выращивающему хлопок, кредит обходился уже в 60 %[1]. Нужен был более дешевый путь кредитования дехканских хозяйств. Для решения этой задачи Российский государственный банк в 1909 г. начал создавать в крае дехканские товарищества мелкого кредита, которые финансировали их из расчета 12 % годовых. В 1917 г. в Туркестане уже действовало 833 таких товариществ. Встреченное вначале с недоверием, это новшество быстро стало завоевывать признание у дехканства. "При всей своей малосознательности, - пишет А.П. Демидов, - население легко кооперировалось и быстро усвоило все значение мелкого кредита. Безупречная честность, добросовестность, аккуратность дехкан, их заинтересованность позволили молодой кооперации Туркестана сыграть большую роль не только в оздоровлении атмосферы частного кредита, но и также в деле развития производительных сил сельского хозяйства"[2].

В противоположность мнению историков советского периода, что система банковского кредита в колониальном Туркестане "не оказала по существу никакого влияния на тяжелое состояние хлопководческих хозяйств" и что "кредит имел для дехканина больше потребительский, чем производственный характер, так как шел преимущественно на пропитание семьи"[3], сравнительный анализ выдачи ссуд учреждениями мелкого кредита в Сырдарьинской области за 1913-1917 гг. показывает, что 98 % взятых в кредит ссуд расходовалось именно на производственные нужды, тогда как на личные расходы шло 1,8 %.[4].

В предреволюционные годы система мелкого кредита в Туркестане все больше приближалась к обслуживанию нужд непосредственных дехкан-производителей. Это был реальный путь укрепления трудовых дехканских хозяйств и, прежде всего тех, кто составлял в их числе слой средних собственников. Это был их путь *к* фермерству. Но этот действительно позитивный процесс был прерван в крае в 1917 г.

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что в начале XX в. в Туркестанском обществе, экономическую основу которого издревле составляли владельцы различных форм собственности, укрепляется слой средних собственников. Они занимают лидиру-

[1] Кривошеий А.В. Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. - Ташкент, 1912. - С. 17-19.
[2] Демидов А.П. Указ. соч. - С. 239.
[3] Аминов А.М. Указ. соч. - С.168; Юлдашев А. Указ. соч. - С. 241.
[4] Статистический ежегодник. 1917-1923. Том II, ч. 3. - С. 412.

ющее положение в мелкой промышленности, ремесленном и кустарном производстве, торговой сфере. Укрепляется положение средних собственников и в сельском хозяйстве края, где в этот период особенно интенсивно развиваются товарно-денежные отношения из-за расширения посевов такой высокотоварной культуры, как хлопок. И хотя объективно это превращало сельское хозяйство края в монокультурное, сокращало посевы зерновых и ставило население края в полную зависимость от их завоза из России, субъективно для дехкан, владеющих небольшими земельными наделами, выращивание хлопка было выгодно и давало им возможность укрепить свои хозяйства и занять положение средних собственников.

Своим трудом средние собственники приносили ощутимую пользу не только себе, но и обществу. Для всех собственников, входящих в этот слой, независимо от их профессиональных занятий, было характерно трудолюбие, особое бережное отношение к своей собственности, как источнику благосостояния семьи, отсутствие дестабилизирующих устремлений. Заинтересованные в благоприятных условиях для своей деятельности, они являлись тем самым гарантами стабильности не только своего слоя, но и общества в целом.

Эти миролюбивые устремления всех собственников, а также доброжелательные внутрисоциальные отношения в стратах, обусловили отсутствие в крае острых антагонистических социальных противоречий в среде коренного населения на почве имущественного неравенства, которое безусловно имело место, поскольку базисной основой общества была частная собственность. Растущее недовольство дехкан против русских крестьян-переселенцев и действий колониальной администрации по их землеустройству, создавало напряженность в сельской местности на национальной, но не на социальной почве, что и показало восстание 1916 г. В целом же в среде коренного населения не было настроений социальной ненависти и призывов к борьбе за передел собственности. Это доказала его пассивность в октябрьском перевороте 1917 г. if преобразованиях первых лет советской власти.

Т. Алланиязов,
(Казахстан)

РАЗЛИЧНЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ КРЕСТЬЯН СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА ПРОТИВ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

История вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 годов в Казахстане и Туркестане - важнейшая научная проблема национальных историографии.

Квалифицируя характер и содержание современного процесса изучения указанной темы в Казахстане, отметим следующее: разработка темы в последние годы вышла на качественно новый уровень; в научный оборот введен большой массив ранее неизвестного архивного материала; формируется проблематика темы; появились основания говорить о том, что в трактовке истории вооруженных выступлений и повстанческих движений начался процесс очищения от упрощенных схем; вооруженные выступления казахских шаруа переосмысливаются с позиций исторической правды.

Вместе с тем степень разработки темы, количественные и качественные параметры имеющейся литературы не соответствуют в полной мере потребностям научного исторического знания, играющего все возрастающую роль в решении многих актуальных проблем современности.

Одним из путей преодоления нынешнего состояния историографии проблемы является анализ имеющейся литературы сквозь призму выявления ее методологических, историографических и источниковедческих оснований.

Анализ методологического опыта, содержащегося в имеющейся на сегодняшний день научной литературе по истории вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 годов в Казахстане, показывает, что в ее основе лежат очищенные от идеологических напластований такие известные методологические принципы как объективность и историзм. Важным инструментом научного познания истории вооруженных выступлений и повстанческих движений выступает сравнительно-исторический метод.

Ключевой задачей научной разработки истории вооруженных выступлений 1929-1931 годов является изучение историографического аспекта проблемы. Предварительный анализ показывает, что процесс изучения истории вооруженных выступлений 1929-1931 годов был сложным и противоречивым. Специальные исследования по проблеме в период с 30-х по 80-е годы XX столетия отсутствовали. В общеисторических трудах вооруженные выступления рассматривались в соответствии с официальными установками, по изначально заданной, до предела упрощенной, схеме. Источниковые основы историографии были предельно сужены.

Лишь с начала 1990-х годов, с изменением социально-политической и идеологической ситуации в стране стали меняться методологические и источниковые основы историографии вооруженных выступлений 1929-1931 годов. Важный импульс развитию нового этапа историографии проблемы был придан всем ходом и результатами работы Комиссии Верховного Совета Республики Казахстан. Стал сюгадываться круг исследователей, в трудах которых история вооруженных выступлений получила свое освещение с новых концептуальных позиций. Прорыв в историческом знании в этом направлении был осуществлен, прежде всего, благодаря исследованиям Т. Омарбекова. Свой весомый вклад в разработку проблемы внесли К. Алдажуманов, М. Омаров, Н. Байкадамов, С. Жумагулов и другие исследователи.

Однако разработка проблематики истории вооруженных выступлений 1929-1931 годов на монографическом уровне только начинается.

Выявленные в ранее засекреченных фондах ряда архивов - Президентском^ КНБ РК, Архиве Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан, Архиве УВД Жезказганской области и других, а также документы и материалы Казкрайкома ВКП(б) и ПП ОГПУ, непосредственно связанные с вооруженными выступлениями 1929-1931 годов в Казахстане, позволили поставить и разрешить ряд исследовательских задач по расширению и углублению научных представлений об этих событиях.

С учетом имеющихся достижений и наработок методологического характера были широко использованы репрезентативные возможности документов и материалов, отложившихся в результате деятельности различных структур ОГПУ - от районного до республиканского уровней. Важная роль в этом плане принадлежала источниковедческому анализу группы документов, в ходе которого была предпринята попытка раскрыть идеологию и практику деятельности ОГПУ по подавлению вооруженных выступлений.

Вооруженные выступления и повстанческие движения 1929-1931 годов в Казахстане неразрывно связаны с социально-экономическими и политическими противоречиями, вызванными коренной ломкой традиционного кочевого общества, которые и обусловили глубокий антагонизм общественных отношений по всем направлениям. Вооруженные выступления 1929-1931 годов не возникли вдруг, самопроизвольно. Понадобилось какое-то время, чтобы они стали фактом. Вооруженные выступления явились закономерным порождением тех исторических условий, которые складывались в СССР во второй половине 1920-х годов.

По мере укрепления позиций И.В. Сталина на властном Олимпе, в политическом руководстве страны возобладал курс на решительный отказ от НЭПа и переход к социалистическому наступлению, который в своей основе имел три главные составные части: социалистическую индустриализацию, коллективизацию сельского хозяйства и культурную революцию.

Катализатором, который ускорил и обострил социальные и политические процессы в стране и явился поводом для смены курса политического руководства, стал кризис хлебозаготовок 1927-1928 годов.

Курс на коллективизацию сельского хозяйства, проводившийся насильственными методами в сочетании с нажимной налоговой политикой и различными заготовительными кампаниями, вел к ломке традиционного кочевого общества, разорению и обнищанию крестьян. Все это вместе взятое и толкало крестьян к активному противодействию в форме восстаний и бунтов.

Крестьянские вооруженные выступления - следствие, проявление, знамение «великого перелома», нацеленного под флагом социалистического строительства на создание тоталитарного режима в стране.

В их основе лежит столкновение интересов государства и крестьянства. Курс на сплошную коллективизацию предусматривал полное производственное кооперирование мелких крестьянских хозяйств в форме колхозов или же их обобществление в рамках государственного сектора (совхозов).

Механизм вызревания открытого конфликта между государством и крестьянством действовал своеобразно и включал в себя ряд составляющих моментов, которые либо шли друг за другом, либо тесно сочетались и переплетались, многократно ускоряя и усиливая, тем самым, взрыв недовольства.

В установках V Всеказахстанской партийной конференции (1—7 декабря 1925 г.), состоявшейся спустя три месяца после прихода Ф.И. Голощекина к руководству Казкрайкомом ВКП(б), была определена стратегическая линия, ключевым направлением которой являлось обострение классовой борьбы в ауле, а главным лозунгом момента «Советизация аула». Все это создало идейно-политическую основу для осуществления «Малого Октября». В рамках «Малого Октября» был принят и осуществлялся декрет о конфискации имущества крупных баев-полуфеодалов (27 августа 1928 г.). Ликвидация байских и зажиточных хозяйств, выполнявших вполне определенную функциональную роль в наработанной системе производственных связей, вызывало нарастание хаотических процессов в традиционной структуре хозяйства, вело к ее деформации. Конфискация скота у баев привела не к консолидации середнячества в ауле и росту благосостояния, а к нараставшей пауперизации населения нищавших аулов и разрушению хозяйств.

Параллельно закручивался налоговый пресс, направленный на ограничение, а затем и полную ликвидацию богатых и зажиточных хозяйств. Под воздействием резко возросшей нормы налогообложения значительная часть земледельческих хозяйств раскрестьянивалась, а скотоводческие хозяйства попросту откочевывали целыми общинами за рубежи республики или страны.

Одновременно на крестьянство Казахстана обрушился поток «чрезвычайных» заготовительных кампаний - сырьевых, хлебных и, особенно, заготовок скота. Кампания по заготовке скота имела характер чрезвычайной акции времен «военного коммунизма». Размеры заготовок определялись плановыми заданиями, которые в своей расчетной основе имели завышенные данные о численности скота у населения. В результате широко развернувшихся плановых скотозаготовок, проводившихся зачастую силовыми, нажимными методами, практической неподготовленности заготовительных, организаций к приему значительного

количества заготавливаемого скота, перегона скота на большие расстояния в зимнее время года поголовья скота в скотоводческих районах Казахстана резко сократилось. Заготовительные кампании вылились в форму прямых экспроприации, а затем и в массовые политические репрессии.

Завершающим этапом явилась политика насильственной коллективизации и седентаризации, тесно увязываемая с полной трансформацией хозяйственных форм.

Решения, принятые Казкрайкомом ВКП(б) по оседанию кочевых и полукочевых хозяйств по сути были волюнтаристскими. Они игнорировали объективные условия системы жизнеобеспечения казахского хозяйства и, вне всякого учета степени подготовленности кочевого аула к оседанию, нацеливали местные партийные и советские органы на форсированные темпы оседания.

Насилие властей и произвол чиновников на местах выливались в увеличение количества конфискованных, оштрафованных, лишенных избирательных прав, арестованных, сосланных и расстрелянных людей.

Разрушение системы жизнеобеспечения кочевого общества неизбежно вело к массовому голоду, что, в конечном итоге, и подтолкнуло кочевников к ожесточенному сопротивлению.

Характер радикальных реформ угодных властям и так называемым пролетарским элементам аула, но враждебных подавляющему большинству населения, диктовал их силовое проталкивание. В решении задач политического и социально-экономического характера все более и более возрастала роль силовых структур: милиции, суда, прокуратуры. Главной же силой в руках власти стали органы госбезопасности, затмившие все остальные государственные и общественные институты. Характер и содержание деятельности ГП ОГПУ в Казахстане, его структура, состав руководящих работников позволяли этой организации играть основную роль в необъявленной войне против своего народа. Власть все более становилась насильственной. Стремление партийных и советских органов в решении задач «социалистического строительства» опереться на органы ОПТУ, ставка на силу логично вели к силовому подавлению акций крестьянского протеста. Это хорошо просматривается в репрессиях в отношении т.н. «бандитов и вредителей» избивавших или покушавшихся на жизнь партийных и советских работников, аульных активистов еще до начала открытых военных действий.

Протест крестьянских масс провоцировался и антирелигиозной политикой Коммунистической партии и Советского государства. На словах провозглашая свободу совести и вероисповедания своим гражданам, власть не только исподволь нарушала права и свободы граждан, но и стремилась их всячески ограничить, свести к минимуму. Воинствующий атеизм, крайние формы антирелигиозного вандализма ярко проявились в разрушении или закрытии почти всех мечетей, молитвенных домов и церквей, находящихся в сельских районах, в преследовании служителей культа. Это, естественно, вызывало резкое неприятие со стороны населения, значительная часть которого являлась верующими.

Крестьянские выступления в своем развитии имеют ряд этапов. Первые выступления - Тахтакупырское, Бостандыкское и Батпаккаринское - произошедшие во второй половине 1929 года имели локальный характер, к тому же часть из них была быстро нейтрализована. Но уже с февраля 1930 года волнения приобретают широкий размах и повсеместный характер. Наиболее крупные вооруженные выступления произошли в Сузаке, Иргизе, Каракумах, Балхаше, Сарканде. Непосредственным поводом к выступлениям послужило искусственное обострение классовой борьбы на основе постановления ЦИК и СНК СССР от ! февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и. по борьбе с кулачеством» и

аналогичные решения принятые комиссией Казкрайкома ВКП(б) от 10 февраля 1930 года. К маю все эти выступления были подавлены.

Следующий этап крестьянских выступлений приходится на февраль - июнь 1933 года, когда активное противодействие властям было оказано крестьянами Абралинского, Чингистауского, Чубартауского, Шетского, Карсакпайского, Курдайского и других районов. Поводом к выступлению в ряде указанных районов явилась политика скотозаготовок, начавшаяся по решению местных властей именно в феврале месяце.

Что касается восстания крестьян в Адаевском округе, то вооруженное сопротивление и откочевки здесь шли перманентно с 1929 по 1931 годы, то затухая, то вновь вспыхивая.

В разрезе по годам количество вооруженных выступлений и повстанческих движений выглядит следующим образом: 1929 год - 3 выступления, 1930 год - 8, 1931 год - 14 выступлений.

Таким образом, можно видеть, что крестьянские выступления 1929-1931 годов представляют собой не линейный, а значительно более сложный процесс: накал борьбы крестьянства с государством не был одинаковым на протяжении всех этих лет. Периоды спада выступлений сменялись периодами резкого обострения противоборства сторон.

По форме крестьянские выступления были как мирные, так и вооруженные. По содержанию они представляли собой либо вооруженные выступления, заключавшиеся в нападениях на райцентры, активных боестолкновениях с войсками и коммунистическими отрядами, либо вооруженные откочевки, сопровождавшиеся активными боевыми действиями с войсками ОГПУ и погранвойсками, либо акции мирного характера, выражавшиеся в противодействии властям, однако подавлявшиеся под видом вооруженных выступлений.

В характере военно-политического конфликта 1929-1931 годов в Казахстане как совокупности наиболее существенных признаков можно выделить две стороны: социально-политическую и военно-техническую.

Рассмотрим социально-политическую сторону через обобщенную оценку политического, социального, правового и морального аспектов. Политическое содержание военно-политического конфликта определяется интересами и целями подготовивших и развязавших его социальных групп. Конфликт был спровоцирован всей «мирной» политикой Советской власти и государства по отношению к кочевому населению Казахстана. Внешне действия властей выглядели привлекательно. В условиях, когда крестьяне, защищая свои интересы, были вынуждены первыми начать открытые военные действия, власть, под флагом защиты интересов государства, приняла все необходимые военно-политические меры по подавлению крестьянских вооруженных выступлений и действовала решительно и беспощадно. Целью властей было не просто подавление сопротивления восставших крестьян, но и демонстрация силы государства, которое в своих интересах не остановится ни перед чем, а также устрашение всей остальной части населения и попутная «зачистка» пораженных восстаниями районов от антисоветских элементов, состав которых, судя по оперативным документам ОГПУ, был весьма широк.

Цели восставших шаруа были предельно ясными: приостановить антинародную, губительную политику силовой модернизации кочевого общества, вернуть конфискованный скот и имущество, создать условия для нормальной жизни, прекратить беспредел представителей районных и аульных властей, не препятствовать отправлению религиозных обрядов и т.п. Ряд лозунгов, провозглашенных повстанцами и характер содержания обращений их руководителей, отражает стремление восставших уничтожить Советскую власть, ее политических лидеров и провозгласить ханскую власть.

Война, развязанная режимом, была антинародной по своим целям. В ходе военных действий погибли тысячи повстанцев и мирных жителей, сотни красноармейцев, сотрудников

ОГПУ, членов коммунистических отрядов были убиты в боях, ранены и искалечены. За участие в крупных восстаниях и волнениях в 1929-1931 годах только органами ОГПУ было осуждено 5551 человек, из которых 883 расстреляно.

Власти понесли огромные материальные и финансовые потери. Значителен был ущерб, нанесенный хозяйствам в результате боевых действий. Еще более весомыми были моральные потери. В духовно-нравственной и психологической жизни воцарился дух превентивного насилия, пренебрежения к человеческой жизни, страха. Обстановка всеобщего произвола и беззакония способствовала укреплению в сознании борцов за новый строй установок на бескомпромиссное отношение к противнику, на подавление и уничтожение всех «инаковерующих».

Война, развязанная режимом против крестьянства, с точки зрения современного права была незаконной. Во время боевых действий с повстанцами гибло и мирное население. В действиях повстанцев независимо от преследуемых целей зачастую просматривается вандализм, насильственный характер в отношении партийных и советских работников, а то и случайных людей.

Власть, применяя силу, далеко перешла границы допустимого при подавлении крестьянских выступлений. Так, при подавлении Сузакского восстания активно применялась артиллерия и пулеметы. В военно-техническом плане соотношение сторон было неравным. Против слабо вооруженных повстанцев действовали, как правило, прекрасно оснащенные стрелковым оружием, артиллерией и авиацией регулярные воинские части, войска и оперативные группы ОГПУ, а также коммунистические отряды. Каждое боевое столкновение войсковых подразделений с отрядами в основном безоружных повстанцев заканчивалось для последних десятками убитых и сотнями плененных.

В системе подавления крестьянских вооруженных выступлений и повстанческих движений 1.929-1931 годов в Казахстане руководящая и направляющая роль принадлежала Казкрайкому ВКП (б). Разрозненным отрядам повстанцев противостояли объединенные под единым командованием из числа руководящих работников ПП ОПТУ вооруженные подразделения, оперативные группы и коммунистические отряды. По политическим соображениям в борьбе против повстанцев значительный акцент делался на применении либо национальных кавалерийских частей, либо коммунистических отрядов, состоявшие из числа местных партийных, комсомольских и советских работников. Война против повстанцев велась всеми методами и средствами: военными, техническими, организационными и оперативно-разведывательными. Повстанческие отряды были резко ограничены в своих возможностях и, несмотря на отчаянное сопротивление, были обречены на неминуемое поражение.

Движущими силами во всех этих событиях явились основные слои казахского аула: баи, бедняки и середняки, осознавшие пагубность проводимых советской властью политики принудительной коллективизации и оседания, объективно способствовавших уничтожению скота. В составе повстанческих отрядов находились также торговцы, служащие, религиозные деятели. О составе повстанческих отрядов в известной мере можно судить по категориям лиц, привлекаемых к ответственности за участие в выступлениях: баи, муллы, националисты, уголовники, аульные активисты, служащие, члены ВКП(б) и комсомольцы. Рядовых участников выступлений из числа бедняков и середняков после соответствующей обработки освобождали.

Завершая обобщенную характеристик}' причин, характера и содержания крестьянских, вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-3931 годов в Казахстане отметим следующие ключевые моменты

1. Вооруженные выступления и повстанческие движения 1929-1931 годов - важный

этап в истории Казахстана 20-30-х годов XX столетия. Эти события представляют собой многослойное и комплексное явление, охватывающее политические, социально-экономические, военные, идеологические сферы жизни. Основные истоки этого явления вытекают из политики государства, направленной на насильственное прерывание хода естественно-исторического развития социально-экономических отношений в казахском обществе, которые и обусловили глубокий антагонизм между различными социальными слоями.

2. Казкрайком ВКП(б), обусловив всей своей политикой социально-политический конфликт, довел его до вооруженного противостояния между властью и частью казахского народа и разрешил его преимущественно силовыми методами, продемонстрировав, тем самым, антинародную суть политического режима.

3. Разнообразные по форме и содержанию вооруженные выступления и повстанческие движения в совокупности своей представляют крестьянский протест, эволюционировавший от борьбы верхушечных слоев аула в лице байства и религиозного духовенства с целью сохранить свои социально-политические и экономические позиции до последнего выражения отчаяния середняков и бедняков, поставленных в результате насилия, произвола и беззастенчивого обирания аула со стороны представителей власти перед реальностью физической смерти.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ И ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Изабель ОАЙОН,
(Франция)

РОДОВАЯ ВЛАСТЬ И СОВЕТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ В КИРГИЗСКОЙ АССР В 1920-1930-х ГОДАХ

В своей статье я бы хотела провести анализ действий институтов советского государства через призму функционирования местных властей в Киргизстане, то есть таких партийных и исполнительных органов, как райкомы, обкомы, сельсоветы, райисполкомы и облисполкомы. Двадцатые ~ тридцатые годы двадцатого века были поворотным моментом, когда было начато формирование бюрократической иерархии местных аппаратов советского государства. Я хочу рассмотреть эту проблему с позиции тех, кто отвечал за принятие конкретных решений на местном уровне, и таким образом попробовать возобновить размышления о природе советских институтов власти на местном уровне. Регионы КирАССР, о которых пойдет речь (Нарынская область и южный берег озера Иссык-Куль), представляют собой скотоводческие и этнически гомогенные среды. В своем докладе я опираюсь на документы Центрального архива Киргизской Республики, Архива политической документации КР (бывший архив компартии Кирг.ССР), Архива Нарынской области и Центрального Архива Республики Казахстан.

Столкновение интересов внешней власти и сегментарной структуры кочевых обществ Центральной Азии не является спецификой большевистского опыта. Во время продвижения вглубь казахских степей, русские колонизаторы часто пользовались этой социально-политической организацией. В силу невозможности установления единого политического центра, они должны были выделять некоторые элементы этой сегментарной структуры. Колониальная политика, которая заключалась в кооптации родовых элит, привела к тому, что традиционные авторитеты стали бюрократическо-адм.ин.истративными институтами. Поэтому проблема, с которой столкнулась большевистская власть в кочевой Центральной Азии, состояла в том, что ей необходимо было основываться на идеологическом согласии и нарушить колониальную логику кооптации глав родовых групп. Также большевистская доктрина имела амбиции разрушить родовую социальную организацию, которая для нее являлась «суперструктурой полуфеодальной кочевой экономики». В силу инерции родовых структур[1] советская власть вынуждена была адаптироваться к этой реальности, даже если официально она должна с ней бороться.

Я собираюсь затронуть три аспекта этого вопроса. Первое, это родовая система де-факто на базе структуры советских аппаратов местной власти. Второе, киргизские роды как инструмент советской региональной политики. И третье, возможности этих родов для ее подрыва.

[1] Под термином "род" здесь имеется ввиду lineage, т. е. социальная единица., члены которого связаны общей генеалогией и признают общую принадлежность по такому родовому принципу. Семь поколений определяют экзогамную единицу у киргизов как и у казахов, но на самом деле три поколения являются уже эффективной степенью родства.

Роды: внутри советских аппаратов

Как же могла на деле родовая структура влиять на местные органы советской власти? Способ рекрутирования новых кадров для советской администрации в этнически гомогенных регионах был основан на разных принципах. Сначала он вдохновлялся принципами политики коренизации в отношении национальностей с начала двадцатых годов до «сталинского поворота» 1932 года. В результате этой политики в интересующих нас регионах (Нарынская область и Иссык-Куль) сельсоветы на сто процентов состояли из представителей автохтонных этнических групп, районные аппараты - на 70-100 % в зависимости от того, были ли это партийные или исполнительные органы власти. Только области имели большую представленность лиц европейского происхождения - от 50 до 70 %. Тем не менее, эта статистика ничего не говорит о постоянно меняющихся правилах рекрутирования новых кадров. Специфика самого рекрутирования состояла в большом дефиците грамотных и политически образованных лиц среди киргизов, что, как следствие, ограничивало свободу выбора кадров. Одними из главных критериев для получения ответственных должностей были, в частности, служба в рядах Красной Советской Армии и наличие институтского образования у членов партии низшего звена, которое было довольно редким в двадцатых годах. Эти два критерия являлись одними из главных гарантий лояльности к правящему советскому режиму.

Само рекрутирование чаще всего было результатом практической кооптации или буквального назначения на места «своих людей». Так же рекрутирование основывалось на принципе снятия с управляющих должностей всех, кто имел к ним отношение при царской власти, и особенно тех, кто принадлежал к враждебным социальным классам. Но даже эти простые критерии невозможно было соблюдать на деле. В течение двадцатых и первой половины тридцатых годов можно было найти в местных административных аппаратах некоторых бывших волостных чиновников царских времен, которые тогда:были выбраны из-за того, что являлись главами родов или просто богатыми скотоводами. Несмотря на то, что новые доверенные кадры соответствовали большевистским критериям социального происхождения или карьеры революционера, или же они были: наследниками старых форм легитимности, их все равно все воспринимали по родовому признаку. Точно также, все их последующие решения воспринимались как решение соответствующей какой-либо конкретной родовой группы. Построение аппаратов власти являлось результатом борьбы интересов между политически активными родовыми группами. Руководители Кирг.АССР знали этот факт и рассчитывали на него в процессе построения всей региональной политики.

Это явление можно наблюдать на примере нескольких сводок Кир.ГПУ[1], которые хорошо иллюстрируют политическое функционирование на районном уровне. Речь идет о Балыхчинском районе в 1931 - 1932 годах, который тогда охватывал территорию северного берега озера Иссык-Куль до границы с Китаем. Традиционно доминирующим на этой территории является многочисленный род Саяк. В конце двадцатых и начале тридцатых годов этот район на самом деле управлялся членами этого рода, поскольку к нему принадлежали секретарь районного комитета Компартии (райкома), глава прокуратуры и председатель районного исполнительного комитета (Райисполком) и большинство управляющих кадров. Доминирование представителей рода Саяк было поставлено под угрозу появлением конфликта между главами местных органов власти и представителем менее влиятельного рода Кыдык Коджемкулова, который был председателем сельсовета региона, близкого к китайской границе, и который работал в качестве уполномоченного комендатуры ГПУ, ответс-

[1] ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 434, л. 96-97, Сведения ОПТУ, 26/03/32; ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 434,.л. 77, Письмо уполномоченного ОПТУ Балыхчинского района к секретарю обкома, Исакеев>; 15/02/32.

твенного за охрану государственной границы и борьбу с контрабандой. Кроме того, весь персонал этой комендатуры был европейского происхождения, кроме самого Коджемкулова. Поскольку на этой должности он являлся препятствием для различного рода незаконного товарообмена между богатыми скотоводами на границе, его неоднократно преследовала районная прокуратура по различным ложным обвинениям. В местной печати его обвиняли в том, что он является «русским прихвостнем», и в том, что он препятствует ведению дел «киргизских братьев». На самом деле Коджемкулов поименно доносил на контрабандистов во время региональных партийных конференций и. таким образом, вызывал к себе враждебное отношение политических представителей рода Саяк. Члены же его собственного рода Кыдык так же высказывали недовольство его действиями в ГПУ, но в конце-концов все-таки поддерживали его в борьбе за места в аппаратах власти с родом Саяк. Использовав все законные способы убрать Коджемкулова, представители рода Саяк дошли до ЦК Компартии КирАССР и обвинили его в коррупции и участии в группировках.

Это дело стало настолько важным, что большинство родов, представленных в Балыхчинской области, были вынуждены быть либо за, либо против кого-то из участников этого конфликта. Маленькие роды активно пользовались ситуацией, чтобы выступать против назначения представителей Саяка на местные административные должности, тем более, что скоро должны были пройти выборы в местный райисполком. Наряду с коллективизацией в ближайший посевной сезон, существовал риск войны родов между собой, оружием в которой могли стать как типичные репрессивные методы советской системы, так и возможный отказ проводить посев. В этих условиях ГПУ и ЦК. Компартии КирАССР решили уволить лидеров обоих враждующих родов - Кыдык и Саяк, и назначить на пост председателя райисполкома человека другого рода. Таким образом оба лидера были временно нейтрализованы, но при этом не осуждены. Это явление можно анализировать следующим образом: представители противоборствующих родов, прекрасно интегрированные в местные аппараты, использовали их в своей борьбе. Здесь мы видим, как административный аппарат стал инструментом во внутренней борьбе между родами. Также мы видим, как механизм «родовой солидарности» может превратить личный конфликт в родовой. То есть солидарность, основанная на родстве или идеологии родства, доминирует над их личными интересами. Такая схема соперничества между аппаратами может существовать, потому что сами аппараты основывают свой авторитет на родовой сплоченности. Республиканская власть, прекрасно знавшая эту систему, никак не осуждала ее в то время, как политические приоритеты оказывались поставленными под угрозу родового соперничества.

Роды *ктс* инструмент советской региональной политики

Какие же могут быть формы лояльности советскому режиму в этих условиях? Могла ли сама по себе подобная структура власти удовлетворить цели советской политики в регионе? Некоторые случаи показывают, что родовая структура была управляема и использовалась, чтобы завершить идущие «сверху» проекты. Какая-либо партийная ячейка или администрация, соответствующая, определенному роду, могла использовать это соответствие в пользу государства. Таким образом, род, институционализированный в партийной структуре, пользовался традиционными прерогативами в достижении своих политических целей. Отсюда можно сделать вывод, что в некоторой степени именно благодаря родовому внедрению в местные аппараты советская политика могла быть применена в этнически однородных средах. В некоторых случаях, в том числе во времена репрессий 20-х - юнца 30-х годов, родовые отношения были использованы как инструмент подобных кампаний. Например, в Казахстане во время так называемой «кампании конфискации имущества крупных баев и полуфеодалов и их выселения в 1928 году», местные партийные ячейки на уровне сельсо-

ветов активно использовали существующие тогда родовые конфликты. Они провоцировали доносы на богатых скотоводов и представителей традиционных элит со стороны простого казахского населения, чтобы на их основе составить списки тех, кто подлежит выселению и конфискации имущества. В теории проект конфискации должен был быть основан на классовых критериях, но на деле местные партячейки, которые прекрасно знали силу родовой солидарности по сравнению с классовыми антагонизмами, решили разработать следующую стратегию: они использовали информированность населения о существующем соперничестве между какими-либо родами и их экономическо-политическими элитами. Иначе говоря, коренные представители советской власти на уровне районов и сельсоветов опирались на родовые связи в процессе проведения политики центральной власти. Эта методика заключалась в манипуляции существующими локальными конфликтами и была прописана в официальных директивах ЦК Компартии Казахстана к местным парт ячейкам[1].

«В этом вопросе - обсуждение списков (баев) - надо идти на все формы выявления мнения гиироких масс аула, преодолевая родовые перегородки, проверяя списки на собраниях жителей мельчайших аулов, разъясняя значения конфискации каждому (...) вплоть до индивидуальной их обработки (...). (...) В первые дни, пока скот и прочие средства производства у баев не изъяты, неизбежны колебания среди самой бедноты, особенно среди сородичей баев, подлежащих конфискации (...).

Конфискованный скот и прочие средства производства необходимо раздавать бедноте, по возможности не из того родового поколения, которому принадлежит конфискуемый бай. (...) Причем в первую очередь должны быть наделены те из бедняков, которые "кормились "у конфискуемых баев, не будучи их сородичами. »[2]

Среди сохранившихся документов в фонде Комиссии по конфискации имущества крупных баев и полуфеодалов многие факты свидетельствует о том, что некоторые люди инструментализировали родство, чтобы конфисковать или нейтрализовать своих врагов и, таким образом, сохранить власть или прийти к ней. Эти свидетельства, находящиеся среди различных жалоб, красноречиво говорят о том, как традиционная родовая авторитетность сочеталась с молодой советской властью, и как прерогативы и того, и другого были взаимноиспользованы. Жалоба от 4-го января 1929-го года Совнаркому Казахской АССР, поданная неким Бошаем Мойнаковым, уроженцем сыр-даринского округа, депортированным в уральский округ, описывает различные манипулации по отношению к нему на основе родовых аргументов[3].

В этой жалобе, он разоблачал несправедливое осуждение себя как бая, конфискацию своего имущества и последущую депортацию, вопреки тому, что он не имел достаточно скота, чтобы быть обвиненным. Он обвинил одного из своих врагов, Манабая Манкиева. который воспользовался своим статусом члена аульной комиссии чтобы его исключить. Б. Мойнаков объясняет, что он пострадал из-за неподчинения своего рода Жахсыбай роду Багуль, к которому принадлежит Манкиев. Он являлся сыном «верховода» багульцев и участвовал как уполномоченный в комиссии по конфискации, в которой все 15 членов были Багульцами. Он добавил к этому что в царское время, он был жертвой такой же махинации, которая повлекла его депортацию за «политическую неблагонадежность», в то время как Манкиев уже занимал местную должность. В этом ауле № 9 ички-таласской волости, насе-

[1] См. Глава 2, OHAYON, I., La sftdentarisation des Kazakhs dans 1'URSS de Staline. Collectivisation et changement social (1928-1945). - Paris, Maisonneuve et Larose, 2006. - С 71-105.

[2] ЦГА РК (Центральный Государственный Архив Республики Казахстан), ф. 135, оп. 1, д. 1, л. 92-103, «Открытое письмо ко всем аульным ячейкам ВКП(б) и аульным коммунистам». Недатированный документ, но, видимо, сентябрь-октябрь 1928 года

[5] ЦГА РК, ф. 135, оп. 1, д. 12, л. 68-70.

ление состояло из 27 хозяйств рода Жаксыбай и 460 хозяйств рода Багуль, как было указанно в статистическом сведении местного Устатбюро.

Господство одного рода над другим конкретизировалось внутри аппаратов, которые всегда доминировалйсь Багульцами: как в царское, так и в советское время. Желая уравновесить этот дисбаланс, Б. Мойнаков попытался доказывать свой авторитет, включив себя в комиссию по конфискации. Тогда его личный враг поспешил записать его в списки баев и требовать его ареста районными вооруженными силами. В центре района отказали отправить войска, поэтому он обратился к местному начальнику милиции, чтобы он организовал легальный арест за лошадь в подарок взамен. Согласившись, милиционер вместе с уполномоченным аульной комиссии по конфискации изъяли скот Б. Мойнакова и привезли его в город, откуда выслали в Уральский округ.

В качестве другого примера используем Схему родовых взаимоотношений 1927 года, которая была взята из архивов Компартии Киргизстана', в которых подобные документы встречаются довольно редко. Она была составлена именно в рамках репрессивной кампании против манапов и касается родословной есенгулского рода, который является родом крупных манапов. Схема очень подробно иллюстрирует возможную степень информированности о местной общине. В ней содержится информация, составленная агентом ГПУ, о роде, состоящем из 150 семей племени Сарыбагиш. Здесь род, называющийся по киргизски «Бир атанын баддары», что значит «дети одного отца», является маленькой социально-генеалогической единицей, так как весь род считается со времени смерти последнего предка. Эта схема описывает филиацию и брачные связи, используя следующие категории: род, колено, ветвь, подветвь, жена, семья, возраст. Таким образом, она дает очень подробные сведения о всех семьях, связанных с црдлежайшими выселению манапами.

Другие типы документов, такие как. некоторые выдержки из сводок ГПУ КирпАССР к Первому секретарю Компартии Киргизстана,[2] описывают различные родственные связи между руководящими кадрами одного района, в данном случае Тонского (южный берег озера Иссык-Куль). См. Приложение, которое представляет некоторые детали, дающие возможность получить более подробное представление о методике самого агента (приложение внизу текста).

Подрыв советских проектов родами

Возвращаясь к аргументам, мы видим, как логика родовых взаимоотношений может служить на пользу верховной власти. Эта система так же могла быть мобилизована для того, чтобы подорвать выполнение советских указов, и наоборот, служить на пользу интересам самих родов. Сочетание местных партийных ячеек и родов тогда стало основой различного типа злоупотреблений и расхищений. Эти случаи были очень широко распространены и являлись частым объектом многих, сводок ГПУ и жалоб во время партсобраний как в Киргизии, так и в Казахстане. В зависимости от того, какие родовые связи существовали между различными политическими кадрами и простыми гражданами[3], варьировались и виды налогообложения и конфискации имущества. ;

[1] ЦГА ПД КР (Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики), ф. 10,оп.1, д. 144, л. 182, «Подветвь Джакит-С[...] Алагус 70 хоз. Кштау булак. Генетическая схема рода Монголдор», 20/11/1927 и ЦГА ПД КР, ф. 10, оп. 1, д. 144, л. 193, «Генетическая схема рода Сарыбагиш колена маная ветви есенгул» 20/11/1927.

[2] ЦГАПДРК,ф". 10,оп.1, д.437, л. 7-1.1, СводкаОГПУ Балыкчинскогорайона, 18/02/1932.

[5] ЦГА ПД РК, ф. 10, оп. 1, д. 437 , л. 7-11.

Снабжение районов и колхозов различными товарами осуществлялось также по родовому принципу[1]. Все вышеупомянутые примеры свидетельствуют о том, что родовая форма солидарности была преобладающей по сравнению с другими. Это показывает, что классовое деление общества не совпадает с его родовым делением. Преемственность родового критерия, де-факто, являлась мощным препятствием большевистской политике, основанной на классовой дифференциации. В этих регионах во время раскулачивания (1929-1932 годы), только внедрение «внешних троек» могло гарантировать успешное проведение репрессивной политики против богатых скотоводов.

В качестве еще одного примера рассмотрим более конкретно главу киргизского рода, который избежал несколько раз конфискации имущества благодаря содействию членов и председателя местного сельсовета, которые дали ему фальшивую справку* У этого бая были очень тесные связи с человеком, ответственным по заготовкам в местном сельсовете, за которого должна была выйти замуж его дочь. Можно прочитать в сводках его ареста 1931 года, составленных ГПУ, что после ночной операции раскулачивания члены и председатель сельсовета пришли выразить ему свое почтение, обнимали его и прощались с ним перед членами «тройки»[2].

В источниках часто встречается факт того, что баи, пытаясь уйти от раскулачивания, договаривались с ответственными по заготовкам, предлагая им взамен укрывательства, своих дочерей в жены. Это означает, что должность ответственного по заготовкам являлась своего рода экономическим ресурсом. Более того, тем самым имел место подрыв не только самой идеологической доктрины и административной процедуры, но и нравственных взаимоотношений среди управленческого состава районов, сельсоветов и даже иногда и областей. Здесь уже налицо так называемые акты антисоветского поведения,; то есть ежедневные действия, которые квалифицировались советской системой как преступления. Из-за того, что подобные действия наносили вред репутации Компартии и всего правящего режима, они. могли стать причиной увольнения с партийных должностей.

В длинном списке подобных антисоветских действий, за исключением фактов ретроградного поведения в отношении женщин и пьянства, можно было найти массу ритуальных актов, на которых был основан авторитет местных политических элит. Это были различные традиционные религиозные и нерелигиозные обряды, как например, «Ош» и «Той» (Пир), которые проводились в честь главы какого-либо рода, годовщины смерти кого-либо из членов рода и.т.д., и различного рода конные игры. Все подобные мероприятия являлись одновременно и способом решения локальных проблем, и способом подстрекания к неким противозаконным действиям. Однако такие мероприятия были важны для укрепления сплоченности рода. Участие же в подобных действиях местных авторитетов гарантировало им дальнейшее сохранение их должностей в аппаратах власти. Это обеспечивало им легитимность, по которой они могли в дальнейшем служить на пользу самого аппарата. «Родовую игру» внутри советских местных аппаратов нельзя интерпретировать только как форму сопротивления или протеста, она скорее является результатом повседневных бытовых отношений и принципов построения социально-политической организации кочевого общества. Формы лояльности и протестности при этом не являлись взаимоисключающими внутри одного отдельно взятого аппарата. Скорее наоборот, эти формы успешно сосуществовали вместе, так как зависели от одних и тех же условий и конкретных людей. Способ функционирования местных аппаратов власти в Киргизстане можно интерпретировать как продукт взаимной инструментализации центральных советских властей и местных родов.

' ЦГАПДРК, ф. 10, оп.1, д. 363, л. 155, Доклад Райкому Аламединсюому район)', декабрь 1931; ЦГА ПДРК, ф. 10, оп. 1, д. 363, л. 87-89, «Доклад ОПТУ о предварительных итогах по изъятию кулацко-байманапских хозяйств», июля 1931.

[2] ЦГА ПД РК, ф. 10, оп.1, д. 363, л. 87-89.

Каждый из них в этом случае использовал те формы легитимности, которые ему мог дать другой. Местные административные работники извлекали пользу из своего должностного положения, в котором был заложен большой насильственный потенциал по отношению к местному населению. При этом само население уже достаточно долго испытывало на себе то, как государство способно проводить в жизнь свою политику насильственными и в то же время легитимными методами. Республиканские советские власти признавали за теми, кто имел родовой авторитет, право на применение директив и мог успешно представлять скотоводческое общество. Это было хрупкое равновесие, которое можно было разрушить только мерами чистки и нейтрализации родовой логики мышления. Как можно видеть на примере стенограмм Пленума Компартии КирАССР 1932 года', партийные кадры жаловались на то, что внутри самих аппаратов родовые соперничества никогда не были санкционированы свыше.

В качестве вывода можно сказать, что в 20-х - 30-х годах двадцатого века в местных административных органах низшего уровня советизация шла по пути похожим на тот, по которому шла имперская система подчинения себе коренного населения. Вопрос в том, что эта некая двойственность совместного существования двух форм авторитетности и лояльности структурировала местную власть в Центральной Азии на протяжении долгого времени, а также насколько эта двойственность обеспечивала успех или провал советского государственного идеала. Можно выдвинуть гипотезу, что эти формы взаимоотношений напрямую способствовали процессу укоренизации сегментарных обществ внутри советской системы и являлись своеобразным способом усвоения нового режима, по крайней мере на первом этапе установления советских институтов власти в период между Первой и Второй мировыми войнами.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

Село Рыбачье 18.02.1932 г.

Тов. Морин.

Возвратившись из отпуска, я столкнулся с рядом серьезных вопросов, которых не могу разрешить самостоятельно, поэтому пишу тебе. Эти вопросы не новы для нашего района, в особенности для его южной части - Тона. Здесь систематически ведутся группировки и сейчас они достигли больших размеров. Было бы не так трудно ликвидировать их, если бы они не брали своего начала здесь, в районном центре, но к несчастью вышло так, что они именно отсюда исходят и имеют связь с центром, т.е. с Фрунзе. Начну с основного узла.

1. За мое отсутствие в районе, Секретарь Райкома т. Курманалиев окружил себя со всех сторон родственниками и друзьями из своего рода - «Арык-тукум». Тебе должно быть понятно, что это делается для того, чтобы иметь сильный кулак и, если потребуется, то нанести удар по определенному участку. Что эти удары часто наносятся в связи с борьбой между родами и отдельными группами в этих родах, тебе тоже известно. Вот группа родственников, которых Курманалиев подобрал главным образом во время моего отсутствия:

№	Фамилия	Где работает	Степень родства
1	Садыков	Агитмассовый Отд. Райкома	Зять Курманалиева
2	Сакеева	Женсектора РК	Жена Садыкова, сестра Курманалиева

[1] ЦГА ПД РК, ф. 10, оп.1, д. 370, л. 8-17, Стенограмма 4-ого пленума КомПарги КирАССР, 15/01/1932.

3	Исхаков	Пред. Райколхозсоюза	Родственник
4	Бакаев	Зам. Зав. Конторой Союзтранса	Родственник
5	Хамеков	Зам. Зав. пристанью	Родственник
6	Хамзамулин	Зав. Пред. РИК'а	Родственник
7	Байгазиев	Пред. РИК'а	Одного рода «Арык-тукум»
8	Адылов	Прокурор	Одного рода «Арык-тукум»
9	Токтобеков	Секретарь КК ВКП (б)	Одного рода «Арык-тукум»
30	Кадырбаев	Массовик Совхоза	Одного рода «Арык-тукум»
11	Сариев	Экономист Райколхозсоюза	Одного рода «Арык-тукум»
12	Больчумбаев	Пред. Союза Охотник	Одного рода «Арык-тукум»
13	Бетиканов	Пред. Райпотребсоюза	Одного рода «Арык-тукум»
14	Атанкулов	Испектор Здравотд	Одного рода «Арык-тукум»
15	Джаманкулов	Управл. Отд. Кирпотребсоюза	Одного рода «Арык-тукум»
16	Абдылдаев	Испектор РКИ	Одного рода «Арык-тукум»
17	Дуигембиев	Испектор РКИ	Одного рода «Арык-тукум»
18	...	Зав. Бюро жалоб	Одного рода «Арык-тукум»

Кроме того, технический аппарат и продавцы Потребкооперации, а также аппарат и других учреждений заполняется людьми из рода Курманалиева.

2. Эта организованная группа решила все Сельсоветы и колхозы укомплектовать председателями из своего рода, благодаря чему по Тону развернулась родовая борьба. На пути этой группы стоит Упол.ГПУ т. Гузий, поэтому Гузия стараются столкнуть, а так. как это. трудно провести в жизнь, то в первую очередь решено избавиться от людей,.которых они считают близкими Гузию, от партийцев: Коджемкулова Казы, Конурова Кабыла, Баялинова 7 Чекипа и Управляющего Конторой Лектезсырье Колесникова (последний беспартийный). Конечно, вокруг последних группируются все остальные, обиженные роды, с целью самозащиты. Перед моим приездом, провели решением по советской линии снятие Коджемкулова Казы с должности Председателя Донталинского Сельсовета. Сейчас туда послан Джайчиев - близкий роду «Арык-тукум». На Бюро Райкома в мое отсутствие решили снять Коджемкулова и отправить в распоряжение Обкома. Однако в протокол заседания Бюро этого вопроса не записали, так как Курманалиев заявил, что он уже договорился в Обкоме с т.т. Исакеевым и Алиевым о снятии Коджемкулова и что запись в протокол Бюро не обязательна. По приезду, я узнал, что т. Курманалиевым посланы по району Зав.Культпропом Райкома Мурзалиев и Секретарь Райкома ВЛКСМ Есеналиев для резвенчивакия авторитета Коджемкулова, Конурова, Баялинова, Гузия, Колесникова и других, помогающих раскрывать все эти безобразия.

Поступили заявления от ряда Секретарей парт-ячеек, что Мурзалиев (член Бюро Райкома) на общих собраниях колхозников и единоличников говорил, что Коджемкулова, Конурова, Баялинова, Гузия, Колесникова и других нужно гнать из района, что они группировщики и скоро при их содействии из района выселят всех киргиз на Украину. Конечно, такое выступление на беспартийном собрании на руку классовому врагу, тем более что указанные коммунисты всегда являлись передовыми в деле искоренения басмачества в 1931 году

и раньше, а также и в деле ликвидации кулачества как класса. И все это проделывается в то время, когда в разгаре подготовки к весеннему севу, когда семенник собран только на 75%, не отремонтированы машины и район не готов к севу. Официально эти члены Бюро Райкома посылаются по подготовке к весенней посевной и попутно с этим должны были вести работу среди населения против агитации бае-манапства за бегство в Китай. Ни того, ни другого эти товарищи не сделали, а делали как раз обратное, благодаря группировкам. За то, что на Коджемкулова и других не было подано ложных материалов секретарями партячеек колхозов им. т. Исабекова и «Коксай» - Мурзалиев снял этих секретарей с работы без ведома Бюро Райкома. Это дело Бюро Райкома отменило. Агитируя против Коджемкулова, Мурзалиев говорил, что Курманалиев выедет в Обком для окончательных переговоров по поводу его и других, а из Фрунзе приедет Текеев (из Наркомзема), который выедет в Донтала и соберет все нужные материалы против Коджемкулова. 9.02. с. г. Курманалиев выехал в Фрунзе, а оттуда приехал Текеев. Текеев заявил, что он послан уполномоченным в наш и. Сталинский район, однако на заседании РИК'а, где стоял вопрос о посевной, он не только ничего не сказал, но даже не задал ни одного вопроса по весеннему сезону.

После заседания утром 12.02 он выехал в Сталинский район, но уже 15-го мне сообщили, что Текеев находился в Донтале (он сам родом из Донталы). Я уже раньше просил Обком, чтобы Текеева не посылали по северным районам. Он куда бы не выехал, обязательно попадает на Той и начинает заниматься вопросами группировок. 3. Взяв в руки район, родовая группа «Арык-тукум» начала заниматься укрывательством бае-манапов и бандитов, розыскиваемых органами ГПУ. В селе Семиз-бель «резиденции» этого рода, до сих пор скрываются «важные люди», которых до сих пор не удается изъять полит, органам. При изъятии бае-манапства в декабре 1931 года, неожиданно для этой группы был пойман старый бандит контрабандист, убийца 4-х пограничников в 1926 году, так как он совершил убийство вместе с другими своими родичами (Молдошевым, Байгазиевым и др.) держащими в настоящее время в своих руках район; его постарались в ту же ночь освободить из под стражи в Семиз-бельском Сельсовете и устроили ему побег. В деле особождения этого бандита приняли участие: Байгазиев - Пред. РИК'А, Молдошев - 8 Пред. Колхоза им. тов. Шахрай, Джолдошев - секретарь парт.ячейки; председатель Семи- бельского Сельсовета, его заместитель и Семизбельского Сельпо (полное описание этого побега есть в сводках Упол. ГПУ). Когда Курманалиеву сообщил о подробностях устроенного побега т. Гузий, то припертый фактами Курманалиев сказал, что нужно поставить отчет Семиз-бельской ячейки на Исполбюро Райкома и, если они не сознаются, то исключить всех из партии, снять с работы и с места в карьер-арестовать. Однако, Курманалиев предупредил Байгазиева (Пред. РИК'А) что Гузий его собирается съесть, а сам при поездке в Обком испросил себе отпуск в Каракол «для лечения уха», 14 февраля он уехал в Каракол, а мне и Гузию поручил заслушать доклад ячейки на Бюро и провести в жизнь вышеуказанное мнение. Уезжая* он также поручил мне командировать в распоряжение Обкома т. Коджемкулова. Ни того, ни другого я делать не намерен. Я думаю заслушать отчет Семисбельской ячейки колхозов имени тов. Шахрай о подготовке к весеннему севу, но разбирать дело о скрытии бандитов воздержусь до приезда Курманалиева.

По поводу Коджемкулова то же самое не буду принимать никаких мер. Сейчас дело в поездке Мурзалиева по Тону передано в Рай. КК и Рай. КК просит задержать Коджемкулова в районе до разбора дела. Будучи на Пленуме РИК'А (с 15 по 17 февраля), Коджемкулова просил, чтобы его не отправляли в Обком и заявил, что он туда не поедет, а если все-таки мы его туда пошлем, то он поедет прямо в ЦК ВКП (б) с жалобой на творящиеся безобразия. Коджемкулов раньше работал проводником в органах ГПУ и сейчас помогает погранзаставам, после этого он работал в качестве Пред. Райживтоварищества, председа-

телем Союза охотников, в последнее время Председателем Донталинского Сельсовета. Нет сомнения, что у него есть замашки кое-кого попугать, но этот парень всегда выполнит любое данное ему задание, не кривя душой, как это водится среди многих коренников. Поэтому его боятся местные работники и стараются изжить. Было бы хорошо, если бы вместо отправки его в распоряжение Обкома, можно было бы оставить его в Рыбачем. Сейчас нужен здесь работник в качестве Уполномоченного Райшнторы КТР. С этой работой Каджемкулов справится, но нужно чтобы его назначение исходило из Обкома, так как здесь на месте этого провести в жизнь не удастся. Несомненно, что Курманалиев пользуется поддержкой работников Обкома и, организовав в мое отсутствие такой крепкий кулак из близких ему людей, будет проводить в жизнь все нужные ему вопросы. Разбить группировку сейчас можно только путем ее обезглавливания, а для этого необходимо убрать Курманалиева в другой район и, по возможности, подальше. По штату в нашем Райкоме есть только Агитмассовый Отдел, а Кулкшропа нет, но Курманалиев выписал своего зятя Садыкова с женой, сделал его Зав. Агитмассовым Отделом, жену его, а свою сестру - Зав. Женсектором, а присланного Вами Мурзалиева - сделал Зав. Культпропом. Садыкова он провел восьмым членов Бюро Райкома (хотя в протоколе Бюро Райкома технический Секретарь не записал этого решения, считая его неверным и смешным, о чем он мне заявил).

Вся это группа в настоящее время не занимается ничем кроме группировок и работать в таких условиях не хватает сил. Со времени своего приезда в район, я ни разу не видел в Райкоме ни Сыдыкова, ни Сакеевой, хотя они не находятся в командировке, а живут в Рыбачьем имея приличную квартиру и получая зарплату. *Я* думаю, что по основным вопросам ты дашь мне ответ в самом непродолжительном времени.

С. Тиллабоев,
(Узбекистан)

СПЕЦИФИКА МЕСТНЫХ ФОРМ УПРАВЛЕНИЯ В КОЛОНИАЛЬНОМ ТУРКЕСТАНЕ

В исследовании вопросов социально-экономического развития общества важное значение имеет понимание функционирующих здесь институтов управления. В частности, немаловажный интерес представляет изучение специфики местного управления в Туркестане в конце XIX - начале XX века, претерпевшей в тот период заметные трансформации в силу завоевания региона Российской империей.

Во второй половине XIX века в результате завоевания Российской империей Средней Азии на её* территории организовывались «специфические» административно-территориальные единицы наряду с существовавшими здесь традиционными порядками управления, были внедрены имперские формы управления.

В целях более четкого административно-хозяйственного подчинения колонии на начальном этапе было принято решение сохранить низовые звенья местной системы управления в регионе, а также существовавшую систему налогообложения[1].

В рамках дальнейшего совершенствования системы управления в регионе был подготовлен целый ряд проектов «Положений» по управлению краем. Однако первоначальные варианты этого документа не были утверждены царским правительством в силу недоста-

[1] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К.К. Паленом. Сельское управление: Русское и туземное. - Спб., 1910. - С. 8.

точного отражения интересов империи и невозможности полной защиты её господства в крае.

12 июня 1886 г. получило утверждение «Положение об управлении Туркестанским краем»[1]. Одной из главнейших его задач было подчинение интересам империи системы землепользования в регионе.

В последующие годы Туркестанский край управлялся на основе этого «Положения» с введенными изменениями и дополнениями, в которых преследовалась цель «довести до минимума государственные затраченные средства в управление» в каждом административно-территориальном отделении[2].

До завоевания Российской империей в Средней Азии функционировали собственные институты местных форм управления, выработанные в соответствии с особенностями менталитета, образа жизни, традиций и прочих факторов. Принцип объединения оседлых жителей в аксакальства определялся территориальной общностью, объединение кочевого населения осуществлялось исходя из родственных отношений. Оседлое население региона управлялось аксакалами, а кочевое - главами родов.

Управленческие и полицейские функции, а также сбор налогов с населения находились в их руках. Кроме того, функциями регулирования внутриобщинных отношений занимались *раисы*.

Система традиционного местного управления тесно связанная с политической, социально-экономической и культурной сферами жизни общества была подвергнута изменениям., прежде всего, в целях упрочения колониального господства в данном регионе, контроля над сбором налогов и податей, разрушения родственных отношений в кочевой среде, уменьшения влияния светских и духовных авторитетов среди оседлого населения и родоплеменной знати в среде кочевников.

Согласно проекту «Положения» 1867 г., оседлое население на основе одноэтапной структуры объединялось в аксакальства, а кочевое население на основе двухэтапной структуры - в волости и аулы.

Представители коренного населения достаточно широко были представлены в низовых структурах системы управления в качестве управителей волостей, старшин аулов, народных судей и их помощников, арык-аксакалов, мирабов, элликбаши, унбаши и проч.

Для представителей коренного населения, несших службу в системе административного управления, были установлены ежегодные жалованья и право получения различных поощрений[3]. Ежегодное жалованье управляющего волостью составляло 500 рублей, его помощника - 200 рублей, аксакалов, старшин аулов и их помощников - от 40 до 200 рублей[4].

При участии коренного оседлого населения функционировали такие общественные органы, как волостные, сельские чрезвычайные собрания и съезды.

В дальнейшем по «Положению» 1886 г., взамен одноэтапной избирательной системы для оседлого населения вводилась двухэтапная. Право участия в сельских и аульных собраниях получили все владельцы кибиток и дворов данной общины[5].

Голосование проходило на основе сбрасывания в ящики шаров за кандидатов. Составлялись сведения о кандидатах, где содержалась краткая информация о возрасте, образовании, имуществе, семье кандидата. Итоги выборов утверждались уполномоченным правительства, после чего передавались начальнику уезда. Начальник уезда подавал; сведения

[1] Положение об управлении Туркестанского края. - Спб., 1886. - С. 1.

[2] Кипякина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (Во второй половине XVIII - 80-годы ИХ в.). - М.: Наука, 1984. - С. 289

[3] Временное положение об управление Туркестанской области. 11 июля 1865. - Спб., 1867. - С. 293.

[4] ЦГА РУз, ф. И-276, оп. 2, д. 5, л. 4.

[5] Отчет... К.К. Палена. Уездное управление ... - С. 7.

военному губернатору области. Губернатор области издавал приказ об утверждении избранного кандидата[1].

Несмотря на то, что внешне система выборов в низовые структуры административной системы была основана на свободном волеизъявлении граждан, ка практике все вопросы, связанные с выборами, утверждением и деятельностью должностных лиц нижнего звена, находились под жестким контролем представителей колониальной администрации, в частности уполномоченных колониального правительства[2]. Последние, по своему усмотрению, имели право назначать на местные управленческие должности любого человека без проведения выборов[3].

С укреплением позиций колониализма в регионе в начале 90-х годов XIX в. начался второй этап реформ, направленный на дальнейшее утверждение системы колониального управления. К этому моменту в значительной степени были изучены особенности менталитета и образа жизни местного населения. На основе этого была предпринята попытка еще большего подчинения деятельности нижнего звена управления интересам империи.

Крупные народные выступления, в частности восстание 1898 г., вынуди-ли колониальные власти активизировать деятельность по приближению местных управленческих порядков к общеимперским. Был создан отдельный орган по контролю за населением; назначены волостные и уездные начальники, а также народные судьи, без выборов утвержденные военным губернатором.

На начальном этапе колониальная администрация была вынуждена проводить «реформы» с учетом традиционных интересов местного населения. В результате в компетенции местного управления были сохранены такие функции, как сбор налогов, распределение и передача собранных налогов в государственную казну, вопросы земле- и водопользования. Кроме того, вопросы, связанные со строительством и ремонтом дорог, мостов, оросительных сооружений, также находились в ведении местных органов управления[4].

Местное управление в некоторой степени было превращено в исполнительный орган, на который возлагалось решение социально-экономических вопросов, не противоречащих интересам империи. Деятельность низового управления полностью находилась под контролем краевой администрации.

Социальные и экономические проблемы на местах разрешались, главным образом, за счет осуществления общественных мероприятий (сбор средств, хашары и проч.), а также благодаря усилиям частных лиц, обладавших более широкими материальными и функциональными возможностями. Это способствовало росте их авторитета, что вызывало опасения у имперских чиновников. Краевая администрация прилагала усилия для обеспечения подконтрольности этих лиц, внесения соответствующих изменений в систему местного управления.

Несовершенство новой системы управления приводило к многочисленным злоупотреблениям на всех её уровнях. В частности, серьезные нарушения, имели место при сборе налогов. Непрерывный рост налогов и злоупотребления представителей низовых звеньев управления порождали недовольство местного населения. Царские чиновники, проводившие ревизию, вынуждены были констатировать, что причинами этого были усиление своеволия должностных лиц, злоупотребления должностными полномочиями, широко распространенное взяточничество среди представителей всех звеньев управления[5].

Колониальная администрация Туркестана, учитывая опыт имперской политики в дру-

[1] ЦГА РУз, ф. И-19, оп. 1, д. 9820, л. 180.
[2] ЦГА РУз, ф. И-19, оп. 1, д. 4, л. 6.
[3] ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 23, д. 14, л. 21.
[4] См.: Инструкция о правах, обязанностях и круге действий сельских должностных лиц. - Ташкент, 1908.
[5] ЦГА РУз, ф. И-19, оп. 1, д. 7, л. 12.

тих регионов с мусульманским населением (например Кавказ, Сибирь и др.) поначалу охраняла суды казиев и суды биев с ограниченными полномочиями и постепенно приводила их в соответствие с общеимперской судебной системой.

Согласно проекту «Положения» 1867 г., в крае действовали три института судебной власти - военный суд, русский суд, осуществлявший деятельность по общеимперским законам, и народный суд.

«Положение» 1886 г. еще больше ограничило полномочия шариатских судов. За ними было оставлено право заверения документов, фиксирующих сделки между представителями коренного населения, отправка лиц, отбывших срок заключения к постоянному месту жительства. Казийский съезд лишался права пересмотра приговоров, принятых казийскими судами. Изменилась и процедура назначения на должность казиев: «народных судей теперь избирало не население, а элликбаши - низшие официальные чиновники. Казийские и бийские суды в основном стали решать хозяйственно-бытовые вопросы»[1].

Несмотря на жесткий административный контроль колониальных властей, деятельность отдельных представителей местных органов управления Туркестана осуществлялась, исходя из интересов коренного населения. Это отражалось в их деятельности по защите прав коренного населения края, в решениях на местах вопросов социальной жизни, а также в выступлениях против произвола чиновников местного и краевого уровней.

Система традиционного управления в Туркестане сохранила в основных чертах свои функции на протяжении всего колониального периода, более или менее успешно решала внутренние проблемы, оставаясь важным институтом регулирования социальной жизни местного общества.

Б. Ларине,
; *(США)*

КЫРГЫЗСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА И ЕЕ РОЛЬ В-СОЗДАНИИ КЫРГЫЗСКОЙ АВТОНОМИИ

Этот доклад[2] рассмотрит начальные попытки некоторых кыргызских коммунистов создать отдельную кыргызскую автономную область в начале 1920-х. годов. Как широко известно, первая кыргызская национально-территориальная единица была создана в \ 924-ом году. Но гораздо менее ясно, когда именно начало проявляться кыргызское национальное самосознание среди национального коммунистического руководства, и каким образом это самосознание повлияло на создание национальной автономии. После короткого введения в разные теории возникновения кыргызского национального самосознания, выдвигается аргумент, что два основных руководствующих фактора - внешний и внутренний - мотивировали эти попытки[3]. Внешним фактором являлось создание Киргизской (казахской) АССР[4]

[1] ЦГА РУз, ф. 5-25, оп. 1, д. 6, л. 24. :

[2] Более подробное изложение событий, описанных в этом докладе, можно найти в диссертации автора (Benjamin H. Loring, "Building Socialism in Kyrgyzstan: State-Building, Rural Development, and Social Change, 1921-1932", PhD. diss., Brandeis University, 2008).

[3] Материалы, на почве которых написан доклад, были собраны в следующих архивах: Российский государственный архив Социально-политической Истории (РГАСПЙ) и Центральный государственный архив по политической документации Кыргызской Республики (ЦГА ПД КР). Также были использованы материалы из следующих монографий: Джунушалиев Дж. Время созидания и трагедии: 20-30-е годы. - Бишкек, 2003; Курганов З.К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. - Бишкек, 1997.

[4] Как известно, в документах произведенных до 1925-ого года, слово «киргиз» в общем употреблении обозначало этнические группы, ныне известные отдельно как «казахи» и «кыргызы». Когда эти две группы разли-

в 1920-ом году и последующий рост национального самосознания среди казахов в Туркестанской Республике. Внутренним фактором являлись распри (или так называемая «группировщина») среди самого кыргызского коммунистического руководства, мотивировавшие одну из фракций агитировать за создание собственной национально-территориальной автономии.

В западной историографии Центральной Азии в ранний советский период нет общего мнения о том, как возникло отдельное кыргызское национальное самосознание. Многие западные исследователи последовали стандартной советской интерпретации, что отдельная, непосредственно кыргызская, этническая группа существовала на протяжение нескольких веков'. Другие, например Александр Беннигсен, утверждают, что кыргызы «использовали казахский литературный язык за неимением собственных исторических и культурных традиций» до начала национального размежевания 1924-го года[2]. Даже Арне Хауген, правильно распознающий роль, которую кыргызские коммунистические руководители сыграли в создании Каракыргызской автономной области в 1924-ом году, также утверждает, что «те, кто в 1924-ом году страстно требовал признание от имени всей кыргызской нации, лишь год тому назад считали себя частью казахской общины» и что «не существовало отдельного кыргызского нацинального самосознания в период до размежевания.. .»[3].

Действительно, среди среднеазиатских политических и литературных кругов, малое в плане письменных произведений свидетельствовало о существовании кыргызского национального самосознания до революции. Западные специалисты размышляют: как, в таком случае, объяснить возникновение кыргызской автономной области, если не попыткой создать «искусственную», ранее не существовавшую, национальность?

Недавно, американский исследователь Дэниел Прайор предложил другой подход. Он предполагает, что некое пред-национальное самосознание появилось среди акынов (традиционных поэтов) в начале 20-ого века в предверье революции.

Как говорит Прайор, анти-казахский шовинизм, очевидный в стихотворениях, посвященных племенным вождям (манатам), содержит признаки формирующегося кыргызского национального самосознания, более распространенного среди манапов и их свит, чем ранее предполагалось[4]. Естетственно, поскольку это искусство принимало не письменную, а устную, форму, мало что осталось на почве чего западные и даже среднеазиатские исследователи могли бы в дальнейшем изучать развивающееся кыргызское национальное самосознание в «литературной среде манапов». Таким образом, теория Прайора неполностью обоснована. Однако, следует заметить, что основные сторонники кыргызской национальной автономии происходили из семей манапов или их свит. Если бы прото-национальные идеи существовали в этой среде, будущее руководство было бы приемлемо их влиянию.

Несмотря на предполагаемое национальное самосознание среди кыргызской элиты,

чались в русскоязычных документах, казахи были известны как «киргаз-кайсаки», а кыргызы как «кара-киргизы». В этом докладе, Киргизская АССР (предшествующая Казахской АССР) определяется как «Киргизская (казахская) АССР», чтобы не спутать ее с существующей с 1927 по 1936 гг. Киргизской АССР, предшествующей Киргизской ССР и ныне независимой Киргизской Республики.

[1] См.: Park A.G. Bolshevism in Turkestan, 1917-1927. - New York, 1957. - P. 200; Simon G. Nationalism and Policy Toward the Nationalities of the Soviet Union: from totalitarian dictatorship to post-Stalinist society. - Boulder (Colorado), 1991. - P. 2; Lee Brigance Pappas, "Kyrgyz," An Ethnohistoricai Dictionary of the Russian and Soviet Empires, ред. James S. Olson. - Westport (Connecticut), 1994.

[2] Bennigsen A. and Ch. Lemercier-Quelquejay. The Evolution of the Muslim Nationalities of the USSR and Their Linguistic Problems. - Oxford (UK), 1961. - P. 28; См. также Wheeler G. The Modern History of Soviet Central Asia.-Westport (Connecticut), 1975.-P. 125.

[3] Haugen A. The Establishment of National Republics in Soviet Centra! Asia. - Basingstoke (UK), 2003. - P. 169.

[4] Daniel Prior. "Heroes, Chieftains, and the Roots of Kirghiz Nationalism" Studies in Ethnicity and Nationalism. T. 6.№.2(2006).-P. 83-84.

оно не появлялось в политическом дискурсе кыргызского коммунистического руководства вплоть до конца 1921-го или начала 1922-го года. Что вызвало проявление кыргызского национального самосознания в советском контексте - это казахское национальное сознание.

Так называемая Киргизская (казахская) АССР, административно расположенная в г. Оренбурге, была создана в 1920-ом году. Ее границы приблизительно совпадали с.границами Степной губерной времен царской власти. С момента ее основоположения, Киргизская (казахская) республика вела переговоры с Туркестанской республикой о включении туркестанских земель, населенных казахами, в состав казахской автономии. В 1921-ом году, Киргизская (казахская) автономия ходатайствовала о включении двух туркестанских областей - Сыр-Дарьи и Семиречия - в свой состав. Эти две области были в основном заселены казахами, но в юго-восточном районе Сыр-Дарьи (в горном районе Аулиэ-Атынского уезда) ив южных уездах Семиречия (в Пишпекском и Пржевальском уездах) преобладали кыргызы.

Ходатайства Киргизской (казахской) АССР привели непосредственно к агитации среди многих казахских коммунистических деятелей внутри Туркестанской АССР за внедрение этих областей в состав Киргизской (казахской) АССР. В марте 1922-го г., ПИ. Бройдо (тогда зам. Наркомнац и бывший житель Семиречья) одобрил план, который повел бы к включению кыргызов из теперешнего северного Кыргызстана в казахскую автономию и, по всей видимости, к их ассимиляции.

Второй существенный элемент кампании за кыргызскую национальную автономию в советском строе - это распри среди кыргызского коммунистического руководства. В конце марта 1922-го года, кыргызские партийные деятели разделились во мнении на предмет национальной территориальной автономии. Некоторые кыргызские деятели-сторонники объединения казахов и кыргызов (назовем их иро-казахской фракцией) поддерживали казахский план и собственное внедрение в казахскую автономную республику; эту;фракцию возглавлял Рахманкуль Худайкулов. Другие - сторонники кыргызской автономии вне Казахстана (назовем их автономистами) - отвергали предложение включить заселенные кыргызами области в состав «Киргизской» (казахской) АССР; предводителем автономистов был Абдыкерим Сыдыков.

Эти две фракции образовались во времена революции и Гражданской Войны, то есть до возникновения разногласий вокруг кыргызской национальной автономии. Фракция автономистов состояла в основном из лиц, тесно связанных с традиционной родовой знатью; многие из них получили образование в русско-туземных школах. Некоторые работали в царской администрации. Более того, многие участвовали в Алаш-Орде и других среднеазиатских, некоммунистических партиях. Многие также были бывшими эсеровцами или меньшевиками. И наконец, многие ассоциировались с так-называем'ыми лишенцами или другим образом давали большевикам повод усомниться в их классовой приверженности.

Тем временем, члены про-казахской фракции мало чем были связаны с некоммунистическими партиями до Гражданской Войны. Они часто являлись бывшими членами союза «Букара», общественной организации бедных дехкан. Члены этой фракции только изредка происходили из манапских сред или работали на царскую администрацию. Следовательно, большевики были менее склонны их подозревать в контрреволюционных симпатиях.

Вскоре после предложения Киргизской (казахской) автономной республики включить в свой состав Сыр-Дарью и Семиречие, фракция автономистов выступила со встречным предложением. Автономисты предложили создать так-называемую «горную область», состоящую из заселенных кыргызами земель. Эта область осталась бы в составе Туркестанской АССР и не перешла бы к казахам. Границы горной области в основном совпадали бы с северными областями современной Кыргызской республики.

Тут-то советское правительство непроизвольно распалило этот конфликт между фрак-

циями, одновременно одобрив оба плана, Наркомнац в Москве одобрил план включить заселенные кыргызами земли в расширенную «Киргизскую» (казахскую) АССР. Тем временем, Туркестанский ЦИК в Ташкенте одобрил план предъявить кыргызам их собственную «горную область», отдельную от казахов.

На протяжение следующих двух месяцев, обе фракции работали внутри государственной и партийной бюрократии над продвижением собственного плана и препятствованием плану противников. Автономисты организовали выборы делегатов учредительного съезда, чтобы создать автономную Кыргызскую горную область (КГО). Тем временем, члены про-казахской фракции пытались помешать выборам.

Съезд наконец состоялся в начале июня 1922-го года. Автономисты преобладали на съезде, и когда деятели про-казахской фракции попытались их перебить, они (про-казахи) были изгнаны делегатами. Некоторые деятели про-казахской фракции были высокопоставленные лица в Туркестанском правительстве; когда им не удалось преобладать над автономистами по числу голосов во время съезда, они приказали распустить съезд. Но собранные делегаты отказались разъехаться. Вместо того, они приняли резолюцию об образовании Кыргызской Горной Области, даже несмотря на то, что потеряли признание Ташкента.

Вскоре после того, Москва наконец обратила внимание на съезд и конфликт вокруг него. ЦК судя по всему не знал о съезде до тех пор, пока он не состоялся. Но через несколько дней после съезда, Сталин, в то время Нарком национальностей, послал следующую телеграмму ТуркЦИКу, выражая некое недоумение:

В начале июня в Пишпеке проходил съезд по выделению каракиргиз Горной области за счет территории Семиреченсюой области. Полученная телеграмма ссылается на санкцию якобы ЦК РКП(б) и ВЦИК. Просим сообщить, кем съезд разрешен, кто организаторы, характеристику съезда[1].

Как показывает недоумение будущего генсека, Москва была совершенно не готова к са-. мостоятельному определению национального самосознания в Средней Азии,: несмотря на резолюции X-го Съезда.

Через некоторое время, Среднеазиатское Бюро партии завело расследование. В следствие этого, члены обеих фракций - автономистов и про-казахов - получили выговоры, понижение в должности и переводы, а некоторые даже были исключены из партии. Москва прервала оба плана - и по включению заселенных кыргызами земель в казахскую автономию и по выдаче кыргызам их собственной автономии. Руководство в Москве долго обдумывало, что делать по поводу движения автономистов и созданного ими конфликта. В конце концов, правительство решило оставить все, как есть: Сыр-Дарью и Семиречье при Туркестанской Республике и без какой-либо национально-территориальной автономии для кыргызов.

В скобках хочу добавить, что план кыргызских коммунистов по созданию отдельной собственной автономии вероятно подтолкнул национальное размежевание Среднеазиатских республик два года спустя поскольку руководство в Москве осознало до какой степени коммунистический актив отозвался на национальные движения.

Изначальные попытки создать собственную автономную горную область в J 922-ом году не увенчались успехом для кыргызских автономистов. Тем не менее, благодаря их агитации и в особенности их успеху при проведении съезда, им удалось внедрить в политический дискурс идею о национальной автономии в Средней Азии. Поскольку, так сказать, кот уже выскочил из мешка, лезть обратно он никак не хотел, и разговоры о выделении отдельной автономии для кыргызов продолжали жужжать в коридорах партийного аппарата долго после роспуска съезда.

[1] Цит. по: Курманов З. К. Политическая борьба. - С. 138. См. также: Семенов И. На пути к суверенитету. Съезд. // Слово Кыргызстана: В конце недели. 1992,14 марта.

Предводитель про-казахекой фракции, Рахманкуль Худайкулов, больше не возражал по поводу кыргызской национальной автономии, о чем свидетельствует его письмо в ЦК в декабре 1922-го года. Он писал, что кыргызская автономия была всего лишь преждевременным замыслом и что «инициаторы и сторонники выделения среди самих кара-киргиз являются почти все верхами - сыновьями баев, манапов и переводческо-чиковниьим элементом». Тем самым, со временем и под руководством партии, будут изжиты «патриархально-родовые отношения среди кара-киргиз» и станет возможным образование кыргызской автономии под руководством выдвинутых «работников из низовых пролетарских и полупролетарских элементов» (то есть, сторонников Худайкулова). Письмо демонстрирует, что про-казахская фракция больше не пыталась предотвратить появление кыргызской автономии; ее приверженцы хотели лишь отсрочить его до выгодного им времени.

Когда большевики в Москве наконец предложили национальное размежевание среднеазиатских республик в начале 1924-го года, кыргызское руководство уже свыклось с этой идеей и громко агитировало за создание собственной автономии. Хотя кыргызам пришлось принять меньше земли, чем они хотели поначалу, они сыграли активную роль в создании и установлении отдельной национальной территории и, вкупе с тем, в определении кыргызского национального самосознания.

Я хотел бы заметить, что в отличии от наблюдений русских коммунистических работников того времени (а также существенного количества современных исторических исследований), не родово-племенные отношения подтолкнули кыргызских коммунистических деятелей к принятию одной из сторон в споре по поддержанию кыргызской автономии или же внедрения в Киргизскую (казахскую) АССР. Социальное происхождение, дореволюционная политическая деятельность, а также личная приверженность были в большей мере руководящими факторами, чем какая-либо родово-племенная принадлежность в определении той стороны, которую кыргызский коммунистический деятель предпочел бы поддержать.

При обсуждении национального строительства, невероятно важно, чтобы историки признавали существенную роль политических междуособиц и группировщины среди среднеазиатского коммунистического актива. Ученые должны принять во внимание и. внешний элемент - в данном случае, рост казахского национального самосознания и внутренний элемент - в данном случае, борьбу между двумя враждующими фракциями - чтобы понять, как возникло современное национальное самосознание на Советском Востоке в 1920-ые годы.

N. Nprjigitova,
(Uzbekistan)

STRUCTURAL COMPOSITION OF NATIONAL POLITICAL ELITE IN UZBEKISTAN (1920s)

After the October Revolution in Uzbekistan a specific political elite was formed asa result of changes in the political sphere and governmental system.

One of the features of the colonial policy of the Bolsheviks in Turkiston was that they did not believe to the representatives of the local population. Therefore, there were only representatives of European nations in the staff of the Soviet of Peoples' Commissars formed in November 3917 in Turkiston, there were not any representatives of the local ethnic nationality. This situation continued until the Military Commander K.Gsipov's mutiny taken place on 19 January 1919.

Only from February 1919, representatives of local ethnic nationality were involved to work in state governing. T.Risqulov, N.Turaqulov and others began working as top-ranking officials.

Nevertheless, in state administration organs, especialiy in the Central government representatives of local ethnic nationality were in insufficient quantity. As a result, a large part of Turkiston political elite was represented by the Europeans anyway. In addition, the activities of the Turkiston state leadership were under control by organizations having a special authority and forwarded from the Centre such as the Turkiston Commission and the Turkiston Bureau, the first one was founded in 3919 and the latter - in July 1920. For this reason in Turkistan as well as in other national republics, the local leaders were dissatisfied with nationality insufficiency and disproportion and this discontent in their midst was gradually intensified at ail levels of government. Therefore, in March 1921, the Xth Congress of Russian Communist Party of the Bolseviks, RCP (b), gave a leading directive "to broaden indigenous representation in governmental and administrative bodies'". Consequently, in 1923 on the basis of Decree №130 of Turkiston Central Executive Committee nativization of the State apparatus began. On 15 August 1923 the Permanent Commission on indigenization was organized under the People's Commissariat of the Turkiston Republic[2]. It was renamed into the Standing Commission of Uzbekization in 1925. This measure implied a merely renaming but could not solve the problem of nativization of the state administrative machinery. Thus, the Chairman of the Central Asian Bureau I.A.Zelenskiy speaking at the IVth Congress of the Uzbek Communist Party (b) emphasized that Uzbekization of Central and local state apparatuses was conducted very badly and stated that "We speak much, we write much about that, but accomplish do very little"[3].

The Commission of Uzbekization of state governmental apparatus was renewed and in 1927 the Workers'-dekbkans' (peasants') Inspectorate under the People's Comissariat was reorganized into the Central Commission on Uzbekization headed by Safoev. According to the information of the Commission on 14 May 1928 by 1 August 1925 in Uzbekistan the total number of the members of state apparatus was 1523. Of them only 201 or 16.5 % were Uzbeks. Of 201 officials members 34 % made senior officials, 18% - technicians, 6 % - specialists[4]. Of the total number of 173 members of the Party and Soviet leadership, 38 persons of them, or 22 %, were Uzbeks[5]. At that period the condition of Uzbekization in the of Central and Economic apparatus was 27.8 %.

In the 1930s, a large portion part of the Uzbek political elite consisted of representatives of European nations as well. Because in 1931, there were 139 in the republic, *66* of them, or 47.5 %, were representatives of the local ethnic nationality. In 1932, of 170 top-ranking officials 84 persons, or 49.4 %, were representatives oflocal ethnic nationality. In 1933, there were 286 top-ranking officials, and 120 of them, or 77 %, were representatives oflocal ethnic nationality[6]. In the 1920-1930s, one of the features of policy of the Soviet State on indigenization of state governing apparatus was that typically, the top-rank officials were the representatives of local ethnic nationality, but the deputies to the chief executives, specialists and other officials were mainly the representatives of the European nations. For instance, in 1933 of the representatives of local ethnic nationality top-rank officials made 77 %, their deputies and head of departments made 22.75 %, specialists 7.7 %, and executives 26 %, respectively[7].

Secondly, the top-rank officials and personnel of law enforcement bodies were almost representatives of European nations. For instance, in the 1920-1930s agencies of state security were always headed by representatives of European nations. In these years, representatives of

[1] Uzbeidsionnmg Yangi tarikhi. K.2. O'zbekiston sovet mustamlakachiiigi davrida. - T.: Shark, 2000. - B. 167
[2] SGA RUz, f. 58, op. *4, d.* 592,1.68.
[3] Ibid.
[4] SGA RUz, f. 58, op. 4, d. 592,1.70 (overleaf).
[5] Ibid, 1. 73 (overleaf).
[6] Ibid, f. 58, op. 8, d. 613,1.25
[7] IbidJI.25-59

local ethnic nationality did not work even in lower position at these agencies, which became state support. Therefore, Safoev, the Chairman of Central Commission on Uzbekization on 15 May 1928 dispatched a letter to the Secretary of the Central Committee of the UzCP(B) Ikromov. He wrote that nobody in GPU (The State Political Departmant) knew a local language and asked to employ people who knew the local language, in the last resort to have a superintendent knowing the local language'. In the 1920s, one of the main obstacles to indigenize state apparatus in the republic and to form the Uzbek political elite was a great power chauvinism. As the secretary of the Central Committee of the UzCP(B) V.V.Ivanov said in his speech in 1926: "The Uzbeks cannot be the Bolsheviks and Uzbek Party is not in the condition of forming"[2]. There was such an opinion among the top-rank officials of European nationalities. In most cases, if a prospective official intended to be employed did not know Russian he was not hired[3].

From 1923 till 1933, a number of Decrees (№№> 130,124, 48, 10, 6, 396, 5.356 and others) as well as Resolutions on indigenization of organs of power and state governing apparatus were adopted in Uzbekistan[4]. Nevetheless almost all of them remained 'on paper'. Because there were not exact regulations on indigenization, but only "slogans"[5].

From the end of the 1920s, the agencies of Soviet State Security began the attacking the Uzbek political elite brought up in the spirit of Jadidism. A number of cases were framed up against "Qosimovchilik", Organization of "Milliy Istiqlol (National Independence)" headed by Munavvarqori, "Badriddinovchilik", professionals in the sphere of education headed by Botu and Ramziy. That resulted in hundreds of representatives of Uzbek political elite were persecuted and sustained punishment. Their positions began to be occupied by the representatives of the Uzbek political elite formed on the basis of the nomenclature. After "the great terror" in 1937-1938 all the key administrative positions were in their hands. Political elite formed at the end of the 1920s was almost lacking its own outlook and point of view. In their majority they were ready to unquestioning accomplishment of the Resolutions and Decisions of the Party. Their displaying initiative or dialectical thinking was also based only on the Party directives. The main purpose of the Soviet State and the Communist Party was not to give the governmental power to independently thinking local ethnic nationality and not to reorganize the Republic into independent state having equal rights as it was written in the official documents. Because in the Soviet times Uzbekistan was considered to remain the region to deliver raw materials to the Soviet Union. In the result of the cadres policy of the Communist Party and the Soviet State in the 1920s-1930s, specific Uzbek political elite was formed. This helped to accomplish the intended purpose of the Communist Part}' and the Soviet State.

[1] SGA RUz, f. 58, op. 4, d. 596,1.13
[2] Ibid. f. 58, op. 2, d. 22,1.15
[3] Ibid. 1.16
* Ibid. f. 58, op. 4, d. 592,1. 38
[5] Ibid. 1.72

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

У.А. Абдурасулов,
(Узбекистан)

ВАКФЫ ТАШКЕНТА И ИХ СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО (НА ОСНОВЕ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX ВВ.)

• Вакф - один из важнейших институтов, имевших важное значение в общественно-экономической и духовной жизни средневекового мусульманского общества Средней Азии. Юридико-нравовые аспекты данного института сложились в эпоху формирования основных мусульманских школ, а практическая адаптация к местным социально-экономическим особенностям среднеазиатского региона продолжалась на протяжении всего периода его дальнейшего существования.

Несмотря на внешнюю консервативность юридичесго-правовой природы вакфа, отдельные его компоненты не имели константного характера. Примечательной в этом отношении, в частности, являлась заключительная формула, встречающаяся в большинстве среднеазиатских вакфых грамот позднесредневешвого периода, изучению которой была посвящена статья японского исследователя К. Исогая[1].

По мнению данного исследователя в мусульманской юриспруденции, в частности между основными теоретиками ханафитского масхаба, не было единого мнения относительно обязательности или невозвращаемости вакфного имущества. Абу-Ханифа, в противоположность двум своим ученикам Абу Йусуфу и Мухаммаду аш-Шайбани, отрицал обязательную силу вакфа. Поэтому решение об окончательности передачи имущества в вакф, формально находилось в ведении каждого отдельного казн. Таким образом, лю-. бое лицо, учредившее вакф формально имело право претендовать (сразу или по прошествии времени) на пожертвованное имущество. Во избежание этого, в среднеазиатских ханствах, при составлении вакфного документа, учредитель вакфа выдвигал фиктивные претензии на пожертвованное вакфное имущество. На основании этой претензии, казн, оформлявший сделку, рассматривал этот формальный иск и принимал решение *(хукм)* о законности и обязательности *(лузум)* данного вакфа. «Вакиф *(учредитель вакфа - У.А.),* намеривающийся основать вакф в соответствии с учениями ханафитской школы, должен был пройти через формальный или фиктивный процесс вынесения приговора со стороны казн о придании вакфу обязательной силы, дабы гарантировать его перманентное продолжение...», - отмечает К. Исогай[2]. Своим решением обычно кази утверждал, что «настоящий вакф является чистым законным, нерушимым и окончательным, без права купли и продажи, наследования, дарения...».

В изучении среднеазиатских вакфов исследователь САбашин отметил два основных направления, традиционно сложившихся в российской науке: первое - «востоковедческое» - исследует собственно вакфы, их место в мусульманском обществе, различные правовые нюансы их функционирования, второе - «историческое» - анализирует политику русской

[1] Isogay K. A. commentary on the closing formula found in the Central Asian Waqf documents // Social history of Iran and Turan in the fifteenth - nineteenth centuries. - London - New-York, 2003. - P. 1-10.
[2] Ibid.-P. 4.

власти в отношении вакуфов во второй половине XIX - начале XX вв. При этом представители первого направления предпочитают общаться с самими вакфными документами, а последние - с материалами российской администрации, обследовавшей вакфы[5], В целом, аналогичную тенденцию можно отметить и в отношении истории изучения вакфов в отечественной историографии.

Заметные изменения в характере вакфа, его организации и управления наметились после завоевания региона Российской империей. Отраженные в Проектах положения об управлении Туркестанским краем различные организационно-правовые аспекты управления и организаций вакфов с одной стороны способствовали упорядочению, а с другой стали основой для новых прецедентов и конфликтов, для разрешения которых не всегда находилась достаточная нормативно-правововая база.

В рамках настоящего доклада мы рассмотрим ряд примеров, когда несовершенство законодательных актов, разработанных российской колониальной администрацией и попытка одновременного применения юридических традиций мусульманского и общеимперского законодательств в управлении вакфным имуществом, с одной стороны являлись причиной различных юридических прецедентов и социальных конфликтов, вызывавших различные дискуссии на всех уровнях, а с другой создавали возможности для формирования новых форм социального пространства, организуемых непосредственно вовлеченными в это индивидами (мутавалли, арендаторы, получатели доходов вакфного имущества и проч.).

В качестве источниковой базы выбран ряд документов фонда И-36 «Канцелярия Начальника города Ташкента» Центрального Государственного архива РУз. Интерес к материалам г. Ташкента объясняется тем, что данный город будучи во второй половине XIX - начале XX вв. центром российской колониальной власти в регионе, одним из первых оказывался под влиянием новых форм управления, заметно влиявших на различные стороны жизни местного общества, в том числе на функционирование одного из наиболее традиционных институтов - вакфов.

В одном из дел данного фонда представлен комплект документов, прошений и переписки, датированный 1881-1882 гг., касающийся спора между мутаваллием и потомками вакфозавещателя относительно права собственности на 2 дома, переданных Ходжа Али Ходжа Магомедовым в вакф мазара Шейхантаур из числа своих 4-х домов, находящихся в разных частях города[2]. Спорным вопросом для представителей городской и областной администрации явился тот факт, что вакфный документ на указанную собственность был составлен после смерти вакфозавещателя со слов 11 свидетелей, при этом «жены покойного в лице доверенного их персиянина Саламат Абдулмина опровергают правильность совершенного вакуфного документа»[3], в связи с чем колониальная администрация пыталась разрешить «насколько могут считаться правильными и законными подобные вакфные документы, совершенные казнями по смерти персиян, не подписанные последними и основанными лишь на показаниях лиц».

Дилемму данного дела для городской и областной администрации также составляет тот факт, что вакфозавещатель был персиянином, «а в проекте положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях нет никаких указаний - каким путем может быть отчуждаема в вакуф недвижимость по завещаниям персиян и других инородцев»[4].

[1] Абашин С.Н. ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело дахбитского медресе. 1892 -1900) // Сборник Русского исторического общества. Россия и мусульманский мир. - Москва: Русская панорама, 2003. - С. 163.

[2] ЦГА РУз, ф. И-36, оп. 1, д. 2049, лл. 17-47.

[3] Там же, л. 23 об.

[4] Там же, л. 23об-24.

В результате продолжительной переписки, жалоб и прошений обеих сторон, Общее Присутствие Сырдарьинского Областного Правления «имея в виду, что о делах подобных вышеозначенному в Проекте положения об управлении Сыр-Дарвинской области не имеется никаких указаний», находит «необходимым руководствоваться при расследовании этого дела Общими Законами Империи»[1], согласно которым «ежели со времени спокойного и бесспорного владения вакуфом - означенными домами не прошло земской давности, то при несовершении документов, установленных 967 и следующими статьями X тома 1 части Гражданских Законов … - вакуфнама, составленный Казием Махмут-Ходжой без соблюдения формальностей и условий, требуемыми вышеозначенными статьями X т. Законов Гражданских, как то не при жизни дарителя, а после его смерти без подписи его и т.п. - не может считаться правильным и законным,.... а потому все без исключения дома, оставшиеся по смерти персиянина Магометова, должны быть изъяты из владения вакуфа и переданы прямым наследникам покойного[2].

Примечательно, что постановление Областного Правления по данному делу в дальнейшем рассматривается Полицмейстером туземной части г. Ташкента в качестве прецедента, которым «выяснен порядок отчуждения недвижимостей, принадлежащих инородцам в пользу мазаров и других мусульманских учреждений», в связи с чем последний ходатайствует перед Начальником города «отдать о том в приказ по городу и в особом приказании казням в видах предупреждения совершения вакуфнама, подобных вышеозначенному, совершенному казием Махмут-Ходжой»[3].

Весьма любопытен ряд комплектов документов, касающихся отказа арендаторами ряда вакфов Ташкента, в частности, вакфов Мазара Шейх Зайнутдин-хана, медресе Ходжа Ахрара Вали, медресе Иса Ходжа Ишана др.[4] вносить одновременно государственный налог, оценочный налог в пользу города, а также арендные выплаты непосредственно юридическому собственнику имущества (медресе, мечеть мазар и т.п.). Юридической основой для данных конфликтов послужил тот факт, что колониальной администрацией с самого начала не было осуществлено, несмотря на положения параграфа 295 Проекта положения 1867 г., установление податного статуса вакфных имуществ и их разделение «на обеленные и не обеленные»[5].

Ситуация, когда прежние мусульманские традиции податного управления вакфкыми хозяйствами были уже не легитимны, а. новые не были в достаточной степени проработаны и внедрены, порождала различные конфликты между арендаторами и мутаваллйями вакфов, решаемые при посредничестве городской, областной, а в отдельных случаях и краевой администрации. При этом, отсутствие четкой правовой базы для решения подобных вопросов, вынуждало колониальную администрацию поддерживать «status quo», принуждая арендаторов выплачивать все установленные выплаты, а затем этот случай использовался уже в качестве прецедента при разрешении конфликтов аналогичного характера.

В целом изучение материалов российской колониальной администрации, касающихся организации и управления вакфами, дает богатый материал к изучению социальной структуры вакфов, ее эволюции в условиях господства иной цивилизационной системы, а также, возможно, к понимаю самой природы правового плюрализма в Туркестанском крае в конце XIX - начале XX веков.

[1] ЦГА РУз, ф. И-36, оп. 1, д. 2049, л. 27 - 28.
[2] Там же.
[3] Там же, лл. 33 - 36
[4] Там же, ф. И-36, оп. 1, д. 2798, лл. 1 - 9; 11 - 12об.; д. 3587, л. 1 - 2, 81 -82, 88 - 88об., 907 об. и др.
[5] Там же, д. 2798, л. И об.

М. Инатов,
(Узбекистан)

ХАТЛАРДА УЗБЕКИСТОН ИЖТИМОИЙ ХОЛАТИНИНГ ТАЛЛИНН

Жамият хаётининг барча сохалари хакида омма фикри мавжуд булади, аммо улар ҳ,ар кандай вокеа ёки фактга эмас, балки хацикатан хам жамоатчилик фикрини тугдирувчи вокеликдаги долзарб муаммолар, ходисалар ва фактларга муносабатда ифодаланади.

Давлат ва жамият бошкаруви органларига ҳдмда оммавий ахборот воситаларига йулланган хатлар фукароларнинг у ёки бу масалаларда уз хукми, бахоси, позициясини эркин ифодалашининг шаклларидан биридир. Ижтимоий ҳдётнинг турли масалалари жамият аъзоларининг турли катламларини доимо ташвишга солиб келган. Хатлар ижтимоий хаётшшг турли сохдларида давлат олиб борган тадбирларга нисбатан ахолининг муносабатини равшаы ифода этувчи восита хисобланадн, айни пайтда жамият ижтимоий хрлати тугриеида тасаввур хосил килишимизда мухим ахамиятга эга.

Бундай хатлар XX аср 20-30 йилларидаги Республика ижтимоий-иктисодий, маънавий хаётини урганишда мухим манба хисобланади.

Биз учун кизнкарли булган яна бир масала хат муаллифларининг ижтимоий таркибини урганиш хисобланади ва бу 20-30 йилларда Узбекистон жамиятидаги ижтимоий катламлар холати тугриеида туликрок тасаввурга эга булиш имконини беради. Муаллифлар таркибини урганиш шуни курсатадики, уларнинг асосий кисми мехнаткаш дехконлар - иктисодий мустакиллиги бутунлай ер мул к эгалиги билан боглщ булган майда товар ишлаб чикарувчилардан иборат булган. Бирок совет хокимияти олиб борган иктисодий сиёсат шароитида яшаш ва мехнат фаолияти учун ягона булган бу манба, яъни ерга эгалик доимо хавф остида эди. Бу хавфнинг юзага келишини ер-сув ислохоти бошлаб берди.

Агар хатлар матнларига эътибор каратадиган булсак, вазият яна хам ойдинлашади. Расмий ташкилотлар ер-сув ислохоти "мехнаткаш" дехкрн манфаатини кузлаб, йирик ва "текинхур" ер эгалигига карши йуналтирганини таъкидлайдилар. Аммо дехкрштрнйнг бу ма.салага оид хатлари бутунлай бошкача манзарани беради. Улар купинча расмий белгиланган "мехнат" меъёрларидан кам булган ер участкалари хам тула мусодара килинганлигани курсатади. Кридага кура бу меъёр 7-10 таноб эди[1]. "Ерга ишлов бериш вакти келди, - деб ёзади Наманган уездвдан дехдон, - аммо менда ер йук, атиги 8 таноб ерим бор эди, уни хам ер ислокати буйича комиссия тортиб олди, нима килишим керак, билмайман. Мен дехдонман ва карамогимдаги оилада і 1 жон бор, мурожаат килмаган жойим колмади..."[2].

Коллективлаштириш бошланган даврдаги Марказий Хисобот Бошкармасининг Узбекистон кишлокларидаги 1929 йилда синфий кучларнинг жойлашуви хакидаги маълумот•лари янада хайратланарлидир. (Жадвалга каранг)[3].

[1] УзР МДА, 86 ф., 1 оп., 3664 иш, 11-12, 202-варакдар; 3993 иш, 4,16,29,33,37,**45-вараклар.**
[2] УзР МДА, 86 **ф., 1 оп..** 3993 иш, 207 в.
'Ушажойда. 145 в.

1929 йнлда *кшшлокдагш* синфий **кучларнинг** жойлашуви тугрисида маълумот

Гурухлар	Хужаликлар сони	% хдеобида
Пролетарлар	116.000	13,4
Яримпролетарлар	337.300	39,0
Майда товар и.ч.	210.500	24,0
Урта товар и.ч.	124.400	14,1
Юкори товар и.ч.	47.900	5,5
Майда капиталистлар	28.400	5,0

Хусусий мулкни нокоиуний мусодара килинишга каршй урганнлаётган даврда уй ва бошка шахар кучмас мулк'эгаларининг хатлари хам шикоятлар билан туда. 1918 йилда "инкилобий хукук" деб юритилган умумий муниципалюация тартибига[1] кура хусусий мулкга тегишли барча уйлар бепул давлат тасарруфига утказилиши ва уларни бошкариш махдллий хукумат органлари (совет депутатлари шахар ижроия комитетининг коммунал хужаликлар булими) ихтиёрига берилиши назарда тутилди. Бирок, вайронагарчилик, коммунал хужаликларда барча уй-жой фовдини саклаш учун маблаг йуклиги ва Туркистон республикаси **ХКС** ва МИКнинг 1921 йил 23 октябр, 1922 йил *U* март, 1923 йил 23 июндаги[2] катор карорларига мувофик йирик уй мулклари, капиталистик тиццаги'шахар хужаликлари муассасалари, томошагохлар, хусусий мактаблар ва шифохоналар муниципализацияга тегишли, колган барча уйлар эгаларига кдйтарилиши лозим деб топилди. Шунга карамай, уй эгаларининг хатлари гувохлик беришича демуниципализация жараёни катта кийинчиликлар билан кечди,[3] айрим уйлар яна кайта муниципализация килинди[4]. Бундам ташкари коммунал хужаликлар, ижроия комитеглар фаолиятида уй эгалигини бундай муниципализация килишга рагбат кучайиб борди[5]. Булар хакида УзР МДА фондларида сакланаётган хатлар далолат беради.

Хатлар тахлили шуни к^рсатадики, тадбиркорлар, хусусий мулкчилик доирасидаги фаолият юритувчилар уртасида бу даврда яхши ишлаш, уз ишиниг дарЪмадинй оширишга ин~тилиш фойдасиздир, деган тасаввур пайдо булди, негаки улар тадбиркорнинг: узига карши булиб, окибатда албатта якаю- ягона мехнат ва хаёт ф'аолиятидан махрум булиш хавфига олиб келарди. Бу жихатдан Бухоро яхудйй - савдогарларнинг жамоа хатлари диккагга лойикдир:

"Катгакургон шахрида хар хил улкан соликдардан кишилар кийналмокдалар, айримлари савдо ишларини тухтатдилар... колган 10 савдогар хам уз ишларини тухтатиш арафасида турибди"[6].

Хулоса килиб айтганда, XX асрнинг 20 - йиллари иккинчи ярмида фукароларнинг хатларини илмий тахлил килиш, улар муаллифларининг тарихий шароитдаги иштирокларини аниклаб, бу хатларда келтирилган маълумотлар Шуролар даври Узбекистан тарихини урганишда мухим тарихий манбалардандир дейишга асос була олади.

' Муниципализация - лотинча **"municipaiis",** яъни шах,ар бош^арувига таалуцпи.

[1] Сборник декретов Туркреспублики, 1923 г., январь-август, 57-6.

[3] УзР МДА, 86 ф., 1 оп., 3973 иш, 3-в; 837 ф., 3 он, 537 иш, 2-3,7-8-вараклар; 574 **иш,** 208 в.

[4] УзР МДА, **2162-иш,** 428-429-вараклар; 3965-иш, **79-варак;** 95 ф, 4 оп., **69-иш,** 38-39-вараклар.

[5] УзР МДА, 86 ф., 1 оп., 3965 иш., 79 варак.

У ша жойда.

Шундай килиб, хатларни тахлил этиш оркдли нафакат ахолини ташвишга солган кескин муаммолар, айни пайтда Шуро даври ижтимоий хаётининг мухим жихатларини ёритиш имкоии яратилади.

М. Исакова,
(Узбекистан)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ УЗБЕКИСТАНА В АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Изучение истории политического, социально-экономического, культурного развития Узбекистана является одним из актуальных направлений отечественной науки. Это обосновано тем, что на любом этапе своего развития общество всегда интересовалось исследованием причин того или иного реформирования, факторов, воздействовавших на изменение образа жизни населения, уроков и последствий определенных нововведений. Известно, что ценность любого исследования, прежде всего, состоит в наличии в нем комплекса разного рода источников, а также их научного анализа. Сегодня большой массив первоисточников сосредоточен в фондах государственных архивов, библиотек и музеев.

Говоря о зарождении архивов в Туркестане необходимо отметить тот факт, что политические перемены в начале XX века возродили большую потребность как правительства, так и общества в сборе определенной информации, которая послужила толчком для создания в крае специальных отделов при учреждениях - ведомственных архивов. В них стали скапливаться документы, освещающие социально-экономическую, политическую й культурную жизнь региона.

С учреждением 15 ноября 1919 года в Ташкенте Центрального архивного управления (позже переименованного в Центральное управление архивным делом - Цуардел), при нем был создан специальный отдел Государственного архивного фонда. Отдел занимался организацией деятельности секций, которые, по сконцентрированным в Цуарделе:документам подразделялись на: административно-дипломагическую, историко-революционную, просвещения, экономики, советских печатных изданий, юридическую, военную :и восточную'. Так, постепенно стал формироваться архивный фонд, где было собрано документальное наследие народов Средней Азии. За пять лет функционирования Цуардела (на 1 января 1926 г.) в данном отделе было собрано 122 фонда с общим количеством около 200 тысяч единиц хранения дел[2].

Значительная часть этих материалов хранится в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан. Общий объем фондов архива составляет около трех тысяч, где содержатся свыше 1,5 миллиона единиц хранения дел. Архивные фонды разделены на три исторических периода: исторический (до 1917 г.), советский (1917-1990 гг.) и современный. Среди них особый интерес представляют документы фондов учреждений Туркестанской АССР.

Согласно принципам архивоведения систематизация информации о фондах ТАССР подразделена на: 1) фонды центральных и местных органов государственной власти и управ-

[1] ЦГА РУз, ф. Р-25, опЛ, д. 429, л. 270-274.
[2] Путеводитель ЦГА РУз / Под ред. Л.М. Ланда. - Ташкент, 1960. - С. 3.

ления; 2) фонды органов юстиции и суда; 3) фонды хозяйственно-экономических учреждений, организаций, предприятий; 4) фонды научных и культурных учреждений и быта; 5) фонды общественных организаций.

Например, в первую группу включены материалы Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) ТАССР (ф. Р-17), Совета Народных Комиссаров (СШС) Туркестана (ф. Р-25), Государственной плановой комиссии ТАССР (Туркгосплан) (ф. Р-20), Туркестанского Экономического Совета при СНК ТАССР (ТЭС) (ф. Р-18), Туркестанского хлопкового комитета при СНК ТАССР (ф. Р-Ш), Народного комиссариата внутренних дел ТАССР (НКВД) (ф. Р-39), Центрального управления по эвакуации населения НКВД Туркестана (ф. Р-621), Народного комиссариата юстиции ТАССР (Наркомюст, НКЮ ТАССР) (ф. Р-38), Народного комиссариата труда ТАССР (Наркомтруд) (ф. Р-35), Народного комиссариата социального обеспечения ТАССР (Наркомсобес) (ф. Р-606), Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) (ф. Р-34), Народного комиссариата по делам национальностей ТАССР (Наркомнац) (ф. Р-36), Народного комиссариата почты и телеграфа ТАССР (Наркомпочтель) (ф. Р-33). Народного комиссариата финансов ТАССР (Наркомфин) (ф. Р-37), Туркестанского народного банка (ф. Р-337), Народного комиссариата земледелия ТАССР (Наркомзем) (ф. Р-29), Народного комиссариата здравоохранения ТАССР (Наркомздрав) (ф. Р-40), Народного комиссариата продовольствия ТАССР (Наркомпрод) (ф. Р-31) и т.д.

По содержанию в вышеперечисленных фондах в соответствии с требованиями архивного делопроизводства можно выделить 4 вида документов: 1) распорядительная документация (декреты, постановления, законы, резолюции, указы, приказы, циркуляры и т.д.); 2) организационная документация (уставы, инструкции, сметы, программы, протоколы, планы работ и т.д.); 3) справочно-информационная документация (отчеты, журналы заседаний, бюллетени, докладные записки, статистические сведения и пр.); 4) служебные записки (переписка, телеграммы, радиограммы).

Архивные источники фонда ЦИК ТАССР являются одними из наиболее интересных. Тематически материалы фонда разбиты на 9 разделов: 1) государственное управление; 2) формирование советской системы управления; 3) народное хозяйство; 4) суд и прокуратура; 5) национальная политика и культурное строительство; 6) труд, социальное обеспечение, здравоохранение и профессиональное движение; 7) административно-территориальное деление и национальное размежевание республик Средней Азии; 8) военное дело; 9) внешняя политика.

Первый раздел состоит из документов высших, центральных и местных органов государственной власти и управления. В них содержится информация, освещающая деятельность Всетуркестанских съездов Советов, пленумов и сессий. К ним можно отнести стенограммы заседаний, съездов советов, декреты, постановления, приказы, протоколы, переписку ЦИК с различными учреждениями.

Архивные источники местных (исполкомов, ревкомов, ЭКОСО, областных и уездных) учреждений представлены в виде отчетов, докладов, протоколов заседаний. :

Во второй раздел включены документы (в основном это делопроизводственная документация ТурЦЙКа, Наркомвнутдела, Госконтроля), которые помогают раскрыть политику формирования советской системы государственных учреждений.

Состояние экономического развития республики освещается в третьем разделе. С помощью этих материалов можно проанализировать динамику развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, торговли, кооперации и снабжения, а также финансирования.

Реформирование судебной системы и органов надзора раскрывают документы четвертого раздела. Это материалы Юридического отдела ТурЦИКа, Наркомюста и Верховного революционного трибунала Туркестана.

Следующий раздел, содержащий в основном документы Наркомата по национальным делам, Нарком проса, Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, раскрывает политику советской власти по национальному вопросу, состояние образования, науки, искусства, издательского, музейного, а также архивного дела.

В шестой раздел включены материалы Совнаркома, Наркомтруда и Наркомсобеса, Наркомздрава, Центральной комиссии по улучшению быта рабочих при ЦИК Туркестана.

Политика национально-территориального размежевания республик Средней Азии освещена материалами ТурЦИКа, НКВД, Комиссии по районированию при Государственной плановой комиссии ТАССР.

Военное дело, деятельность военных учреждений и ход военных действий начала XX века раскрывают документы Наркомата по военным делам, Временного военно-революционного совета, штабов фронтов Туркреспублики. Основная масса документов относится к 1918-1919 гг.

Внешнюю политику ТАССР раскрывают материалы Наркомата иностранных дел, Уполномоченного представителя РСФСР в Бухарском эмирате, Уполномоченного представителя ТАССР в Бухарском эмирате, Афганского генерального консульства и ряда других учреждений. Это материалы о торгово-дипломатических отношениях Туркестана с Бухарой, Хивой, Китаем, Афганистаном, Индией.

Кроме того, в фондах ЦГА РУз, можно выявить статистические отчеты, диаграммы, картографические схемы и исторические очерки. Например, в фонде ЦИК Туркестана хранится исторический очерк, подготовленный в 1922 г. Главным управлением водного хозяйства при Народном комиссариате земледелия. Он содержит интересные сведения о развитии, состоянии ирригационного дела в крае[1].

Большую исследовательскую ценность представляют и материалы личных фондов ЦГА РУз. В более чем 190 фондах хранятся материалы известных деятелей науки, культуры, литературы и искусства.

Отдельную группу архивных источников составляют аудиовизуальные материалы ЦГА КФФД РУз. Непосредственно отражающие данный период документы архива представлены фотографиями. Самые ранние из них хронологически охватывают 1860-е годы. Тематика собранных в архиве фотографий самая разнообразная. Данный массив источников при критическом анализе в комплексе с письменными документами поможет не только восполнить, но и позволит визуализировать определенный исторический процесс.

В целом, в Центральных: государственных архивах Республики Узбекистан' хранятся разного рода материалы о социально-экономической и культурной жизни Узбекистана начала XX века.

[1] ЦГА РУз, ф. Р-17, он. 1, д. 844.

А. Токтосунова,
(Кыргызстан)

ЭПОС «МАНАС» - ПАМЯТНИК МИРОВОЙ УСТНО-ЭПИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

«...это своеобразное обращение к духу своих знаменитых предков за поддержкой и благословением, для обретения уверенности и твердости в свершении важных дел»
Чингиз Айтматов

Эпос «Манас» является великим памятником кыргызского устного народного творчества, шедевром мировой народной поэзии. Своеобразие исторического пути, пройденного кыргызским народом, обусловило исключительное развитие его многожанрового устно-поэтического творчества, в котором ярко выделяется эпос «Манас». Он отразил почти весь исторический путь кыргызов от древнейших времен до нашей эпохи.

Содержание эпоса охватывает все стороны жизни народа - от деталей быта до значительных исторических событий в его судьбе. По выражению одного из первых манасоведов, казахского ученого и просветителя Ч. Валиханова: «Эпос «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенных к одному времени, и сгруппированное около одного лица - богатыря Манаса. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания кыргызов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее»[1].

Одна из глав рукописи Ч. Валиханова называется «Кыргызский язык», где автор призывает тюркологов и монголоведов пристальнее обратить свои взоры к языку эпоса «Манас», так как он отражает многие факты лексического развития тюркского языка, особенности самого кыргызского языка. Эпос «Манас» служит источником познания истории, этнографии, этнологии, фольклора, философии, психологии, педагогики, дипломатии, военного дела, народной педагогики, культуры, эстетики и других сторон социальной жизни кыргызского народа.

Примечательно, что эпос как бы перенял функции рунической письменности, которая была мощным средством «внешней памяти», но по историческим причинам у кочевников была утрачена. Эпос «Манас» стал энциклопедией, сохранивший такой объем, такое содержание знаний, что вне письменности их, казалось бы, и сохранить нельзя. То, что «Манас» смог это сделать - совершенно особое явление в истории мировой культуры, сохранившее в бесписьменной форме стержень развития культуры целого народа.[2] «Манас» как произведение, зафиксировавшее особенности социального и духовного бытия людей в прошлом, безусловно, является памятником интеллекта, самосознания и духа древнего кыргызского народа. Он выполняет не только эстетическую, художественную, но и идеологическую, мировоззренческую функции.

' Валиханов Ч. Собр. соч. в 5-и томах. - Алма-Ата, 1985. Т. 2. - С. 70.

[2] Брудный А.А. К проблеме социально-психологических функций эпоса «Манас» *II* Эпос «Манас» и эпическое наследие народов мира. Тезисы международного научного симпозиума, посвященного ЮОО-летию эпоса «Манас». - Бишкек: «Кыргызстан», 1995. - С. 155.

«Манас» оказал большое влияние в целом на формирование самосознания кыргызской культуры, фиксируя проблемы человеческого существования, такие *как жизнь-смерть, благородство-подлость, отцовство-дети, Ата-Мекен(родина)-народ,* на осмысление ключевых вопросов истории и современной жизни. Ч. Айтматов назвал эпос великим героическим и трагическим произведением, воплощающим бесконечный оптимизм народа перед необратимостью жизни и времени, а П.Н. Берков отметил, что «Манас» - своеобразная энциклопедия кыргызского патриотизма. «Манас», черпая все лучшее из истории и культуры кыргызов разных поколений - талант, легенды, фольклор, философию, музыкальность, является мерилом, критерием «высот и глубин»[1], цементирующим национальные начала образного самосознания кыргызской культуры.

«Манас» является важным источником по изучению вопросов этнической истории и этнокультурных связей кыргызов. По эпосу можно проследить элементы государственного строя Кыргызстана того времени. Отраженные в строках эпоса названия таких народов, как шибээ (шивей), солон, кара кытай, манжу, найман и др. говорят о действительных ранних контактах кыргызов.[2] Судя по эпосу, юыргызы имели этнические и культурные взаимосвязи с народами Сибири, в том числе тунгусо-маньчжурами, народами, населявшими современную Среднюю Азию и Казахстан, Южный Урал, Северный Кавказ, Крым и другие сопредельные территории, составляющие Евразийский континент;

«Манас» запечатлел в своих строках сведения о хозяйстве и торговле кыргызов, В нем упоминаются почти все марзхруты Великого Шелкового пути. В пользу этого говорят упоминания в эпосе множества названий шелковых тканей, а «торгуй» и «тубар» прямо названы китайским шелком. Кроме того, названия различных драгоценных камней, золотых и серебрянных изделий, встречающихся в нем, также являются реальным фактом знакомства кыргызов с Великой дорогой.

Обширны сведения эпоса о культуре кыргызов. По части материальной культуры вызывают интерес типы жилищ, разнообразная одежда, конское снаряжение, пища и т.д. Особого внимания заслуживают сведения эпоса по военному делу, вооружению и боевой одежде. «Манас» содержит обширную информацию по духовной культуре, народным знаниям (особенно, народной медицине), мифах, религиозных верованиях, народных играх и развлечениях, музыкальных инструментах и т.д. Так, эпос повествует о трех мировых религиях, в том числе, о христианах-несторианах, которые в эпосе именуются «тарса». Среди сообщаемых в эпосе данных об играх, заслуживают внимания борьба «кураш» и восточные единоборства. В эпосе выявлены сведения о более 20-и различных музыкальных инструментах[3].

Поэтический текст отразил в художественной форме 7 периодов истории кыргызов, при этом основное ядро эпоса сложилось в период, связанный с агрессией кара-кытаев, калмакских феодалов в X веке. Кроме того, в трилогии «Манас», «Семетей», «Сейтек» нашли отражение междоусобные войны, интриги и заговоры вождей, подвластных и союзных Манасу племен. И хотя Манас - образ собирательный, мифический, обладающий чертами идеального вождя, способного встать во главе кыргызских племен, объединить и сплотить их в борьбе за свою независимость, но те или иные события, описанные в эпосе «Манас», являются отображением реальных исторических событий.

С точки зрения общественно-политических, воззрений кыргызского народа в эпосе «Манас» прослеживаются некоторые характерные черты военной демократии, а именно: равноправие членов дружины - кырк чоро, где каждый наделен определенными качествами, как

[1] Бакиева Г.А. «Манас» и сознание кыргызской культуры // Там же. - С. 172.
[2] Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» и его значение в мировой культуре // Там же. - С. 4-5.
[3] Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» и его значение в мировой культуре // Там же. - С. 5.

правило, позитивными, каждый лично свободен в выборе цели, друзей, выборность военначальников, предводителей и ханов. Вместе с тем, военная дружина имела ряд привилегий, особенно в части распределения военных трофеев и добычи. В политологии военная демократия понимается как сосредоточение власти в руках вождей и превращение ее в наследственный институт'.

Манас, избранный алтайскими кыргызами своим предводителем на демократической основе как олицетворение верховной власти, по воле сказителей передает власть своему сыну Семетею, а последний - своему сыну Сейтеку. О том, что Манас не стремился узурпировать власть, говорит факт передачи во время «Великого похода» кыргызов на Бейджин жезла главнокомандующего мудрецу Бакаю, затем батыру Алмамбету. В эпосе «Манас» идея вождизма прослеживается очень четко. Он наделяется необыкновенными способностями: все знать, все предвидеть, в этом - харизма Манаса-вождя. Нормативы политического поведения обусловлены иерархией власти, где вождь является главнокомандующим. Отношения властных структур основаны на личной преданности вождю, нижестоящих вышестоящему и всех вместе - клану и его главе.

Одна из главных политических идей в эпосе «Манас» - объединение разрозненных кыргызских племен, преодоление родоплеменных междоусобиц. Из нее логически вытекает следующая идея - создание своей государственности, централизованной власти и управление кыргызским народом из единого центра. Это в свою очередь требует защиты своих границ, своей независимости и борьбы кыргызского народа против захватчиков - ближних и дальних.

Одновременно в эпосе «Манас» красной нитью проходит идея о стремлении кыргызов жить в добрососедстве и в дружбе со всеми своими соседями и народами. Эпос помогает понять, что осознание своего отличия от других может способствовать консолидации народа и подготавливать понимание новых единств - национального, межнационального, общечеловеческого, когда пропуская сказанное через внутреннее подсознание, собственное «я» сливается с осознанием народа, эпохи.

Эпос «Манас» повествует о том, что кыргызы прошли сложный путь. Их этнокулыурая история проходила не изолированно, а в тесной взаимосвязи с цешральноазиатской, южносибирской и другими вдвидавациями. Он является достоянием не только кыргызской, но и мировой эпической культуры.

На протяжений многих веков эпос «Манас» играл и играет исключительную роль в духовной жизни кыргызов. Почитание Манаса было у кыргызов всегда выше всех культов, а этические нормы, понятия добра и зла объяснялись на примерах поступков героев этого эпоса. Такие качества Манаса и его соратников, как любовь к своей земле, самоотверженное служение народу, свободолюбие, отвага, боевая дружба, служили образцом для молодого поколения. Достижение героем поставленной цели в эпосе не является критерием; подвига. Критерий - мощь духа, проявленная в испытаниях, проявление сверхмужества важнее победы.

В эпосе «Манас» рассказывается о его битвах с целью объединения разрозненных кыргызских родов и племен и ограждения родных кочевий от посягательств врагов, о его побратимстве с иноземным богатырем Алмамбетом, о женитьбе Манаса на Канькей - дочери Кара-хана, девушке из далекой страны[2].

Уникален объем эпоса «Манас». Только в одном варианте, записанном от известного

[1] Молдобаев И.Б. Эпос «Манас» и его значение в мировой культуре // Там же. - С. 174.

[2] В анализе эпоса «Манас» также использована статья Мусаева СМ. Манас. Киргизский героический эпос. Книга 1. - М., 1984. - С 420 - 442; http://wwrw.eibilge.org

сказителя Саякбая Карадаева, содержится свыше полумиллиона стихотворных строк. В эпосе синтезированы многие жанры кыргызского фольклора («кошок» «обрядовые плачи по умершим», «арман» - «песни-жалобы», «керээз» - «песни-завещания» и «санат», «наснят» - «назидательные».

По бытующим в народе легендам, первым творцом эпоса «Манас» был соратник Манаса Ырчы-уул Ыраман. Он якобы воспел в форме кошока (плача) подвиги Манаса на его похоронах. Эти самостоятельно бытовавшие в народе песни-плачи объединил в один жомок (эпос) известный легендарный певец-импровизатор Токтогул. По эпосу, Ырчы-уул - один из сорока сподвижников Манаса, известный герой эпоса, активный участник событий. Токтогул же - певец-импровизатор, имя которого встречается наряду с именами Жээренче и Толобая, тоже легендарных личностей.

Первым сказителем эпоса, имя которого дошло до нас по преданиям, был упомянутый Ырчы-уул. Люди старшего поколения предполагают, что он жил 500 лет назад. Кроме него как известный сказитель эпоса «Манас» упоминается человек по имени Нооруз, живший в XVIII в. Известны также имена сказителей XIX в., среди них широко популярные в народе манасчы: Келдибек Барыбоз-уулу, Балык (Бекмурат) Кумар-уулу, его сын Найманбай. Тыныбек Жапы-уулу, Чоцбаш (Нармантай), Чокже Омур-уулу и другие. Живший в советскую эпоху знаменитый манасчы Сагымбай Орозбаков был современником многих из них, знал их и учился у них.

В исполнении «Манаса» помимо передачи текста эпоса имеют большое значение и своеобразный напев (мелодия), и изобразительные жесты, и мимика. Манасчы специально осваивают эти обязательные элементы исполнения, ибо каждому из них присущи как традиционные, так и индивидуальные черты. Начиная от взмаха рук, все движения исполнителя, мимика его не должны быть произвольными; у настоящего, опытного манасчы каждое движение целенаправленно и соответствует содержанию стихотворного текста. Поэтому манасчы перенимают от известных мастеров характерную манеру держаться и сопровождающие пение жесты и мимику. Проблема возникновения и формирования эпоса «Манас» издавна привлекала внимание ученых. В настоящее время существуют три основные гипотезы:

1. Эпос возник в результате взаимоотношений с уйгурами, когда часть кыргызов жила на берегах Енисея и Орхона (т.е. между VII и IX в.). M.G. Ауэзов и А.Н. Бернштам высказывают предположение, что стержневые сюжеты эпоса, возможно, связаны с войнами, которые вели объединившиеся кыргызские племена с тюрками, затем с уйгурами, что отражено в некоторых орхоно-енисейских памятниках (кыргызы в IX в. нанесли поражение уйгурам и создали свое кочевое государство).

2. Основа эпоса связана с войнами кыргызов в IX - XI вв. против киданей (каракитаев) - племен, говоривших на языке, близком к монгольскому. К такому мнению пришел Б.М. Юнусалиев на основе анализа содержания эпоса и опираясь на отдельные исторические факты, а также на этнографические, лингвистические и географические сведения. Уже в начале XП века арабский автор Марвази отмечал у кыргызов наличие певцов-импровизаторов.

3. Исторический фон в произведении соответствует условиям XV - XVIII вв. Так считает В.М. Жирмунский, хотя и отмечает наличие в эпосе древних представлений народа. В XVI веке таджикоязычное сочинение «Маджму ат-таварих» («Собрание историй») включило отдельные эпизоды из эпоса «Манас».

Хотя кыргызов в эпосе и называют мусульманами и упоминаются некоторые мусульманские обычаи, герои его придерживаются в основном шаманских, языческих религиоз-

ных обрядов. Вообще кыргызы в «Манасе» поклоняются воде, горам, различным явлениям природы, небу, огню, солнцу, белому цвету, молоку, душам умерших и т.д.

По традиции в эпосе «Манас» характеристика героя в подавляющем большинстве случаев начинается с описания его внешнего облика, его силы, особенностей экипировки. Внутреннее состояние героев чаще всего раскрывается через их поступки. Мудрость, прозорливость и некоторые другие качества персонажей иногда характеризуются в авторской речи сказителей. В таком случае широко известное основное качество того или иного героя, раскрытое ранее, просто констатируется, и определение, означающее это качество, в дальнейшем выполняет уже роль постоянного эпитета, например, «богатырь Манас», «мудрый Бакай» и т.д.

В «Манасе» основными средствами сравнения служат явления и предметы, широко встречающиеся в повседневной жизни кыргызов, тесно связанные с условиями их кочевого быта. Поэтому девушка часто сравнивается с маралом, ее глаза - с большими томными глазами верблюжонка, зубы - с перламутровыми бусами, талия - с лозой и т.д. Очень часто для сравнения используются образы различных диких и домашних животных. Богатыри чаще всего сравниваются с хищными животными, что должно подчеркивать храбрость, бесстрашие, решительность и другие важные качества богатырей. Связано это с тем, что кыргызы занимались охотой, наблюдали животных на воле, хорошо знали их характер и повадки. Охота на диких животных была своего рода военно-спортивным занятием, имевшим огромное значение в деле военной подготовки племени, а также в снабжении скотоводческого хозяйства дополнительными запасами мяса, меха, шерсти и т.п.

Для глубокой, точной и сжатой характеристики основных качеств героев большое значение имеют эпитеты, особенно постоянные. Эпитеты, в изобилии встречающиеся в эпосе, помогают раскрыть как положительные (молодец, великодушный, богатырь, великан, храбрый лев и т.д.), так и отрицательные (хитрый, жадный, коварный, алчный и т. д.) черты характера.

Родоплеменные отношения для кыргыза - это, прежде всего, организация; физического и морального существования близких людей по родовому признаку. Генеалогическая преемственность поколений формирует мировоззрение кыргызов, воспитывает чувство сопричастности к нуждам и интересам других, дух коллективизма и взаимопомощи. Родословная выступает как генетическая и .духовная опора, определяющаяся самосознанием народа. Память о предках свята, так же как свято поклонение духу предков. Объяснение этому можно найти в тенгрианской философии, рассматривающей номадическое понимание истории как истории предков, олицетворяющих определенную эпоху[1].

Одним из излюбленных изобразительных средств в «Манасе» по праву называют гиперболу. Гиперболизация почти всего, начиная от силы героев до внешнего облика, от боевого снаряжения, оружия до отдельных действий, - обычное явление в эпосе вообще и в «Манасе» в особенности. Однако, сколь бы важную роль в художественно-изобразительном арсенале сказителей гипербола ни играла, она имеет пределы, свои границы. Любая гипербола, какие бы фантастические явления она ни изображала, в своей основе обычно не отрывается от реальности. В случаях, когда гиперболизация переходит границы и, отрываясь от реальности, превращается в гротеск, сказители предупреждают слушателей: «Здесь много неправды и много правды, нет человека, который все это видел; здесь половина ложь, половина правда, нет человека, который стоял [тогда] рядом с теми героями». Гиперболизацию менталитета кыргызов можно объяснить стремлением сказителей возвысить свой народ, видеть его сильным, горячо любящим свою родину. Умению любить, быть патриотом

' Акмолдоева Ш.Б., Ниязова Ж.К. Этикет кыргызов. - Бишкек:Илим, 2005. - С. 87.

своего Отечества учат нас главные персонажи героического эпоса. Манас предстает в эпосе величественной и возвышенной личностью, в котором сконцентрированы лучшие черты народа. Героизм, мужество, отвага - вот качества, которые были самыми главными у кыргызов в те далекие времена.

Эпос «Манас» еще раз подтверждает, что историческая память глобальна и масштабна, она хранит в себе традиционные и функциональные одновременно критерии понимания бытия и человеческого «я». Память концентрирует духовные силы поколений, рода, тем самым подчёркивая архетипичность норм бытия предков, но на уровне подсознания. «Именно поэтому можно утверждать, что традиционная система мышления номадической цивилизации и есть предельное основание идущей испокон веков преемственности культуры кочевого мышления. Номад, тем самым, символизируется особым отношением, пиететом к духу предков»[1].

Символизм, таким образом, заключается в присутствии духа предков здесь и сейчас. Поэтому всякий манасчы, был ли он начинающим или признанным в народе, свое обращение к «Манасу» и искусство его исполнения объясняет вещим сновидением, покровительством духа предков или героев эпоса. Реальность существования эпического мира является для них предметом веры, акыны убеждены, что непосредственно во время исполнения сказаний герои приходят прослушать про собственные подвиги. Зафиксированы рассказы о том, что эпические герои вдохновляют манасчы, сказитель видит Манаса и его богатырей сидящими среди слушателей во время исполнения эпоса. Подобное объяснение своего призвания и таланта - одно из широко известных, традиционных характристик кыргызского эпического менталитета.

Монументальность композиции эпоса «Манас», виртуозное сцепление многочисленных сюжетов, многокрасочность и многообразие художественных приемов в описании явлений природы, людей, животных, впечатляющая меткость характеристик героев, их поступков, их переживаний - все это составляет основу художественного обаяния этого уникального памятника устной народной поэзии. Мы приводим отрывки из эпической трилогии «Манас», где говорится о рождении Манаса[2].

Рояедение батыра

(перевод М. Байжиева)

...И Акбалта тут заорал:
- Ой! Суюнчу, брат, суюнчу!
Тебе в дом старая жена
В подоле львенка принесла! -
Жакып, услышав эту весть,
Сознанье чуть не потерял:
- За весть хорошую тебе
Я слиток золота даю,
В придачу сорок лошадей!
И, как джигит вскочив в седло,
Помчался бай Жакып домой,

' Токтосунова А.И. Этнокультурная идентичность и диалог в условиях глобализации. - Бишкек, 2007. - С. 227.

[2] Мар Байджиев. Авторизованный перевод отрывка из эпоса «Манас», глава «Рождение Батыра».

Где ждал его сынок родной.
Держа младенца на руках,
Навстречу вышла байбиче.
Увидев сына и жену,
Жакып от счастья застонал
И на колени он упал,
Как пред богиней Мариям:
- Пускай сейчас *я* здесь умру,
Мой Бог, тебя благодарю!
Рыдал счастливый бай Жакып
И сына к сердцу он прижал.

Эпос «Манас» продолжает жить, синхронизируя жизнь различных исторических, культурных времен и пространств. Издревле и до сегодняшнего дня проводятся конкурсы этого уникального вида эпического искусства - состязания сказителей-манасчи. Наиболее празднично, интенсивно и масштабно эти состязания импровизаторов-сказителей эпоса «Манас» и так называемых малых эпосов («Эр Табылды», «Кожожаш» и др.) проходили в период подготовки и проведения 1000-летия эпоса «Манас», приумножая ряды молодых, талантливых исполнителей - манасчи. О популярности сказительства можно судить по постепенному возрастанию числа талантливых исполнителей среди юных манасчи не только кыргызов, но и представителей других этнических общностей. Безусловно, этот героический эпос должен стать и предметом специальных исследований, раскрывающих тайны бессмертия древних эпических повествований и неповторимости своеобразия кыргызской художественной культуры. Из сокровищницы национальных идей эпос «Манас» должен стать движущей силой подъема национального духа.

А. Кавунчи,
(Турция)

THE CULTURAL REFORMS IN TURKISH MODERNIZATION PROCESS AND THE MAHALLE PRESSURE AGAINST THEM OR TURKISH POLITICAL ELITE

Introduction

In the usage adopted here, "modernization" refers to Marshal! Berman's "generalized images which summarize the various transformations of social life" attendant upon the rise of a market society and the nation-state. The notion of modernization must be sought in its ability the various transformations of social life attendant upon the rise of industrialization and the nation-state in the late eighteenth and nineteenth centuries.[1] Modernization also refers to urbanization, bureaucratization, and political mobilization.

The modernization process, originally French, started with the discovered of America. The Enlightenment period has caused the capital accumulation of bourgeoisie in the western world.

[1] Tipps D.C. Modernization Theory and The Comparative Study of Societies: A Critical Perspective // Comparative Studies in Society and History. Vol. 15, No.2, (Mar., 1973). - P. 199.

This capita! accumulation has gone together with industrialization in the economy, humanism in the culture, rationalism in the philosophy and science, democratization in the politics. Shortly, the experience of new western world with these four concepts has been called 'modernity'. The aim of a society for attaining the western world is identified "modernization'.

The pioneer group who has the objection engendering the modern society can be out of the society like western country or can be in the society like bureaucratic elite in Turkey. Both of them try to achieve the transformation of society despite the society (Pustu, 2007). The notion of reform or contemporary can be used instead of modernization (Berkes 2006). Also the word that the "alienation of society[4] of Kucukomer (1969) is for the modernization period of Turkey. In summary, in Turkey, the concepts like 'renewable movements', 'modernization movements', 'reform movements' can be used in each other whereas they have some differences.

For ascertaining of the modernization story of Turkey, it should be analyzed in detail. Modernization in Turkey has been realized together with secularism, liberalization and democratization; the reciprocal relations of these processes cause the multi-dynamics of Turkish modernization.

For analysis of Turkish modernization, it ought to conceive Turkish state culture; the different position of different elite groups and their main contradiction between them; the objective society of them and their basic strategies and the reaction of Turkish society and social movements. Today, I would like to mention shortly Turkish modernization history and the Turkish political elite, and then the reaction of society through the concept or discussion of mahalle pressure.

In the literature the starting point of Turkish modernization is accepted the period of ILMahmud. Then, there are four administrative reforms, Tanzimat Fermaro (1839), Islahat Fermam (1856), I. Merorati yei (1876), II. Meiorutiyet (1908). I accept these four comers as second period of Turkish modernization. And, the last categories of Turkish modernization may be the Republic period or 'One Party Era'. Then, I would like to emphasize shortly the structure and main characteristics of Turkish political elite. Lastly, I would like to dwell upon the issue of mahalle pressure that has been claimed by Serif Mardin recently for expressing the reaction of society and some groups against Kemalist ideology.

LThe Story of Turkish Modernization

a. II. Mahmud

It was during the reign of ILMahmud (1808-1839) that the idea of an Ottoman state began to emerge, "composed of peoples of diverse nationalities and religions, based on secular principles of sovereignty as contrasted with the medieval concept of an Islamic empire." The doctrine of Ottomanism (Osmanlicilik) which began to emerge during the reign of ILMahmud stressed the equality of all Ottoman subjects in an attempt to undermine the various national movements that threatened the empire."

The reason of significance of ILMahmud in the modernization process was reforms in economic area. In the Ottoman Empire, all land belongs to Sultan and it is used as small agricultural area. The bureaucrats who are responsible to the centre provide social or military service instead of land tax. It can be argued that there were basic two classes in the I9.century; small farmer and bureaucracy.

The structure of bureaucratic system in the Ottoman Empire, known as 'Kul system', was that servants had been brought up for bureaucrat (as soldiers, chaplins, civil bureaucrats...) with

special education (Pustu 2007). Therefore, the power of Sultan on these servants or bureaucrats was stronger than on the merchants or small farmers (Тыгкцпе 2003). When the state system had got weak, these groups had demanded some reforms for their power. Conflict between tomarfe sipahi or mbltezim - ayan and central bureaucrats (kapikulu) for state power had caused rebellions, known as 'CelalF, in the 18.cc and this rebellion was the one of the main reasons that caused loosing power of Ottoman Empire.

Indeed, ILMahmud, instead of creation the modern society, tried to dispose of rebellions and to strengthen the central power. The aim of the integration to the capitalist system, the aim of the provision the status of legitimacy against the rising nationalism and the aim of control the rebellions against the central power cause the centralization. He generally realized reforms in military and education systems. While these reforms had not been realized in many areas but being limited, the translation of French books, the invitation of foreign officers for educating the Ottoman soldiers, and the establishment of new education institutions also cause the new-elite groups in the bureaucracy and political area. They were different from former bureaucrats' class in terms of more intellectual and western style... Thus, the argumentation that in the Turkish Republic history, the political elite group was created in this II.Mahmud period is not exaggeration. That is why II.Mahmud was crucial in Turkish modernization. In addition to that, the religion also became centralize in this period. Some basic regulations in this period were seen as centralization strategies such as becoming "Seyhulislarrf at the top of uiema class, the establishment of consultancy council (it did not representation authorized but it just discussed the new law that was approved by Sultan).

b. Until the Republic

According to some authors, the first ideological movement in 1860s, known as "new Ottomans", criticized the overmuch centralism and the authoritarian state. They argue that the country should belong not to Sultan but the public. According to this view, modernization and the western style in the public administration is good however because of far away the islamic view, the state get the despot power. This intellectual group demanded the representation, constitutionalism., and parliamentary regime. In the 1876, the first constitution was accepted thus their politic demands were realized.

For many historians, liberalization and modernization are parallel and complementary concepts. Any trend to liberalization is accepted by them as a pledge to modernization whereas any restrictive measure is seen as an expression of traditionalism. Scholars in Turkey and the West who have studied the history of Turkish modernization with such a pre-conceived approach have stated the importance of the Tanzimat (1839-76), the Young Ottoman (1876- 78), and the Young Turk (1908- 18) periods as modernist, while they have condemned Abdulhamid IPs reign as traditionalist, even backwards. It is true that impressive achievements in modernization were accomplished during the late Ottoman and early Turkish Republic*.

Important reforms that were implemented during the Tanzimat period include the establishment of secular'criminal tribunals'in 1847, the promulgation of a secular commercial code in 1850, and an Ottoman Bank established in 1856. But a particularly important area of reform was education. New eight-year rusdiye (adolescence) schools were opened beginning in 1838, and provided a modem secular secondary education to young men who chose not to pursue a career as a traditional religious scholar. In 1845 a commission was formed with the task ..of revamping the entire educational system. And the Ottoman Ministry of Education was then created in 1847." Between 1845 and 1868 "education was almost completely secularized," and 1868 saw the

[1] Kuran, E., "Kufuk Said Pa§a (1840-1914) as a Turkish Modernist" in *International Journal of Middle East Studies,* Vol.1, No.2 (Apr., 1970), pp.; 124

opening of a new French-style lycee (the Gaiatasaray lycee in Beyogiu) where the language of instruction was French.' Plans were made for an Ottoman university, the Dariiffiiniin (House of Sciences), which opened briefly in 1870-1871 and again in 1874-1881 hut was not "definitively" opened until 1900.)'

II. Abdulhamid period is accepted as Islamic alternative against the westernization. In this period, while the technical development like railway system had got more and more improve, the constitution was abolished, and the strong authorities' regime and censorship continued. Because caliph unites all Muslim societies, II.AbduIhamid often used caliphate. Also the success economic policies provide to control the stable foreign debts. However the constitutional monarchy again was proclaimed by army officers educated in western countries. Abdulhamid simply took advantage of the Pan-Islamic sentiment that already existed among his Muslim subjects, using it to "strengthen his hand against enemies both at home and abroad." 16' Starting with the idea that the Ottoman state was predominantly Muslim and that the dominant culture was Islamic, he "began to identify himself with the religious sentiments and political aspirations of Muslims throughout the world by making wide use of his title as Caliph." 'The Arabic language also gained prominence "as a language of culture and even administration." though it was never officially made into a second official language alongside Ottoman Turkish.'" Still, though this period there was increased borrowing from Arabic into Turkish, both of words and expressions.

At this point, it should be mentioned about Jon Turk movement. The main feature of this group adherent to westernization was to have different ideological ideas. For example both Ahmet Riza who advocated more centralist and nationalist and Prens Sabahattin who represented more liberal movement, federalism, and decentralization could nestle together in Jon-Turk groups. Who acquire the power at the state stage had been determined by the army officers that had educated in western countries since II.Mahmud period. Because the nationalist and centralist structure, Jon-Turk groups leave the liberal movements. The main features of this movement were scientific, positivist and nationalist.

After Abdulhamid, because of declaration of constitution, the Ittihat-Terakki Party who belongs to Jon Turk became power. The first reaction of this party came from Ahrar Party known as a liberal. They argued that Ittihat-Terakki Paty is more authoritarian and despotic than II.AbduIhamid.

There are three ideas giving some important opinion about the different movements that have some project and straggle to acquire power in Turkish Republic history; Turkism', Tslamismf and 'Westemism[4] that are pioneers to some later politics movements.

According to Abdullah Cevdet who represents the idea of Westemism, the main reason of regression in Ottoman is the strong effect of Islamism *in* the society and political area and the style of Asiatic thinking. The solution of this regression is the perfect adaptation to western world. Westemism means that individual get freedom from the state, the priority of natural rights, the absolute dominance of mind on religion and the spread of positivist science.

While the Young Ottomans did not break with the Ottomanism of the Tanzimat, they were critical of its secularism. In their view the Tanzimat reforms represented a concession to the western powers, and they were also critical of the fact that the reforms were not limited by the Seriat (Islamic law).'" Namik Kemal criticized the Tanzimat for its separation of state and religion, which in his view "not only damaged the religious foundation of the state but also cleared the way for European interference" on behalf of the non-Muslim millets. Namik Kemal was "a sincere and devoted Muslim, and the Fatherland of which he speaks, though he uses a term denoting territory and not community is Islamic no less than Ottoman. In fact, Mardin writes that "the Young Ottomans "invented' pan-Islamism.'"

' . • [illegible] \ii 7-й' •& ьи i/.;jiK".<,li.-. \'..fi4-'-л ЪI, \Hh\'.'i u?^o?v-,-"yAi\ •'

:

According to Islamism, the Westernism means Christians so we can not absolute western society. Therefore whereas we must adapt the technical development, in the other area of social life it must provide the absolute dominance of Islam.

Under Abdulhamid, Islamism became the "most widespread ideological force in the Ottoman Empire. " 'It was used as "an ideological weapon ... to counter the imperialism of the Western powers as well as the minority nationalist movement." In fact, this emphasis on Islamism and on the Caliphate had begun under Abdulaztz, but it was more fully realized under Abdulhamid and is often closely associated with his long reign.15'

In the 1870s, Ottoman Turks grew more interested in the plight of other Turkic peoples as Russia made advances in Central Asia. While Pan-Turkism would only develop later on, concerns about Central Asia gave rise to "a political Russophobia and an emphasis on Islam which more and more verged on pan-Islamic sentiment." 'Pan-lslamism at this point developed in response to Pan-Slavism and European imperialism, and on an international scale it represented merely "a futile search for military aid and a sentimental attachment to the concept of the caliphate." However, within the Ottoman Empire it contributed to "a sort of Islamic patriotism" coupled with rising anti-European sentiment, and Ottoman diplomacy grew "more unyielding than it had previously been."

While Ottomanism was still the official policy in the Young Turk period, Turkism was on the rise. Several Turkist and Pan-Turkist organizations were founded, starting with the Turk Dernegi (Turkish Society) in either December 1908 or January 1909. the Turk Deraegi, which included non-Turkish Ottomans and foreign scholars among its members, was for the most part a "scholarly and cultural" organization and published a journal of the same name. The Turk Yurdu **Cemiyeti** (Turkish Homeland Society) was founded in August 1911 as the successor to the Turk **Dernegi,** and its leaders were Yusuf Akcura and Ahmet Agaogiu. The society and its journal, **Tiirk** Yurdu, were much more successful and influential than their predecessors. The Turk Yurdu **Cemiveti** was then supplanted by the Tiirk Oeagi (Turkish Hearth, commonly referred to in the plural as Turk **Ocaklan,** Turkish Hearths), which was founded ia 1912 and had even more material aims than its predecessors. The Tiirk Ocagi was intended; [v]...to advance the national education and raise the scientific, social, and economic level of the Turks, who are the foremost of the peoples of Islam., and to strive for the betterment of the Turkish race and language'. It was opposed to both Ottomanism and Islamism, and instead promoted Turkish nationalism. Local branches of the Turk Oeagi "became adult education societies," attempting to promote Turkish cultural awareness through education in the Turkish language and Turkish history?" According to Keroal Karpat Turk **Yurdu,** and especially the Turk **Ocakiari,** 'were established for the purpose of disseminating the nationalist concepts and of transforming ultimately the Ottoman Empire into a Turkish state.

Ziya Gokalp, a native of Diyarbakir, settled in Saionica shortly after the 1908 revolution and soon became one of the most important intellectuals of the Turkish movement. According to Gokalp who is the most important representative of Turkism, it is unavoidable to adapt material progress of western world but the cultural adaptation is impossible rather than unsuitable. The concept of "bars" refers to cultural feature of societies thus these features can not transfer from one nation to another because of their different conditions and originality. Therefore each society must create their national originality or liars' rather than adapt cultural features of other nations. Also, Gokalp is the first theorist who argue that religion must been diverged from the political area.

Also beginning around the turn of the century, Turkish immigrants from Russia played a pan in spreading Turkism among the Ottoman Turks. In 1904, the young Yusuf Akcura (then known as Akcuraoglu Yusuf, 1879-1935) submitted an essay entitled Uc Tarx-i Siyaset ("Three Kinds

of Policy" or "Three Political Ways") to Turk, a journal published by Turkish political exiles in Cairo. In this article, which in 1912 was reprinted as a pamphlet, Akcura examines Ottomanism, Pan-Islaraism and Turkism as bases for loyalty and national identity. He concludes that, since the Ottomans are not a nation, Ottomanism is doomed to fail. As for Pan-lslamism, Akcura predicts that it will meet with too much resistance from the Christian powers. He then suggests Turkism as the basis far Ottoman loyalty, a policy that would "rally the loyalties of the dominant 'Turkish race within the Ottoman Empire, and reinforce it with that of the many millions of Turks, in Russia and elsewhere, beyond the Ottoman frontiers." Thus, in Uc Tarz-i Siyaset, Akcura promoted Pan-Turkism as a way to preserve the Ottoman state and, at the same time, as a way to transfom it. This marked the beginning of the political phase in the development of Turkism, a "political Turkism"'" which would grow increasingly active during the second constitutional period.

The social and cultural reforms were ascended in the period of 3ttihat-Terakki Party especially their despotic period. Indeed, in Turkish modernization history always it has been same that in because the pioneer of modernization has been state, in the transformation period the state has strong control mechanism above the society and sometimes this situation has been called as "despotic state[4]. The main areas of reform in this period were education, administration and judgment. The main feature of these reforms was secular. In the economical area, also, the aim of creation of the national bourgeoisie started at this period and then continued in the republic period.

The Ottoman Empire and subsequently Turkey was influenced from the forces of modernity. Ottoman economy and markets came to be linked to and dominated by European markets, primarily through networks that branched inland from port cities. The countermovement of protection took shape as institutional reform and local rebellion, such as the rebellions of the nationalist groups in the Balkans. And the discourse of freedom and rights was germane to the entire spectrum of political opposition in the Ottoman Empire, beginning with its very early stages *In* the nineteenth century. Simultaneous development of these forces dotted the history of Ottoman-Turkish modernization with many uncertainties, occasional reversals, and periodic shifts in its speed and priorities. The important point is to regard these fluxes not as anomalies but as integral parts of the process of modernization itself. In the Ottoman Empire changes in social communications play an important part in the process of modernization and the concomitant growth of a feeling national consciousness.[1] Firstly this feeling was being an Ottoman, later it turned to being a Turk.,

Changed identity from being an Ottoman to being a Turk is the main problem of this work. Because with this changing, the idetity's of items turned. In the last 19th century and in the beginning of the 20* century, primordial and instrumentalist issues can be seen in the same identity. It is known that the big wave of nation- state affected the elites of Ottoman. To found a new state, nation state, it was needed to create a new nation. Because the Ottoman Empire was not a nation state and also it did not have only Turk nation. It could not describe itself with nation. Although the elites living in the Ottoman Empire wanted to a modem individual as the Westerners, at the same time they did not want to leave their traditions, beliefs or "givens". The first one can be evaluated in the circumstantalist perspective. Because, the thought of "nation state" orientated the elites of Ottoman to a thought of creating a "nation state". In this sense, to create a new nation was needed in the conditions. The second one that Ottoman did not want to leave their tradition can be evaluated in the primordial aspect. In the nationalist stream, there is a clear paradox. Although it is a Western thought, it strengthens the ties of nation. In the sense of according to condition, nationalism is a circumstantalist conception. But at the same time, nationalism causes to

' Mardin, S. Some Notes On an Early Phase in The Modernization of Communication in Turkey // Comparative Studies in Society and History. Vol. 3, No. 3, (Apr., 196!). - P. 250.

adhere the "given" features of ethnicity. So that reason we can say that nationalism has primordial ties as well.

c. The Single Party Era

The period starling with the decleration of Republic and its main policies has been discussed often in the literature. Some authors argue that Kemalist regime is continuation of Ittihat Terakki Party and they see both of them in terms of the relations between their elite and society. They claim that both of them started with democratic and libera! objectives but after that they transformed in despotic regime especially in cultural reform in the society. According to them, their economic and secular ideologies are also same. Laicism was understood by both of them that the religion must be excluded from society and daily life rather than the divergence of the religion and state affairs.

Many of the reforms enacted under Mustafa Kemal had also been advocated by intellectuals of the late Ottoman period. At the same time, many of the reforms that were now carried out were quite radical, especially when judged by the standards of the previous decade, important reforms that were carried out in the 1920s include the abolition of the religious seriat courts in April 1924 and the eventual adoption of a modified version of the Swiss civil code in 1926, the banning of the tarikats (religious brotherhoods) in November 3925, and the abolition of the office of seyhuiislam in 1924. The Presidency for Religious Affairs (Diyanet Isleri Reisligi) and the Directorate-General of Pious Foundations (Evkaf Umum Mudurlugu) were established in 1924, giving the state control over all religious matters?

However while there have been sameness also there have been differences between them. Firstly, the opinion about Westernism and modernization of Ataturk is completely different from previous period. Ataturk depends on the Republic regime like Rousseau. While the other political movements argued just the limited legitimating administration, according to Mustafa Kemal, the main principle is "giving the power, authority, independence and administration to public or nation". Because of that, for modernization, unlike former political elite, Ataturk firstly tends to make reform in the social and cultural life in which the opposition movements appear; for example alphabetic and hat reforms, voting right of women, the elimination of caliphate, the-' closing of the dervish lodge and a small dervish lodge... Therefore the ideology and strategies of Ataturk have brought radical changes in the social life. This period is completely different former elite groups especially in civil law about family life and with the law about the effects of religion on the social life. The originality of Ataturk's reforms is to create more individualist, rational and objective citizen. Therefore the society that is consisted of like this citizen can transform itself modern society. Thus according to Mustafa Kemal, for modern society it should be created modern citizen. Because of that, the first level for Ataturk is the transformation of cultural structure.

One vital area of reform was education, and the Unification of Education law of 1924 "was not only a rejection of the traditionalism of the medreses, but it also put an end to the pluralism of minority schools, missionary schools and foreign schools and thereby asserted a centralist, modernist, national educational system under the guidance of rationalism and scientism, to establish a new nation with a new identity, and a new unified morality." One of the most talked-about reforms was the 1925 Hat Law. A law of 25 November 1925 outlawed the fez and required men to wear western hats. The fez had been introduced as the headgear of the Ottoman army in 1928, and had met with resistance at the time?" Now attempts to abolish it met with resistance, resistance which was harshly dealt with under the 'Law for the Maintenance of Order' which had been passed to deal with the Kurdish rebellion of the same year. Mustafa Kemal continually stressed that the western hat was the civilized headgear, and though he also attacked the veil, he stopped short of actually outlawing it.

In April 1928 the reference to Islam as the state religion was deleted from the constitution, completing the process of legal and constitutional secularization in Turkey. However, the Arabic script remained as a "potent and universal" symbol of Turkey's attachment to the Islamic world?"

The reforms were implemented from above by the Kemalist elite. Much has been made of their radical nature and of the transformation that took place in Turkish society. Yet as Erik Zurcher points out: The reforms hardly influenced the life of the villagers who made up the great mass of the Turkish population. A farmer or shepherd from Anatolia had never worn a fez, so he wasn't especially bothered about its abolition. His wife wore no veil anyway, so the fact that its use was discouraged did not mean anything to him or her. He could not read or write, so the nature of the script was immaterial to him. He had to take a family name *in* 1934, but the whole village would continue to use first names

Although reforms such as the Hat Law and the adoption of the Latin alphabet "had little to do with accepted indices of modernization, they were considered essential to the Kemalist program of reform because they gave momentum to the basic aim of the [Kemalist] revolution, i.e., to transform Turkish society from an Islamic into a Western setting.

Another important stage of Turkish modernization was multiple party systems. In the first years of Republic, it is mentioned that there were unwritten agreement between intellectuals, army, bureaucrats and Anatolia mercantilists. According to this agreement, the economic system was excluded from reform areas. In the first time of Republic, the politic elite did not touch relations of production and the relations between classes in the society. However, later especially the local bourgeoisies who got strong in the H.World War and who did not adapt the ideologies and strategies of Turkish political elite organized in the Democrat Party. Indeed the transition of multi-party system in Turkey can be explained in terms of reform process not the breaking point or revolution unlike many other countries because this process again was governed the previous political elite. This is not breaking point but this process was shaped around the rules of 1924 constitution. For explaining the main dynamics of this process, it is paid attention to the organizational structure, ideology and regime of CHR The Single Party Era of Turkey is more closely to liberal Democratic Party rather than fascist or communist party. Also the CHP refers to the classic elite party established hegemony above the society through the bureaucrats in centre and the local mercantilists and capitalists in local area instead of the totalitarian party that aims the creation of mass action. Therefore, the argumentation that explaining the transition to multiple party systems in Turkey with the socio-economic factors and conditions without the structure of CHP is inadequate.

. EL Turkish Modernization and *the* **Modernizing** Elite

Turkish modernizers had readily identified modernization with Westernization—with taking a place in the civilization of Europe.[1] Modernity, in their conception, was a total project: one of embracing and internalizing all the cultural dimensions that made Europe modern. They were not satisfied simply with increasing rationality, bureaucratization, and organizational efficiency; they also professed a need for social transformation in order to achieve secularization, autonomy for the individual, and the equality of men and women.

The political elites saw themselves as the most important force for change in the Ottoman Empire and Turkey. To them, Ottoman-Turkish society was a project, and the people who lived

[1] **3aglarKeyder. The Dilemma of Cultural Identity on the Margin of Europe. // Review. Vol. 16, no. 1,2993. - P. 19-33**

in Turkey could at most be the objects of their experiments. They freely used categories such as "old" and "new'" or "traditional" and "Western" in order to reduce the dimensions of their task to manageable proportions and represent themselves as the sole bearers of progress. They regarded reform strictly as a top-down process. Accordingly, they directed a substantial part of their effort toward changing the Ottoman institutions and reshaping the physical environment in order to make it more similar to that of their European counterparts. The underlying assumption was that once the environment was altered, the behavior of individuals could be easily molded and made to fit the requirements of the newly created circumstances.

There were many similarities between the Ottoman-Turkish reformers and, especially, the Jacobins who dominated the French state between 1793 and 1794, in terms of the puritanical zeal with which each approached the task of remaking their respective state and society. For the Jacobins, the revolution had to be an all-encompassing undertaking, affecting every aspect of life in France. They decreed that French history began in 1792, the year they came to power. They redesigned the calendar into strictly decimal units, and they renamed the days, months, and holidays, substituting for the old Roman and imperial names new ones that were either neutral or based on revolutionary events and personalities. They redrew the administrative map of France, renamed the streets, and even encouraged people to change their names if these had any links to the old regime, the royal family, or the clergy. A distinctive style of clothing that included "trousers, an open shirt, a short jacket, boots, and a liberty cap" came to be associated with the "model revolutionary," and the Jacobins promoted it over the old uniforms of culottes, waistcoats, and powdered wigs.[1]

In the minds of many Ottoman, Young Turk, and Kemalist leaders, too, formal elements of change, such as the outward appearance of people, the cleanliness of streets, and the type and nature of institutions, became synonymous with modernization and consumed an inordinate amount of their time and energy. In 1829, for example, the turban was replaced with the fez as the appropriate and mandatory headgear for civilians, and "robes and slippers gave way to frock coats and capes, trousers and black leather boots," especially in military' uniforms.[2] One hundred years later, in the early years of the republic, the fez became the symbol of conservatism and was outlawed by the well-known "hat law" in 1925. In Mustafa Kemai's words, the fez "sat on the heads of our nation as an emblem of ignorance, negligence, and fanaticism and hatred of progress and civilization."[3] Here is how he described someone in his audience who, it appears, had made an unsuccessful effort to cope with the new dress code:

I see a man in the crowd in front of me; he has a fez on his head, a green turban on the fez, a smock on his back, and on top of that a jacket like the one I am wearing. I can't see the other half. Now, what kind of outfit is that? Would a civilized man put on this preposterous garb and go out to hold himself up for universal ridiculed In that sense, it is a process of adoption of Western norms, styles, and also clothing.

According to Mustafa Kemal, in measuring progress "our standards should be based on the lethargic mentality of the past centuries but on the concepts of speed and movement that define our century."[5] In 1925, Mustafa Kemal wrote of civilization almost as if it were a supernatural force that should be worshipped:

It is futile to try to resist the thunderous advance of civilization, for it has no pity on those who are ignorant or rebellious. The sublime force of civilization pierces mountains, crosses the skies, enlightens and explores everything from the smallest particle of dust to stars.... When faced with

[1] Robert Darntoit. The Kiss of the Lamourette. - New York: Norton, 1990. - P. 9.
[2] Lewis, Emergence... - P. 102.
- Ibid. - P. 268.
[4] Ibid.-P. 269.
[5] Ataturk'On S6yiev ve Deme3ieri, H. - Ankara: Turk Tarih Kurumu, 1959. - P. 277.

this, those nations who try to follow the superstitions of the Middle Ages are condemned to be destroyed or at least to become enslaved and debased.[1]

"We lived through pain," said Mustafa Kemal, because we did not understand the conditions of the world. Our thinking and our mentality will have to become civilized. And we will be proud of this civilization. Take a look at the entire Turkish and Islamic world. Because they failed to adapt to the conditions and rise, they found themselves in such a catastrophe and suffering. We cannot afford to hesitate any more. We have to move forward.... Civilization is such a fire that it burns and destroys those who ignore it.[2]

In this context, it is obvious that Ataturk attempted to change society in the circumstantalist tie. Circumstantalism or instrumentalism treats ethnicity as a social, political, and cultural resource for different interest and status groups.[3] In the circumstantialism, ethnicity stamps from specific circumstances or situations. Ethnicity is a dependent variable and a socially constructed thing. Ethnic groups are not cultural groups but they are social groups so it changes depending on circumstances. Ethnicity is fluid that is temporary, contingent. The attachment to ethnicity can fade away quickly depending on conditions.[4] The main aim was to adapt to time's conditions.

While the transformation from Ottoman Empire to the Nation-state, it must be created also new citizen who adherence to the nation state. To change citizen in terms of both ideologic and gorsel is the first step for the new nation-state. The new man in terms of ideologic and gorsel creates the new woman and they create the new family formation and these families create the new nation-state. This issue is not real for the Turkish modernization but is feature of nationalist movements in general.

III. The Discussion of Mahalle Pressure

In ' Vatan' Newspaper in 25 May 2007, it was published the interview with Serif Mardin by Rusen Cakir. Mardin argued that In this interview 'there is one thing in Turkey that 'the mahalle pressure that sort out even AKP'. Then, Ayse Arman again made interview with Mardin and Mardin answered the question of her T could not say Turkey can be Malesia or can not Malesla'. Indeed, these two sentences were made the head of articles in the newspapers. However nobody has been interested in other argument of Mardin in the interviews except Ahmet Ta§getiren, Zeynep Gambetti ve Emre Kongar. According to Mardin in these interviews, there is one concept that mahalle pressure which is not in western literature, they say generally 'fundamentalism'. The social scientists in Turkey should explain this concept.

It is impossible to understand the mental of authors and scientists who use these sentences as a new concept as if mahalle pressure is just one social pressure. Indeed societal pressure, group pressure and the psychologist of mass have been used for this issue.

Mardin, indeed, uses this concept for the pressure of fundamentalist people in AKP. Fundamentalism can not refer just in one ideology; this concept can be existence in all ideologies. Some groups ;in Turkey understand Mardin's words like this 'if it is allowed to the headscarf in Turkey, tomorrow all woman will be obliged to wear headscarf and in conclusion Turkey •will be Malaysia'. However according to Mardin again in these interviews; 'only Гт sure that prohibition of headscarf is anti-democratic. This problem transforms to the ethical problem, there is no necessary to discuss. My decision is certain that students with headscarf can go to the universities. The headscarf problem is one of the issues that my decision is clear'. According to

[1] Ataffirk'Gn SSylev ve Demesleri, II. -Ankara: Turk Tarih Kurumu, 1959. - P. 212.
[2] Ibid.-P. 207."
[3] Hutchinson J. and Smith, A.(1996), Ethnicity. - Oxford University Pres. - P. 13.
[4] Aksafo, P., Ders Notian»

Ahmet Tasgetiren, 'Mardin was not accepted as a member of Turkish Scientice Academy (TUBA) for studying about Bediuzzaman and he was accepted as fundamentalist Muslim. Isn't there any mahalle pressure of Laicist Kemalist group? \

Indeed Serif Mardin argues that Mahalle pressure is not thing needed to be eliminated but if it interrupts your life and your rights, citizen must not be bowed to this pressure and can struggle against it. Do the social scientists see the normative %alue of society as a pressure element on the citizen or individual? Are condemn, decrial abnormal for the societal or mahalle pressure? If there is no social pressure and the normative value of society, men how can it provide to social cohesion in a society? Therefore all states try to access the traditional social organization's power like mahalle for producing and reproducing our ideology and our social norms. In my opinion about Mardin's interviews, 'in the modern society, there are different tendencies and they reflect on the individuals as a pressure of different ideologies. The important thing is that every individual must resist against them for their rights and their ideology or opinion. And, society could success to create the harmonic norms of these different tendencies or ideologies' values.

After one year, because of rising of the discussion about the concept of mahalle pressure, Mardin again tried to explain this concept. Shortly, he said that:

"In the Ottoman Empire, mahalle was real socio-spatsal unit.'In mahalle, there was TmanT, 'dervish lodge', 'kulliye' (complex of buildings adjacent to a mosque) and 'tradesman'. The structure of Republic has become competition with these socio-spatial units. Against the mahalle organization with their elements, norms and value, the Republic created and built new structure with modern teacher, school, student and modem books. In a long term, the teacher has been lost in the struggle between the traditional mahalle structure in terms of modern and traditional value. There is one small wrong of Kemaiism but indeed this is a big wrong result. Kemaiism is insufficient about 'good, true and beautiful in ethic'. In the Western, secular groups have discussed about this issue for a long time. However, today, in Turkey, citizen who finishes highschool knows nothing about this issue. When for a Song time you have studied Kemaiism, you understand the weakness of Kemaiism. 'peace in country, peace in world ' is not very meaningful concept. Where does come from this weakness and why does it continue for a long time? We see this ethical value as an unnecessary but Islamic education has done oppositely. This is not wrong of Islam but of Kemaiism. Kemaiism can not put new understanding of ethical value instead of Islamic value or can not use this Islamic value." (24.05.2008, Gurkan Akgiine§, 'Milliyet Newspaper)

After this argumentation of Mardin, in Turkey, some discussions occur. Some argue that the reason of lost of modem teacher against Imam is fundamentalist Islamic groups. On the other hand, others claim, that Kemaiism is weak ideology. So, all groups use Mardins' words for their ideology. Indeed there is one unquestioning thing that in Turkey there is gap *between,* modern teacher and Imam or political elite and mahalle. For example in Uzbekistan today, mahalle is tried to adapt to state organization and to integrate the modernization and traditional value through mahalle or the government use some traditions for creation the consciousness of citizen unlike Turkey. In Turkey, except some strategies, generally the political elite try to eradicate traditional organization and value instead of integration them to the state strategies, and these institutions try to continue their existence via like mahalle or mahalle pressure. So, there has been always some competition between the tradition and modernization or political elite and public.

In our country, at least for 200 years, the Westernalism process has continued, The political elite today, in globalization, is changing. It can be seen the division of this political elite in terms of the process of globalization and European Union. There are two groups in Turkish Political elite today.

Both of them disapprove the tradition and habits of Turkish nation. They who understand the Turkish Republic as the project of the new nation-building found the reasons of our arrearage in

our beliefs, traditions, being Turk and Muslim. In other words the differences between them are not to accept the strategy of Republic about nation-state building but in adapting it or not.

The first group is libera! groups who enter into alliance with Kurdish political groups and some Islamic groups. They accept that the Turkish identification is built by the republic or Turkish Political elite above the society but they argue that this identity can not success, because the cultural and political Turkish identity is the biggest encumbrance becoming the modern, global, western country.

On the other hand in this first group, the political Islamic groups want to imitate some intellectuals of some Muslim countries straggling against the being colony of western. They desire the creation of'Ummef (Muslim) society instead of Turkish identity. The last group in the first group is Political Kurdish group that does not accept Turkish identity as a supra identity in Turkey.

The second group, on the other hand, argues that it should be accept the Turkish identity created by the Kemalist political elite without dispute instead of Ottoman identity. They say that the new society must be safe from all ties of its past and its collective memory must become non-exist with Republic. Of course, when past time or collective memory of society are ignored, they can not put the project that satisfy the people who ask the question about what should be the cultural code of society, motivation and spiritual value of society.

Is not possible to integrate the modern teacher and imam together in mahalle or the new social units? Some authors argue that if the village institutes (established in single party era) were not closed, the modern teacher has not lost in competition with imam. In my opinion, in the village institutes, the modern teacher trained about milking animal, being gardener, carpenter, farmer etc would have been educated about the needs of the religion and beliefs of people, this beating could not have experienced...

Coaclnsioa

Ottomanism, Pan-Isianiism and Pan-Turkism were all doctrines intended to save the Onoman Empire, to halt its fragmentation. They represented different ideas as to what the basis of loyalty should be for the subjects (eventually citizens) of the empire. The changing realities of the time, as the empire continued to lose territory and the Onoroan Turks found themselves more and more in the majority in the territory that remained under Ottoman control, eventually led to an increased emphasis on Turkism and finally to Turkish nationalism based on the territory that remained in Anatolia and Thrace. At the same time, the older Onoman-Islamic identity never completely disappeared, despite the Kemalist program of Turkification, secularization and Westernization.

Modernism occurs and continues in two ways; the modernization of society and the modernization of state. The Turkish modernization is example of the second modernization process. The state modernization can be realized through the creation of the modem bureaucrats and then the modernization of.society was realized by the political elite through the creation the new modern citizens via the modem education and the cultural reform.

In Turkey, the main actor of the modernization story has been state. Therefore the modernization process should only be explained the struggle for acquiring state power between different political groups. Starting with II.Mahmud, the main axis of modernization process has been western world and crucial areas of this modernization are education and legislation. Then, the modernization process in the Republic period was different from the past time in terms of the main areas of reforms that in cultural and social life. In that period it was tried to create the new modem, rational citizens. The modernization efforts can create the new modem political elite that had governed this process for 50 years. This elite group had legitimized their power through commitment to

responsible of modernization and also therefore they can again reproduce the modernization ideology.

The new Tanzimat educational system also led to the creation of a new elite which "adopted European tastes in dress and in social intercourse, in literature and in thought.'" This new elite soon developed a sense of group identity. Became "the bearers of public opinion," and "proceeded to form political associations to give expression to such opinions."

The modernization process needs the democratization in the political area. However in Turkey, because the main actor of modernization is political and bureaucratic elite, there is paradoxical situation between top-down strategy and democratization. According to Heper, there has been always discussion between bureaucratic elites in terms of democratization and multi-party system since the Tanzimat period.

In Turkish history, it is accepted that all behave or decision of civil political elites are for modernization and all opposition movements against this political elite counter against to the modernization. Indeed some resistances to the decision of government are not against the modernization but against the imposed of western countries or against the undemocratic implementation of government. In addition to that some decisions of political elite have been not for modernization but for oppression of western countries or for their power. Also the resistance of social groups to some strategies of political elite must not be accepted against the modernization. Even in directly contradiction, some implementations of the state or political elite have been opposite to modernization and the resistances of social groups to these have been for modernization and modern and rational individual or citizens...

Ж Мустафаева,
(Узбекистан)

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗМ В НАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ И АДАПТАЦИЯ

В начале XX века в Туркестане одной го актуальнейших задач, требующих безотлагательного решения, считалась проблема просвещения, школы к кадров. В тот период представители джадидского движения во главу угла ставили задачи кардинального преобразования системы образования и учебно-воспитательной работы, создания новых школ и управления ими. Но пришедшие к власти в Туркестане после октябрского переворота 1917 года большевики сразу же предприняли энергичные усилия по кардинальной ломке прежней системы народного просвещения, ликвидации традиционных мактабов, насильственному внедрению унифицированной модели «социалистического образования». Исходящая из центра стратегия «радикального обновления» образовательной сферы базировалась на большевистской программе «культурной революции», при этом совершенно не учитывалось мнение широких народных масс. В частности, о полном игнорировании интересов коренного населения ярко свидетельствует тот факт, что в составе комиссариата народного образования не было ни одного представителя местных национальностей'. В процессе "штурмового наступления" оказалась уничтоженной не только бывшая структура образования царской империи в Туркестане, но и массированный удар обрушился на мусульманскую школу, не остались без внимания и джадидские новометодиые мактабы, представляющие перспективную форму национального образования.

[1] Егоров Ф. К вопросу о просвещении мусульман Туркестана // Коммунист. 1918,1 дек.

В первые годы советской власти в Туркестане наблюдалось непродуманное и беспорядочное строительство школ, а также весьма низкий уровень подготовки учителей. Материальное обеспечение школьного строительства неуклонно возрастало без учета наличия денежных средств, жилищного фонда и кадров. Современники того времени Фами Русаль и П. Сербов объясняют эти просчеты «экспериментом» и отсутствием планомерного централизованного руководства[1]. Результатом этого явилось бессистемное и неорганизованное строительство школ в Туркестане, порой оно имело даже самоуправленческий характер. Тилля Хонджа, писавший под псевдонимом «Ишчи» («Рабочий»), иронизировал, по этому поводу таким образом: «.. .хотя и было ясно, что мы не в силах вести в трех - четырех школах, мы открыли по шестьдесят - семьдесят школ и как обычно в подобных случаях были довольны и гордились этим. Естественно, как гласит пословица "что есть в котле; попадает в половник, а поскольку в нашем котле ничего нет, то и половник оказался пустым»[2]. Наряду с этим, чем больше открывалось школ, тем больше они теряли своё значение.: Дефицит кадров, острая нехватка учебников и пособий, отмена экзаменов - все эти факторы вкупе привели к тому, что школа лишь номинально являлась ею. Ш.Рахими писал, что «школы открывались гювсюду лишь бы была более или менее подходящая постройка и количество учеников»[3].

Острым дискуссионным вопросом в тот период выступила проблема учительских кадров. В газетно - журнальных публикациях рассматриваемого периода высказывались различные точки зрении о подготовке учителей, их материальном положении, социальном статусе[4]. Особенно горячие споры вызвала проблема кадрового обеспечения новых школ. Ведь при стремительном расширении сети советской системы образования подавляющая часть прежнего учительского корпуса либо по идейным соображениям не допускалась в советскую школу, либо они сами отказывались работать в ней. В сложившихся реалиях задача кадрового дефицита решалась властями путем подготовки «новых учителей» на краткосрочных курсах. Такая форма позволяла обеспечить их ускоренный рост, но качество подготовки было чрезвычайно низким. Тем более, что слушатели комплектовались, как правило, из числа малограмотных рабочих и беднейшего дехканства. Такие курсы Тилла Хонджа, к примеру, назвал «учительским заводом», «каждые два месяца готовивший сотни учителей, в руки которых мы должны доверить судьбу наших школ»[5]. Эти рассуждения автора помогают нам представить истинное положение дел в этом вопросе.

Для обсуждения сложившейся ситуации 11 ноября 1923 года Советом Народных Комиссаров (СНК) с участием работников культуры и системы образования было проведено расширенное заседание, посвященное вопросам школьного образования. На заседании отмечалось, что школы возникали в стихийном порядке, без какой-либо определенной программы и в настоящее время Б связи с передачей школьного дела на местный бюджет они оказались

[1] Фами Русаль, Народное просвещение в Туркреспубяике // Жизнь национальностей. Кн.3-4. 1923. - С. 99; Сербов П. Общая характеристика, начального образования в Туркестане // Наука и просвещение, 1.922. № 2. - С. 24.

[2] Ишчи. Инкилобий рухда тарбия лозим // Билим учога. (Рабочий. Нужно воспитание в революционном духе // Очаг знания). 1922. № 1. - С. 50.

[3] Рахимий Ш. Просвещение узбеков // Наука и просвещение. 1922. № 2. - С. 43.

[4] Исмоил Х,аккий. Маориф масаласи // Иштирокиюн (Вопрос просвещения // Коммунист). 1919,5 июнь; Сайд Ахрорий М. Кавдай киши мураббий була олур? // Маориф ва маданият (Какой человек может быть учителем? // Просвещение и культура). - Бухара, 1923. № 1. - С. 50-51; Лусьев И. Школа и жизнь // Наша газета. 1918,19 май; Флорентьев Б. К вопросу о новой школе // Народный Университет. 1918,15августг, Севастьянов И. Экспертиза учителей // Туркестанская правда. 1922,15 декабрь и др.

[5] И.шчи. Инкилобий рухда тарбия лозим // Билим учоги. (Рабочий. Нужно воспитание в революционном духе // Очаг знания). 1922. № 1. - С. 50.

в крайне сложном положении[1]. Их развитие рассматривалось в три этапа. Первый этап, включающий в себя 1918-3921 годы, знаменуется созданием в крае 10 - 11 тысяч школ. Деятельность властей в этот период осуществлялась в духе «революционной поспешности», без учета местных задач, условий и требований. Еще одним фактором способствующем тому, что мусульмане отдавали своих детей в советские школы послужило то, что в программу обязательного обучения в них были включены уроки религии[2]. В своем отчете на I съезде представителей народного просвещения Туркреспублики, проходившем 23 мая 1920 года, заведующий отделом народного просвещения города Ташкента С.Тилляханов указывал, что в советских школах было введено изучение Корана[3]. Кроме того, значительная часть джадидов, прогрессивной интеллигенции, стала работать в советских органах просвещения и культуры, чтобы продолжать свое призвание служить народу. Второй этап стал периодом распада. Так как советское правительство не могло обеспечить: учреждения, находящиеся в ведении Народного Комиссариата Просвещения, то из 11 тысяч учебных заведений только 35 остались на государственном обеспечении, остальные было решено обеспечивать за счет местного бюджета. Это привело к тому, что школы не финансировались по четыре - пять месяцев и вскоре многие из них прекратили свою деятельность. За этот период количество школ сократилось на 1.139, из которых 539 позднее стали функционировать за счет средств местного населения[4]. Третий этап начался в 1922 году, когда население, разочарованное положением дел в школах, перестало посылать туда своих детей и вновь стало опираться на старые школы и медресе. Негативное влияние новой экономичес-' кой политики практически на все сферы системы образования нашло отражение в высказываниях авторов того времени. Выражаясь языком того времени, авторитет советских школ в народе стал резко падать и «можно с уверенностью говорить о том, что они не отвечают поставленным требованиям, в них нет жизни»[5]. Так, если до осени 1921 года в старогородской части Ташкента функционировало более ста советских школ, с ведением новой экономической политики их стало меньше двадцати[6]. В результате этого, ранее прекратившие своё существование традиционные религиозные школы вновь начали свою деятельность. Это объясняется и тем, что советская власть, осознавая глубокое и всестороннее влияние исламской религии на жизнь местного населения, разрешила существование религиозных школ, но это было временным тактическим ходом.

В народе резко возросла потребность в религиозных школах, так как в условиях новой экономической политики многие слои населения предпочитали заниматься домашним хозяйством и торговлей. В своей статье В. Билик, освещая деятельность религиозных школ в Туркестанском крае, писал: «Большой авторитет мулл в народе способствует усилению значения религиозных школ»[7]. Автор статьи «К вопросу о всеобщем обучении в Туркреспублике», рассматривая систему образования в школах края, отмечал, что «возможно советские школы вскоре окажутся островком в море конфессиональных школ»[8]. В этот период неоднократно высказывалось мнение о привлечении народных масс вновь

' Стенографический отчет расширенного совещания деятелей культуры и просвещения, созванного 11 ноября 1923 года Советом Народных Комиссаров по вопросу народного просвещения. Т., 1925. стр 6.

[2] Мунаавар Кори, Афандизода М. Мусулмон мактабларида дин дарслари // Иштирокиюн (Уроки религии в мусулманских'школах // Коммунист) 1919, 28 апрель; Завкий Х. Халк, мактабларида дин дарси // Иштирокиюн (Уроки религии в народных школах // Коммунист). 1919,11 июль.

[3] Культурное строительство в Туркестанской АССР. Сборник документов. - Ташкент, 1973. - С. 188.

[4] Стенографический отчет. . . - С б .

[5] Шукуров А. Мусульманские школы в Туркестане // Наука и просвещение. 1922. № 1. - С. 33.

[6] Там же. - С. 36.

[7] Билик В. Роль конфессиональной школы в жизни Туркестана // Наука и просвещение. 1922. *ШЛ,* - С. 27.

[8] К вопросу о всеобщем обучении в Туркреспублике // Наука и просвещение. 1922. № 1. - С. 55.

в советские школы путем введения урока религии и привлечения учителей Мадраса, что упрочит их значение. Этот вопрос был рассмотрен на съезде работников узбекской культуры и просвещения, на котором было принято решение о том, что «учитывая состояние высокого уважения масс к религии для привлечения детей в новую школу следует ввести в программу школ уроки религии»[1]. Наряду с этим были выдвинуты предложения о пересмотре деятельности старометодных школ. По общему мнению, в школах необходимо обратить особое внимание на учебно - воспитательную работу, ввести в программу такие предметы, как арифметика, география, история, а также чтение и грамматика; упорядочить ведение уроков религии, а чтение Корана необходимо осуществлять в разумных пределах. Согласно другим предложениям, временно «в возникших условиях можно разрешить изучение Корана вне школы, лишь в свободное от школьных занятий время»[2]. Также отмечалось, что во многих местностях от верующих поступили заявления, в которых предлагалось оказать «материальную помощь, если в советских школах будет введено и религиозное обучение»[5].

Начиная с 1924 года происходит «советизация» традиционных (старометодных) школ и уже с 1 апреля того же года в соответствии с решением особого Главного Вакфного управления при Наркомпросе в этих школах была введена единая программа о.трудовом воспитании. До этого момента 50% учебного плана составляло изучение правил религиозной морали и чтение Корана. Мунаввар Кары Абдурашидханов, являвшийся членом: Главного Вакфного управления, в своём отчете приводит конкретные сведения о том, что основная часть вакфных доходов расходуется на нужды сферы образования к культуры. Он сообщает, что Главное Вакфное управление, оставив для своих нужд всего 10% от общего дохода местных отделений, остальные 90 % расходует на дела просвещения и культуры (общий доход вакфного управления в 1923 году составил 6.529.652 рубля)[4].

В 1923 году в Туркестане действовало 1329 старометодных и 908 советских школ[5]. В свою очередь, этот факт серьезно обеспокоил правительство большевиков. В этот период ужесточавшиеся с каждым днем идеологические запреты были направлены на уничтожение национальных традиционных старометодных школ и эта цель вскоре была достигнута. Отныне население привлекалось в советские школы в принудительном порядке. Хотя статистика свидетельствовала о высоких показателях посещения учащимися советских школ, на самом деле, из 100 детей только 8 учились именно в них[6], а в кишлаках советская школа охватила только 5% детей школьного возраста[7]. Анализ тендерного состава этих школ подзывает, что девочки в основном посещали традиционные школы, Это объясняется тем, что в силу веками складывавшихся традиций, совместное обучение мальчиков и девочек в одной школе не вписывалось в сознание людей этого периода. И даже те семьи, которые все-таки решались отдавать своих девочек в советские школы, после одного-двух лет обучения. в них забирали назад в религиозные школы.

В 1927 году развернулась борьба против старометодных школ, независимо оттого, были они реформированы или нет. На III сессии ЦИК Узбекской республики было принято ре-

[1] Наука и просвещение. 1922. № 1. - С. 45.

[2] Олчин. Бизда мактаб масаласи // Билим учоги. (Школьный вопрос у нас // Очаг знания). 1922. № 1. - С. 87.

3 Манатов Ш. Больные вопросы просвещения на Восточных окраинах // Жизнь национальностей. 1923. Кн.2. - С. 82.

[4] Мунаввар Кори. Бош вакф идорасининг бир йиллик хисоби. (Годовой отчет Главного Вакфного Управления) // Фаргона. 1924, 7 февраль.

[5] Народное образование в Узбекской Республике за 25 лет (1924-1949). - Ташкент, 1949. - С. 24.

[6] Материалы ко второму Курултаю советов. - Сам., 1927. - С. 19.

[7] ЦГА РУз, ф.86, оп. 1, д. 3103, л.122.

шение о закрытии традиционных старых школ[1]. Если в одном Андижанском округе в 1926-1927 годы было 410 старометодных школ, то в 1927-1928 годы осталась 21 из них, т.е. 93% сократилось в течении года[2]. Эти школы были заклеймены как «буржуазно-джадидские школы», а интеллигенция и верующие как «классовые враги».

.А. Хакимвв,
(Узбекистан)

СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПАРАДИГМА В ИСКУССТВЕ УЗБЕКИСТАНА 1920-30-х ГОДОВ-

Генезис и развитие новых форм искусства в Средней Азии на протяжении XX столетия представляет собой уникальный историко-культурный феномен. Произошла глобальная культурная трансформация в регионе, имевшем устойчивые эстетические традиции, формировавшиеся под сильным влиянием ислама. С появлением в начале XX века новых европейских форм искусства - станковой и монументальной живописи, скульптуры, графики, театра, балета, симфонических жанров музыки, кино, телевидения и др. - произошли′ принципиальные изменения в культуре, искусстве и общественном сознании народов региона. На протяжении XX века здесь наблюдается полноценное функционирование транс-; плантированных европейских форм искусства. Благодаря железному атеистическому заиавесу и изолированности от внешних исламских воздействий, в этих республиках адаптация новых форм искусства шла относительно безболезненно и быстро. Их культурное развитие в рамках тоталитарного государства с конца 1920-х до начала 1990-х годов строилось на атеистическом и коммунистическом мировоззрении и философии, возведенных в ранг государственной политики. Новая страница в истории национального искусства открывается с обретением Узбекистаном своей независимости, когда художники получают возможности для свободного творческого самовыражения. Таким образом, история искусств Узбекистана последнего столетия имеет свою стратиграфию стилей, изменение которых было тесно связано с социально-историческими процессами.

Особое значение для осмысления вопросов становления и развития национального искусства в ретроспективе всего столетия имели 1920-30-годы. В конце XIX века наиболее значимыми полотнами, передающими реальность Туркестана в ее жестком критическом освещении, были картины В.Верещагаиа - своего рода социально-художественная антиутопия. Нигилизм его социальной концепции остался недоступным большинству других российских художников, работавших в это же время в Туркестане и создававших большей частью этнографические зарисовки. Особой заостренностью социальных оценок отличаются работы В. Верещагина «Пленные» (1870), «Двери Тимура» (1871 г.) и др. Однако со временем академическая живопись теряет свою актуальность. Тенденция социальной характеристики реальности, обозначенная В.Верещагиным, в искусстве начала XX века уступает место гедонистической эстетике и идиллическим картинам. Во многом этому содействовали авангардные тенденции европейского искусства - кубизм, футуризм и т.д., которые получают здесь распространение благодаря творчеству художников А.Волкова, А.Исупова, О.Татевосьяна, А.Николаева и др. Искусство чистых

> ЦГА РУз, ф.94, оп. 5, д. 62, л. 3.
[2] Там же.

форм, эстетизация быта туркестанского жителя постепенно превращается в одну из ведущих тенденций искусства начала XX века. Именно это направление стало определять актуальную линию искусства 1920-х годов. Образы людей Туркестана составляют достаточно широкий спектр и хорошо представлены в фотографиях в известном «Туркестанском альбоме», изданном в 1887 году - это водонос (кузакаш), продавцы, ремесленники, музыканты, чайханщики представители местной аристократии, маскарабозы - местные скоморохи и т.д. Сравнивая эти фотоснимки с живописными работами художников, можно заметить достаточно выразительный уровень эстетизации и некоей идеализации этих образов и антуража. Это характерно для работ А.Исупова («Восточное кафе», 1914 г.), О.Татевосьяна («Изгнание джина», 1919 г., «Каллиграф сакральных надписей», 1920 г., «Сбор тута», 1921 г.), Н Григорьев («Печальная песня», 1919 г.), А. Николаева. («Жених», 1920-е гг., «Музыкант-бача», «Весна», «Водонос. Ляби хауз. Бухара» - все 1924 г., «Учитель», 1926 г.), А.Волкова (серия танцующих и музицирующих персонажей начала 1920-х годов, апофеозом которых является картина «Гранатовая чайхана» 1924 г., серия работ на тему караванов и др.). Яркая декоративность и метафоричность языка отличает работы А. Николаева. Эти же черты характерны и для работ О. Татевосьяна. Работы А, Волкова выполнены в кубистической манере - живопись сознательно идеализирует реальность, используя выразительность чувственной эстетики Востока. Ритм ярких цветовых пятен, линий, силуэтов создает ощущение медитативное™ и мистического, внесоциального пространства. Таким образом, каждый из упомянутых художников интерпретирует персонажи в своем индивидуальном пластическом стиле, но общая тенденция поэтизации бытовой повседневности характерна для всех этих картин. Эта в известном смысле утопическая, идеализирующая местный ландшафт эстетическая концепция существовала примерно 10-15 лет - вплоть до конца 1920-х годов.

В первые: годы установления режима коммунистической власти и соответствующего мировоззренческого переустройства общества, насильственная девальвация традиционных устоев, с одной стороны, и метаморфозы в искусстве - с другой, как бы не соприкасались. Свобода творческой ориентации пока не лимитировалась официальной риторикой. Борьба с прошлым за мифологизируемое будущее обходилась без очевидного вторжения.в творческие процессы. Но уже к концу 20-х - началу 30-х годов идеологический прессинг вынуждает художников расстаться с идеалами, утопиями и экзотимо-ориенталистсиой стилистикой. Если судить по картинам художников, то в конце. 1920-х годов - точнее в 1927-1929 гг. - происходит фундаментальное изменение в интерпретации реальности, наступает смена приоритетов - художественное сознание следует за идеологическими установками. Несмотря на смену сюжетов, пластические свойства декоративной живописи еще-сохранялись - реализм постигался медленно. Трансформация стиля не успевает за быстро сменившимися критериями. Так, в известной работе Урала Тансыкбаева «Портрет узбека» (1934 г.) традиции декоративной живописи 1910 - начала 20-х гг. еще не совсем забыты, хотя социальные интонации здесь уже иные. Такая переходная эстетика, когда наблюдается своеобразный стилевой симбиоз авангардных, метафорических пластических приемов; и попытки реалистической трактовки образов, отличает работы художников 1929 - начала 1930 гг. Их отличает некая примитивность пластики, связанная с процессом сложной и драматической по своей сути адаптации живописных приемов к новым требованиям времени и идеологическим установкам властей. Это картины М.Курзика «В чайхане» (1929 г.), Н. Карахана «Девушки с кетменями» (1931 г.), «Поливальщик» (конец 1920-х гг.), «Сбор пшеницы» (1930 г.), У. Тансыкбаева «Сбор яблок» (конец 1920-х гг.), А. Волкова «Сбор хлопка. Часть триптиха «Хлопок» (1930-1931 гг.) и др. В данном случае, примечательным было совмещение в одном коротком отрезке времени процесса распада прежних иллюзий мифотвор-

чества на темы дремлющего гедонистического Востока и формирования новых социально-мифологизирующих схем. Природа этого явления, легко наблюдаемого, но, безусловно, не безболезненного для самих художников, определяет своего рода "осевое время" (по выражению Ясперса) в искусстве региона всего XX в.

Рождение же собственно искусства соцреализма в Узбекистане датируется 1933-1934 годами, в эти годы мемориальный стиль предшествующего десятилетия окончательно уступает место новой модели пластической и смысловой интерпретации. Это демонстрируют картины А. Волкова «Стройка кирпичного завода» (1933 г.), У. Тансыкбаева «Автогенная сварка» (1930-е гг.), «Загрузка мартена» (1933 г.), М. Курзина «Бригада деревообделочников» и «Пожарная команда» (обе - 1934 г.)

Именно из этих двух типов восприятия Востока (реальности вообще) - мемориального (национальный миф) и футурологического (социальный миф) - сформировался весь последующий спектр пластического языка и жанров искусства Узбекистана. Естественные для почти вековой эволюции искусства стилистические модификации не затрагивали, однако, его фундаментальных основ, заложенных в 20-30-х годах биполюсным, расщепленным по отношению к истории, к категории времени художественным сознанием.

Различными были динамика проявления этих двух типов восприятия Востока. Футу-, рологическая интерпретация (социальный миф), спровоцированная новой идеологией, в 1930-1970-е годы преобладала в передаче конструировавшихся в сознании художников социальных утопий, став пластическим брендом соцреализма. Футурологическая концепция малоинтонационна, тяготеет к сюжетопостроению. В перспективе ее модификации представляются достаточно жизнеспособными, что обусловлено широким и богатым жанрообразующим потенциалом этого направления. Исходная позитивная эстетика социального мифа выражается в различных формах: от визуально очевидных, документально-протоколирующих (миф описания 50-60-х годов.) до отвлеченно абстрагирующих, нередко обнаруживаемых в пофаничной зоне с мемориальными концепциями (1980-1990-е годы). Здесь следует упомянуть наиболее известные имена, представляющие эту тенденцию в национальном искусстве - Р. Ахмедова, Н. Кузыбаева, М. Саидова, Т. Оганесова, ЗДногамова, а также модернизировавших приемы реалистической пластики, но не изменившие ее идеологической сути, картины живописцев другого поколения - Р. Чарыева, В. Бурмакина, Ю. Т'алдыкина, Ю. Мельникова, Ю. Стрельникова и др. Мемориальная концепция основана на более широком спектре образно-пластических интонаций. Вызовы истории воспринимаются в двух этих направлениях соответственно указанным свойствам. Приверженцы социального мифа заняты сменой сюжетов и тем, а сторонники мемориальной линии - поиском новых пластических приемов.

Обретение Узбекистаном независимости и формирование здесь новых идеологических приоритетов, основанных на героизации собственной национальной истории, усилили значение и актуальность мемориальных концепций в современном искусстве. Это картины М. Юлдашева, А. Аликулова, Т. Курязова, Э. Машарипова, М. Набиева и др. Однако притягательная своей лексикой мемориальная линия (тенденция отношения к Востоку как экзотической субстанции), выразительно обозначенная в творчестве раннего А. Волкова, Усто Мумина и ими же прерванная в конце 1920-х годов, вдруг отчетливо прорисовывается в возрожденном национальном мифе у живописцев поколения начала 1990-х. годов. Это отчетливо наблюдается в творчестве таких художников как Б. Джалалов, Д. Умарбеков, Л. Ибрагимов, Г. Кадыров, А. Нур, Ш. Хакимов, С. Алибеков, Н. Имамов, Б. Исмаилов, Т. Каримов, Х. Зйеханов, Файзулла и Фаррух Ахмадалиевы и др.

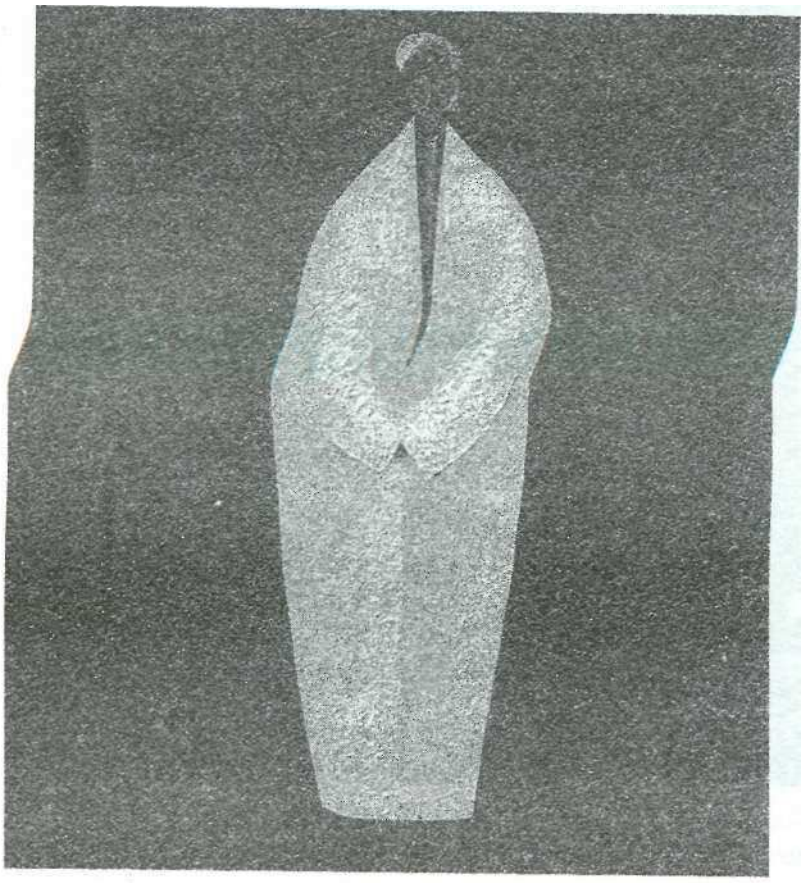
Несмотря на столь сложные и динамичные взаимодействия и взаимоотношения двух основных мифологизирующих концепций остается безусловным одно - тезис о главных

истоках их генезиса - политических трансформациях в Узбекистане 20-30-х годов, расколовших художественное сознание на две магистральные линии. Как в тот период, так и впоследствии фактор политики и официальной идеологии играл довлеющую роль в модификации, видоизменении и взаимодействии этих двух форм художественного восприятия и соответственно - в стратегии развития национального искусства в целом.

Алексей Исупов. Восточное кафе.
1914-1921 гг.

Н. Григорьев. Печальная песня. 1919 г.

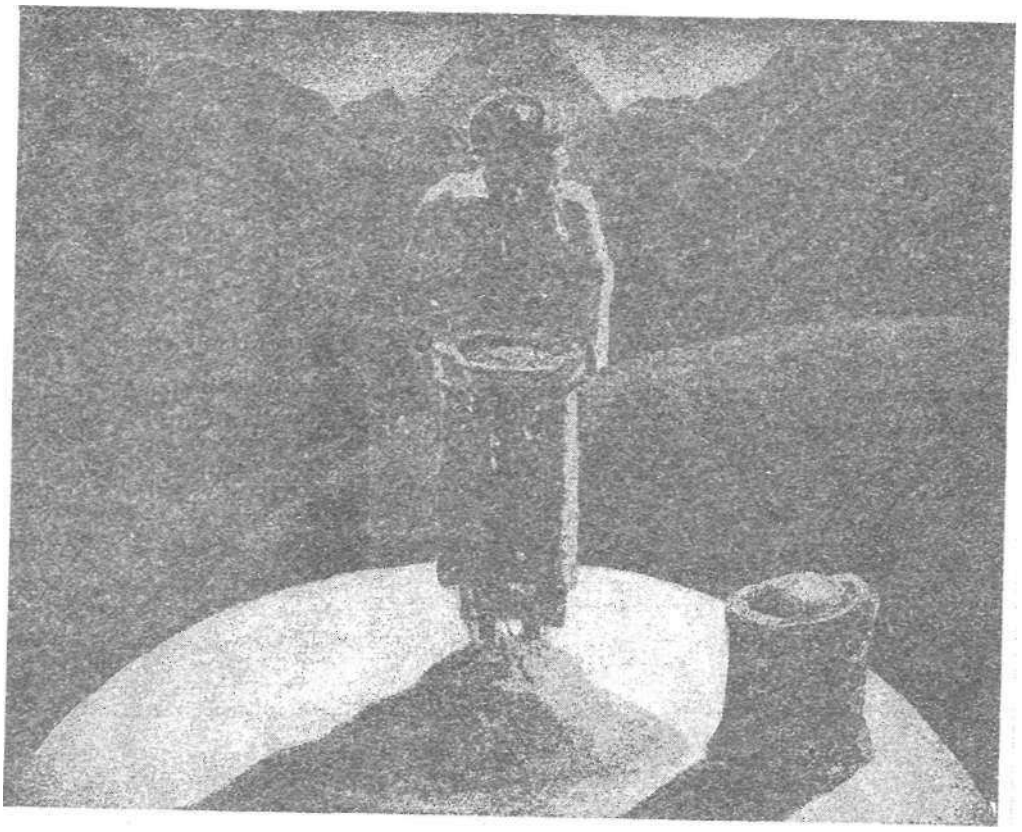
А. Николаев. Учитель. 3926 г.



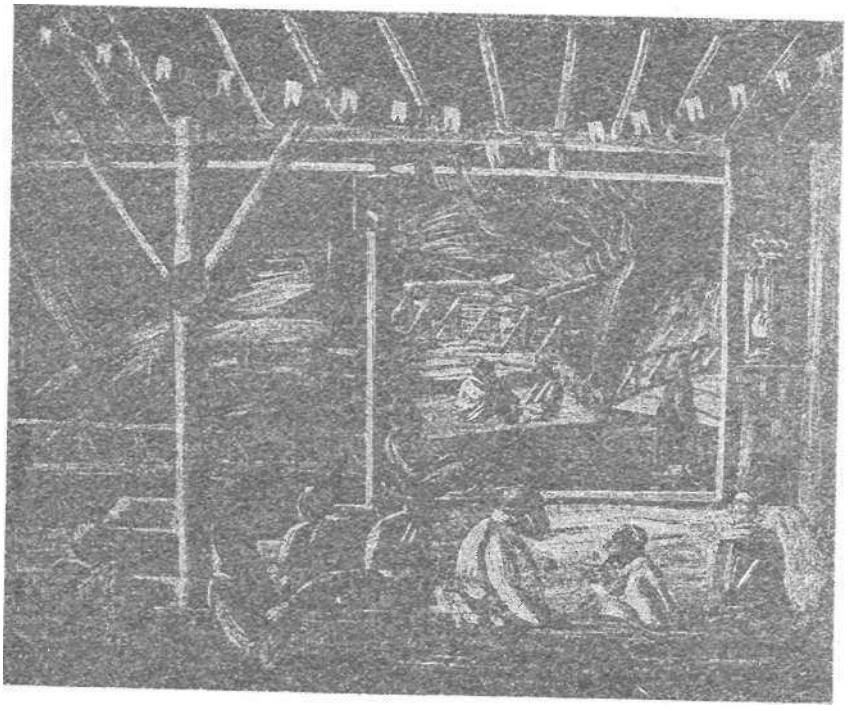
А. Николаев. Жених.
1920-е годы.

А. Волков. Каравая. 1924 г.

Н. Карахан. Поливальщик. Конец 1920-х годов.



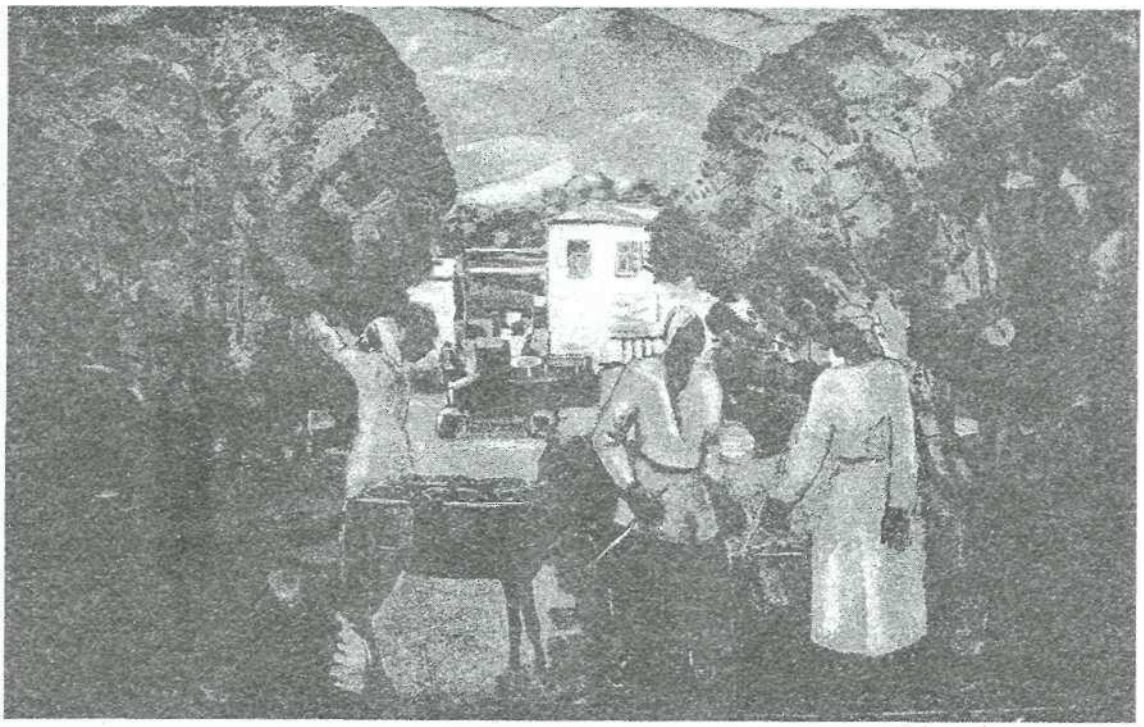
Н. Карахан. Веятель в горах, 1929 г.



Н. Мурзин. В чайхане. 1930 г.

А. Волков. Венне-поливые работы. 1930 г.

А. Волков.Сбор хлопка. 1930- 1931 гг.



У. Тансыкбаев. Сбор яблок. 3 920 г.

У. Тансыкбаев. Портрет узбека. 1934 г.

ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП

В. Хан,
(Узбекистан)

КОРЕЙЦЫ В ТУРКЕСТАНЕ И СТЕПНОМ КРАЕ В КОНЦЕ XIX - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВВ.

Корейская миграция и проблема адаптации в иноэтнических средах

В научной и публицистической литературе неоднократно отмечалось, что для корейцев характерны мобильность и высокий уровень адаптации в новых этнических средах. На протяжении многих столетий Корея следовала политике изоляционизма, но со второй половины XIX века[1], когда страна стала открываться миру, начинается масштабная корейская иммиграция за рубеж. В настоящее время корейцы проживают в 151 стране мира. По состоянию на начало 2005 г. за пределами Кореи проживало 6 638 338 корейцев[2].

Если говорить об адаптивных способностях корейцев, то, где бы они не оказались, - в США, Канаде, Европе, Японии, СССР - они демонстрируют высокую степень интеграции в новое общество и значительные достижения. Так, А. Шальнев пишет следующее об американских корейцах: «Корейцы в сегодняшней жизни Америки - категория:примечательная. Тем, что личная история чуть ли не каждого корейского иммигранта - это история успеха. Необычайно трудолюбивые, способные трудиться едва ли не круглосуточно, чрезвычайно целеустремленные, прекрасно понимающие, что полагаться могут - и должны -'только на свои силы, корейцы, начиная фактически с нуля, постепенно и все более явственно становятся одной из весьма благополучных прослоек американского общества - в коммерции, в бизнесе, в науке».[3]

Еще более высокие достижения можно зафиксировать у корейцев СССР/СНГ, прежде всего, в республиках Центральной Азии. Достаточно упомянуть, что более чем 200 корейцев стали обладателями звания "Герой Социалистического Труда" за выдающиеся достижения в области сельского хозяйства. Но корейцы могут гордиться не только успехами в этой области, Среди них есть:

* крупные политики и члены правительств (вице-премьер министр, министры и заместители министры, депутаты парламентов, председатель Конституционного суда);
* действительные члены и члены-корреспонденты АН СССР и национальных Академий наук, руководители учебных и научных подразделений (ректора и проректора, деканы и заместители деканов, заведующие кафедрами высших учебных заведений; директора и заместители директоров, начальники отделов и секторов научно-исследовательских и проектных институтов);
- руководители крупных промышленных, финансовых и сельскохозяйственных государственных и частных предприятий; национальных авиакомпаний, банков;
- известные спортсмены (олимпийские чемпионы, призеры чемпионатов мира и Ев-

[1] Исключение составляет Китай, имеющий протяженную границу с Кореей, через которую миграционные процессы шли на протяжении всей истории обеих **стран.**

[2] http://mvw.okf.or.kr/data/status.jsp

[3] Известия. 1990,15 мая.

ропы, чемпионы мира в профессиональных видах спорта, победители различных международных турниров, чемпионы национальных чемпионатов СССР и стран СНГ, старшие тренеры сборных команд, руководители национальных олимпийских комитетов, руководители ассоциаций по различным видам спорта);

- известные, получившие международное признание, писатели, композиторы, художники, артисты эстрады, оперы и балета и т. д.

В чем причины данного феномена? Наряду с трудолюбием, практицизмом, мотивацией выживания в тех или иных культурных и политико-экономических условиях, отметим также нацеленность корейцев на интеграцию в новое общество, усвоение его базовых ценностей. Так, говоря о конфликте поколений среди американских корейцев, У. Паттерсон заключает: «В конфликте между соблюдением корейских ценностей или принятием американских ценностей первое поколение в целом не добилось успеха в том, чтобы их дети - второе - поколение следовало корейским ценностям»[1]. Он также пишет; «Корейцы второго поколения в основном отмечают только американские праздники»[2]. Аналогичную тенденцию у корейцев СССР/СНГ зафиксировала М.Р. Ким по отношению к национальным народным песням: «Сфера бытования корейского традиционного фольклора, в основном, ограничена старшей возрастной группой. … Молодое поколение, в основной массе, утратив язык, не зная традиций, не имея опыта в восприятии народной музыки, не проявляет интереса к фольклору»[3].

Наиболее ранняя волна корейской иммиграции (вторая половина XIX в.) приходится на Маньчжурию и российское Приморье. Если учесть массовый хараггер этой миграции, то адаптационные возможности корейцев на новых территориях во многом зависели от *отношения* властей к этой миграции. Кроме того, вполне естественным выглядит формирование *коллективной* модели выживания *в* адаптации. В связи с этим логичной становится постановка вопроса о том, каким образом проходила адаптация корейцев-одиночек или отдельных корейских семей (небольших групп), волею судеб оказавшихся далеко за пределами компактного проживания корейского населения. Причем речь идет о местах, во многих отношениях отличных от дальневосточного Приморья, и в которых отсутствовала специальная политика в отношении корейской иммиграции. В таких условиях оказались корейцы, переселившиеся в Туркестан и Степной край.

Корейцы в Туркестане и Степном крае

Переселение проживавших на Дальнем Востоке корейцев в Центральную Азию в рамках царской России было крайне незначительным. Тем: не менее, оно имело место, и на первом этапе, охватывающим вторую половину XIX века, было связано с естественным и стихийным расселением корейцев в рамках России в поисках заработков и лучших условий жизни.

Незначительное количество корейцев, выехавших за пределы дальневосточного края, оказались и в центрально-азиатском регионе Российской империи - Степном крае и Туркестане. Корейцы прибывали сюда из разных регионов России. Так, судя по документам из Акмолинского областного архива, корейцы прибыли в область из Енисейской, Иркутской,

[1] Patterson W. To be Korean or American. Negotiating Korean Identity among Koreans in Hawaii, 1903-1945. - Paper for presentation. "Korean Identity in the New Millennium". June 27-29. 2000. **Pundang,** Academy of Korean Studies. Panel 6. - P. 29.

[2] Ibid.-P. 11.

[3] Ким М. Р. Музыкальная культура коре сарам // News on Korean Studies in Kazakstan and Centra' Asia. - Almaty-Heisinki, 1993, N 4 . - P . 32.

Оренбургской, Тобольской, Томской губерний, из городов Иркутска, Ишима, Красноярска, Москвы, Новониколаевска, Перми, Тобольска, Томска, Тюмени, Челябинска, Читы[1].

Второй этап переселения корейцев в Центральную Азию связан с отношениями царской России с Японией, приведших к войне. Как пишет Г. В. Кан: «В преддверии и в годы русско-японской войны русские власти предпринимали меры по административному переселению корейцев вместе с другими «желтолицыми» из пограничных районов в глубь империи в частности в Западную Сибирь и на Урал, районы непосредственно граничащие с Казахстаном»[2]. Автор приводит документ - секретный циркуляр директора департамента полиции МВД от 1 б сентября 1904 г. о том, что есть сведения, «будто бы некоторые подкупленные Японией корейцы и переодетые в корейское платье японцы занимаются разведками … в местах расположения наших войск на Дальнем Востоке»[3]. В качестве следствия данного циркуляра в этом же месяце властями через границу Степного генерал-губернаторства во внутренние губернии России было переселено 140 «мирных желтолицых» - 5 китайцев, 35 японцев и 100 корейцев[4].-

Как происходила адаптация корейцев на новых местах проживания?

Проживание. Пребывание корейцев на территориях современного Узбекистана, Казахстана и Киргизстана зафиксировано и первой всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. Они проживали в Ферганской области: в Кокандском и Наманганском уездах, а также в г. Намангане - по 1-му мужчине; в Семиреченской области: в Верненском уезде - 3 мужчин и 2 женщины, в Джаркентском уезде - 1 мужчина и 3 женщины, в г. Верном (ныне г. Алматы) и г. Джаркенте - по 1-му мужчине; в Сыр-Дарьинской области: в г. Аулие-Ата (ныне г. Жамбыл) и в Перовском уезде (ныне Кзыл-Ординская область) - по 1-му мужчине, в Акмолинской области - 1 мужчина и 4 женщины, а также в г. Пишпеке и г. Пржевальске[5].

В материалах переписи корейцы были учтены в разделе VII «Распределение неместных уроженцев по месту рождения», а также в разделе XIII «Распределение по родному языку». В разделе ХГ«Распределение иностранных поданных по государствам» корейцы: не значились, из чего следует, что корейцы, проживавшие в Степном крае и Туркестане имели российское подданство.

Первая Всесоюзная перепись населения 1926 года в этом ареале зафиксировала 87 корейцев: 42 человека в Казахской АССР, 36 человек - в Узбекской ССР и 9 человек - в Киргизской АССР[6].

В Туркестане и Степном крае, выбор мест проживания корейцами, а также коммуникационные возможности с иноэтническим окружением находились в более широком диапазоне, по сравнению с дальневосточным Приморьем.

Во-первых, на Дальнем Востоке корейцы, как правило, проживали компактно.

Во-вторых, в Приморье, в ряде мест корейцев (и китайцев) селили в отдельных районах. Так, в постановлении Военного губернатора Приморской области от 11 августа 1899 года для жителей Хабаровска «О поселении китайцев и корейцев в особых кварталах города» говорилось: «Китайцам и корейцам, не русским поданным и не имеющим в городе

[1] Кан Г. В. История корейцев Казахстана. - • Алматы, 1995. - С. 23.

[2] Кан Г. В. Предыстория корейцев в Казахстане // Известия кореееведения Казахстана. - Алматы, 1996. Вып. 1.-С.8.

[3] Там же. - С. 9.

[4] Там же.

[5] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. -- Спб. 1904-1905. Т. 8 1, 85, 86, 89.

[6] Всесоюзная перепись населения 1926 г. - М., 1928. Т. 8. Казахская АССР. Киргизская АССР. - С. 16-35; Т. 15. Узбекская ССР. - С. 17-36.

недвижимой собственности, воспрещается проживание в других частях города Хабаровска, не исключая и фанз инженерного ведомства, кроме как только в кварталах за номерами 95 и 97 по Поповой улице, за речкой Лесопилкой, отведенных городом для поселения этих инородцев.

Сверх владеющих недвижимостью в городе китайцев и корейцев русских поданных разрешается проживание китайцев и корейцев на следующих основаниях:

а) прислугой у жителей города, но не более пяти человек на хозяйство;

б) рабочими на стройках, во время их производства;

в) рабочими на кирпичных заводах, во время производства работ в летнее время, в зимнее - сторожами, остающимися на заводе:

г) сторожами на старом городском базаре, в особых для сей цели помещениях;

д) рабочими на паровой мельнице и чугунолитейном заводе»[1].

Как же отнеслась администрация Туркестана к данному постановлению? Управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства, комментируя этот документ, писал на имя Военного губернатора Семиреченской области: «.. .Упомянутое обязательное постановление, ограничивающее личные права китайцев и корейцев, не только не находит себе подтверждения в действующих узаконениях, но прямо противоречит ст. 822, т. IX, Свода законов, изданного в 1899 г., согласно коей иностранцы, находящиеся в России, как лично, так и имущество их, подлежат действию Российских законов и пользуются общею оных защитою и покровительством. Вследствие сего я нахожу, что принятые меры, составляющие предмет упомянутого выше обязательного постановления, могли бы последовать не иначе, как с Высочайшего соизволения»[2].

Далее следует запрос о том, встречается ли подобное решение или практика об особых кварталах- для проживающих инородцев по городам Туркестанского генерал-губернаторства.

В ответе Семиреченского военного губернатора от 20 февраля 1901 года говорится: «Во вверенной мне области народности проживают смешанно хоть между собой так и с русскими. По моему мнению, не представляется надобности в установлении каких-либо ограничений в расселении иностранных поданных и инородцев на территории городов»[3].

Многие из корейцев жили кучно. Так, по списку местного союза корейцев Ташкента (данные 20-х годов XX в.) на 33 человека по данному списку были указаны 7 адресов (из них 16 человек проживало по адресу: Мариинская 7; а 6 человек - по адресу: Переушинская 28, кв. .37.). Причем, это проживающие из членов местного союза (скорее всего, мужчины). Вероятно, количество проживавших по данным адресам (с учетом женщин и детей) было значительно больше. В таком случае мы можем говорить о микро-коллективной адаптационной модели корейцев в Центральной Азии, в то время как в Приморье преобладала макро-коллективная адаптационная модель.

Занятия. По архивным документам можно судить и о занятиях корейцев в Центральной Азии.

В Степном крае они работали главным образом на поденных работах; также торговали в палатках всякой мелочью, бумажными цветами, табачными изделиями и т. д.; были среди них парикмахеры, набивщики папирос и сигарет, кустари; корейцы также содержали прачечные в разных городах.

[1] См.: Кан Г. В. Рассказы о родной истории. - Алматы, 2006. - С. 37-38.
[2] Там же. - С. 38.
[3] Там же. - С. 39.

В Туркестане (по списку местного союза корейцев Ташкента, данные 20-х годов XX в.) среди корейцев, проживавших в Ташкенте, были врач, смотритель музыкальной школы, охранник железной дорога, садовник, сторож института просвещения, хлебопашцы, билетер трамвая, а также безработные.

В специальных карточках учета в органах внутренних дел Степного края в подавляющем большинстве записано, что трудятся корейцы честно, ничего предосудительного за ними не замечается, своим трудом вполне обеспечивают свою жизнь и жизнь своих семей, с российскими условиями жизни свыклись.[1]

Влияние русской культуры, Еще на Дальнем Востоке многие корейцы стали брать русские имена и принимать православие, демонстрируя тем самым нацеленность на адаптацию к русской культурной среде[2]. Данное стремление отмечается и многими российскими учеными, путешественниками и чиновниками того времени. Как отмечается в брошюре СМ. Меркулова, «... селясь в крае со своими семьями, корейцы вообще имеют большое влечение к русским школам. ... Корейцы отличаются (от других инородцев - прим. В. С. Хана) стремлением, как только позволяют им средства, устраивать жизнь по образцу русских и вообще стремятся походить на европейцев. Ни одна из народностей, нам чуждых по крови из находящихся в Приамурском крае, не проявляет такого искреннего расположения к России, как корейцы»[3].

Если говорить о русских именах, то их принятие стало распространенным явлением на Дальнем Востоке. Многие корейцы, оказавшиеся в Степном крае, также имели, наряду с корейскими именами, русские имена: Ю-Он-По (Владимир Рафаилович Попов), Ким-Чу-И (Федор), Чан-Хани (Александр Литвинов), Бак-поши (Василий), Киси-не-пек (Василий Николаевич Пихтовников), Ан-Ин-Сеп-и (Александр Романович Саврасов)[4].

Межэтнические браки. Одним из адаптационных каналов и в то лее время индикатором адаптации являются межэтнические браки. Так, в г. Омске кореец Чо Кем Пирн (1877 года рождения, родился в г. Сеуле) был повенчан 2 сентября 1909 г. в Градо-Омской Ильинский церкви с русской, мещанской девицей Натальей Николаевной Тукмачевой; Ли Ион Чун был женат ка Елене Барановой. Некоторые корейцы просто сожительствовали с местными женщинами, как Ким Ен Су, который жил вместе с крестьянкой Августой Васильевной Рябковой[5].

Если брак был мононациональным, то один из супругов, как правило, принимал православие. В связи с этим Г.В. Кан пишет: «Здесь очень важно подчеркнуть, что принятие православия было равносильно принятию российского подданства, что в значительной мере облегчало жизнь иммигрантов»[6].

Политико-общественная деятельность. В первые годы Советской власти осуществляется первая попытка корейцев, проживающих в Центральной Азии, создать свою организацию. Так, в 1921 г. в наркомате по делам национальностей Туркестанской республики была создана корейская секция. А 26 августа 1924 г. в НКВД Туркестанской республики был зарегистрирован Союз корейцев Туркестанской республики, в который вошли 28 человек.

[1] См.: Кан Г. В. Рассказы о родной истории. - Алматы, 2006. - С. 43.
[2] Так, только один священник Василий Пьянков в 1871 г. окрестил 697 корейцев. - См.: Ким Г. Н., Сим Еиг Соб. История просвещения корейцев России и Казахстана. Вторая половина XIX в, - 2000 г. - Алматы, 2000. - С. 71.
[3] Там же. - С. 72-73.
[4] Кан Г. В. Рассказы о родной истории. - Алматы, 2006. - С. 43-44.
[5] Там же. - С. 45.
[6] Там же. - С. 44.

При перерегистрации в феврале 1926 г. в списках Союза уже значилось 33 человек. Однако 29 сентября 1926 г. Союз корейцев был ликвидирован НКВД УзССР[1].

Конец 20-х - 30-е годы

Следующее прибытие корейцев-переселенцев в регион происходит в конце 20-х годов. В этот период в Казахстане начинается рисовая эпопея, в рамках которой была поставлена масштабная задача: к минимуму свести импорт риса и обеспечить потребности Центрально-азиатского региона и Европейской части СССР в данном продукте. По итогам сортоиспытания - испытывались туркестанский, ферганский, бухарский, корейский, японский, китайский и европейские сорта - был сделан вывод, что «впереди идут корейские, японские и приморские сорта». Также изучались различные способы возделывания риса: дунганский, итальянский, американский и другие. Было решено остановиться на дальневосточном способе рисосеяния, в связи с чем по приглашению наркома земледелия Казахстана в республику приехали корейцы-рисоводы, организовавшие «Корейскую сельскохозяйственную трудовую артель «Казакский рис»»[2]. Всего в Казахстан было отправлено 220 корейцев (117 семей)[3].

Не за горами 1937 год. Никто еще не знал, что скоро все корейцы с Дальнего Востока будут депортированы в Казахстан и Узбекистан. 1937 год стал не только годом, кардинально изменившим всю судьбу советских корейцев, но и отсчетной точкой в образовании корейской диаспоры Центральной Азии.

В. Германов,
(Узбекистан)

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД И ОБРАЗ ЖИЗНИ ССЫЛЬНЫХ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ-СТАРООБРЯДЦЕВ В ХОРЕЗМСКОМ ОАЗИСЕ НА РУБЕЖЕ XTX-XX ВВ.

Казачество - это одна из
неразгаданных загадок России.
Виктор Шкловский

Казачество - это способ существования русского народа
в экстремальных условиях
Автор

Широко распространено среди к ныне живущих в Узбекистане в Хорезмской области и Республике Каракалпакстан ссыльных сюда с реки Урал казаков предание, что высланы они были в своё время самой российской императрицей Екатериной Великой. Хотя это лишь красивая легенда. Екатерина II бывшая во главе России во второй половине XVIII века не могла отправить на территории, входившие тогда в состав Хивинского ханства и

[1] Подборку архивных документов относительно Союза корейцев из фондов МВД РУз см.: Ким В. Правда - полвека спустя. - Ташкент, 1999. - С. 12-24.

[2] См. подробнее: Кан Г. В. История корейцев Казахстана. - Алматы, 1995. - С. 30-39.

• Ким Г. Н. История иммиграции корейцев. Книга первая. Вторая половина XIX в, - 1945 г, -г Алматы, 1999. - С . 180.

ей не принадлежащие. Это стало возможным лишь после покорения Россией Хивинского ханства в 3 873 г. и отторжения его правобережья где был образован и начал колонизоваться Амударьинский отдел Сырдарьинской области Туркестанского края[5].

Время переселения на территорию Каракалпакии из России с реки Урал - последняя четверть XIX века (1875 г.)[2]. Высылка проходила в два этапа. В 1875 году - переселение уральских казаков-старообрядцев, а в 1877 году ~ семей ссыльных уральцев. Причины высылки: неповиновение новому «Положению о воинской службе, общественном и хозяйственном управлении Уральским казачьим войском» и мятеж в 1874 г. казаков - старообрядцев Уральского казачьего войска.

Опорным пунктом расселения «уходцев» в Средней Азии стал Казалинск. В первых числах августа 1875 г. от собранных здесь уральцев начальство потребовало подписать заявление о добровольном желании поселиться в Казалинском уезде. За отказ им угрожали наказанием и ссылкой в Сибирь. Но ни один не согласился. Человек 200 казаков связали и силою посадили на баржу для отправки в Петроалександровск. В отчаянии они бросались в реку, часть их утонула.

В начале декабря в Казалинске снова разыгралась трагедия. За отказ на добровольное расселение пехотная команда, вызванная из крепости, подвергла жестоким истязаниям «уходцев». Били прикладами, секли вкровь розгами. С примкнутыми штыками и взведенными курками солдаты атаковали их. Офицеры, обнажив сабли, били плашмя по чему попало, некоторым прорубили головы. 350 человек, среди которых были изувеченные, отправили на поселение.

Большую[1] группу «уходцев» поселили в Петроалександровском укреплении и в специально построенном в 19 км от него поселке Первоначальный, который впоследствии стал известен как Уральский поселок. Но и здесь с поразительным упорством они продолжали стоять на своем. Жили в повозках под открытым небом, болели, умирали. Располагаться на оседлое житье, заводить хозяйство, заниматься каким-либо трудом не хотели, на казенные работы не выходили, от пособия отказывались. С места ссылки они продолжали посылать на имя царя прошения в Петербург, которые, разумеется, успеха не имели.

Правительство надеялось, что «уходцы» запросят к себе семьи. Но те и не помышляли об этом. Чтобы окончательно лишить их всякой надежды на возвращение, было решено переселить к ним семьи.

Потеряв всякую надежду заставить «уходцев» осваивать и обживать край, власти прибегли к репрессиям. В Казалинске заработал направленный сюда военно-полевой суд. За отказ от выхода на казенные работы, строить себе жилище, от суточного довольствия, за неподчинение и дерзость начальству, за призыв к восстанию против властей, за нежелание давать показания следователю и многое, многое другое «уходцев» приговаривали к смертной казни, к телесным наказаниям, к ссылке на каторжные работы[3].

В конце XIX - начале XX веков в Хорезмском оазисе возникают посёлки ссыльных, лишённых казачьего звания уральцев: поселок Первоначальный, Уральский посёлок близ Петроалександровска, Уральская слобода в г. Петроалександровске, Уральский поселок в селении Нукус, поселок Заир Талдыкской волости Амударьинского уезда Сырдарьинской области, поселок Акдарья, поселок Кызылжар, поселок Казахдарья, промыслы Учсай, Урга, Порлытау, Муйнак, Кунград.

Часть уральских казаков прибывала в эти края и самовольно. В результате образовалось

[1] Посторонний, Уральцы-поселенцы в Хиве *II* Туркестанский курьер. 1916. № 212. - С. 2.

[/] Лыкошин Н.С. Уральцы на Амударье // Туркестанский курьер. 1917. № 107. - С. 1-5.

[3] Коротан Е.И. Уральские казаки в Средней Азии. Статья первая // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. -Нукус, 1981. № 2. -С.61.

несколько локальных центров проживания старообрядцев. Находясь в изолированности, они смогли больше сохранить свою культуру'.

Расселившись по берегам великих среднеазиатских рек Сырдарьи и Амударьи, островах Аральского моря, уральцы проникли также во многие иные места Туркестанского края: Чиназ, Чарджоу, Туркестан, Джамбул, Пенджикент и даже Ташкент. В то время уральцы в Средней Азии были русским населением в окружении тюркоязычных народностей: казахов, узбеков, каракалпаков, туркмен, а также встречавшихся по крупным поселкам татарских семей. В поисках средств существования уральцы должны были общаться и завязывать деловые отношения с местным населением. Опыт общения с тюркоязычными народностями на родине и двуязычие помогли им сравнительно легко проникнуть в местные деловые круги. Сохраняя свой русский язык со всеми его диалектными особенностями, ссыльные уральцы существенно обогатили его лексикой[2].

Широко распространенные среди молодежи частушки-припевки не только вобрали в себя тюркские слова и выражения, но часто создавались как двуязычные песенки:

«Во саду ли, в огороде
Кызуйнаб джуреб (ди);
За ней парень молодой
Джугюр джибгреда»[3].

Из наблюдений Е.Э. Бломквист над материальной и духовной культурой среднеазиатских уральцев заметна тенденция проникновения тюркских элементов во все области их быта, кроме религии, обрядов и традиционного фольклора. Но как ни широки были заимствования, они не отразились на общем этнографическом облике уральцев.

Основа хозяйственной деятельности уральцев на территории Каракалпакстана в конце XIX - начале XX вв: рыболовство, земледелие, домашнее животноводство, охота, ремесла - кожевенное, сапожное, плотницкое, печники, кузнечное, промыслы - перевоз грузов по Амударье, каюковождение, заготовка камыша, торговля, вязание сетей и других рыболовецких снастей, плетение из камыша различных изделий.

Уральцы Хорезмского оазиса представляют собой этноконфессиональную дисперсную группу. Данный субэтнос выделился из группы русского народа - казаков Уральского казачьего войска. Началом формирования дисперсной группы уральцев Хорезмского оазиса послужила насильственная ссылка части уральских казаков (3875 г.) и расселение их на территории Средней Азии, в частности, в низовьях Амударьи. Насильственный характер миграционных процессов, положение ссыльных поселенцев, обособление от окружающего населения на начальном этапе, а также этнические (выделение го этнической группы уральских казаков), социальные (казачество) и конфессиональные (старообрядчество) факторы повлияли на своеобразие и оформление уральцев (самоназвание - уральские казаки) в отдельный субэтнос.

Уральцы Каракалпакии относятся к старообрядческому вероисповеданию. В конце XIX - начале XX вв. они подразделялись на несколько вероисповедальческих течений. В настоящее время современные уральцы - старообрядцы объединены в одно течение - «беспоповцев», т.е. не приемлют священничество. Они объединены в религиозные общины вокруг

[1] Короленко В.Г. (Савдронников). Уральцы в Туркестанском крае // Русское богатство. 1905. № б. - С. 1-35.
[2] Коротан Е.И. Уральские казаки в Средней Азии. Статья **вторая** // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. - Нукус. **1981.** *Щ Ъ. - С.* 57.
[3] Бломквист Е.Э. К вопрсу о двуязычии у **«уральцев»** Амударшнского отдела (из наблюдений этнографа зимой 1943 - 1944 гг.) // Филологический сборник. Вып. X. - Алма-Ата, **1971. - С.** 395.

молельного дома - Собора. Службы и религиозные обряды проводит выборный настоятель - Дедушка.

До настоящего времени уральцы как консервативная и закрытая для посторонних конфессиональная группа старообрядцев сохранили этническую специфику и своеобразие, которые проявляются в стойком бытовании самоназвания уральские казаки, осознании себя отдельным народом, особенностью диалекта, сохранностью традиций в быту, одежде, пище, семейно - бытовой и религиозной обрядности.

На территории Каракалпакии уральцы образовали поселения, которые отличались компактностью и формировались, главным образом, по этническим признакам, кровнородственным и конфессиональным связям, географическим и природным условиям. Такого типа поселения сохранились в Нукусе - поселок Пристань, Ходжейли - поселок Водник (Пристань), Кунграде - старый город, Муйнаке, Беруни, Турткуле. Уральцы этих населенных пунктов сохранили некоторые черты традиционного быта и культуры.

Характерным этнографическим заповедником является старая часть современного поселка Пристань в Нукусе (бывшие Новый и Рыбачий поселки). Усадьбы и дома здесь располагаются вдоль бывшего канала, плотно примыкая друг к другу, они похожи на среднеазиатские глинобитные крепости «кала» или «курганча». Для усадеб характерен тип двора, при котором все надворные постройки плотно примыкают друг к другу, образуя сплошную стену с трех сторон, а с фасада располагают ворота и калитку. Традиционным жилищем уральцев до настоящего времени является глинобитный дом с двускатной камышовой крышей, который еще бытует в старых частях расселений уральцев. В таких домах сохранилась традиционная ориентировка (юг, юго-восток), расположение и внутреннее деление пространства, убранство. Основной отличительной особенностью в традиционном жилище уральцев является бревно - основа двускатной крыши. Все дома два раза в год - весной перед Пасхой и осенью до Покрова - уральцы обмазывают смесью глины с соломой и белят свои хатки. Главное место в жилище и быту занимает русская печь, которая широко бытует и в настоящее время в связи с ее определенным местом и ролью в семейно-бытовой обрядности, являясь необходимым условием в приготовлении ритуальной пищи. Печь в традиционном жилище уральцев служит основным ориентиром в делении внутреннего пространства. Она делит избу (относительно входа) на две стороны: левую - хозяйственную или женскую: правую - жилую или мужскую.

По. диагонали от печи располагается передний угол с иконами - божница. Угол с иконами самое почетное место в доме, он связан с семейно-бытовой и религиозной обрядностью, служит главным ценностным ориентиром. В божницах, на небольших полочках располагаются иконы, металлические складни, распятия, молитвенные книги, свечи, представляя собой домашний иконостас. Прежде чем войти в избу и приветствовать хозяев, гость должен, перешагнув через порог с крестным знамением, совершить молитву, повернувшись к иконам. В домах уральцев, особенно старожилов, еще можно встретить традиционное убранство и утварь, самодельную деревянную мебель - столы, лавки, табуретки, навесные полки, кровати, сундуки. В домашнем обиходе старожилов все еще бытует деревянная посуда и различная утварь: ложки, крынки кадушки, корыта, которые были необходимым условием на поминальном столе, что связано с конфессиональным запретом на металлическую посуду[1].

Ярко и самобытно по сегодняшний день сохранились традиции, связанные с пищевым рационом уральцев. Традиционными блюдами на будничном столе являются хлеб и хлеб-

[1] Калбанова Е.Е. Традиционное жилище уральских казаков низовьев Амударьи // Вестник Каракаппакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 1998. № 2. - С. 142-144.

ныв изделия: лепешки, блины, пироги, караваи, ватрушки, валушки, булки и др. Из мучных блюд преобладают галушки, рванцы, вареники. Обычны на столе каши: постные, молочные, мясные и рыбные.

Ритуальное значение хлеба и хлебных изделий бытует в свадебной, поминальной и календарной обрядностях в связи с их символическим значением. На свадьбе молодых родители жениха встречают с караваем, а на столе должны присутствовать сладкие караваи. Свадебный каравай «Девичья красота» играет символическую роль, занимая особое место в сложных обрядовых действиях и символизируя девственность невесты. Строго придерживаются уральцы вековых традиций в поминальном обряде, - все блюда готовит «не мирская», соблюдающая обряды, женщина. На поминальном столе у уральцев обязательно должны быть пироги с рыбой, каравайцы (сладкие пироги с урюком), блины, каши и кисель. Решительно запрещаются табак, чай и чеснок.

У многих уральцев и ныне сохранилась традиционная одежда, которая подразделяется на будничную, праздничную и ритуальную. Традиционная одежда является важным условием молитвенного, поминального, крестного ритуалов[1]. Женщины носят длинный сарафан с рубахой, У пожилых женщин сохранились старинные круглые сарафаны с галунцами (нарядная отделка) и затейливыми металлическими пуговицами. Такие сарафаны хранятся как реликвия, передаются из поколения в поколение - от матери к дочери, и одевают их только в самые значительные праздники - Рождество и Пасху. Широко распространен сегодня косоклинный тип сарафана, который носят как в будни, так и в праздники. В мужской одежде уральцев бытует традиционного покроя рубаха и азям[2].

Непреклонное бытование старообрядческого вероисповедания среди уральцев, их этническая особенность, обособленность от других народов сыграли предопределяющую роль в сохранении уникальной культуры уральцев - старообрядцев на берегах Арала и Амударьи, утраченной в самой России[3].

Первым, специально проведённым этнографическим исследованием уральцев Каракалпакстана была этнографическая экспедиция Евгении Эдуардовны Бломквист, которая изучала уральцев по совету СП. Толстова[4] во время командировки, зимой 1943-1944 гг., а в 1945 гг. возглавила отряд по изучению русского старожилого населения[5].

По сведениям этнографа Е. Э. Бломквист[6] и в конце 40-х гг. прошлого века погребальный обряд уральцев совершался «но столетиями установленному канону»[7]. Они пели старинные похоронные песни. Дети приучались читать псалтырь. В местах большого сосредоточения приверженцев старообрядческого вероисповедания в Нукусе (здесь наиболее прочно сохранялись реликтовые формы в быту и обрядах), Турткуле и Кунграде образовались кладбища сектантов.

[1] Калбанова Е.Е. Быт и культура уральских казаков Каракалпакстана (последняя четверть XIX - начало XX века).: Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук по специальности: 07.00.07 - Этнология. - Нукус, 1999. - С. 83.

[2] Калбанова Е.Е. Бытование традиционной женской одежды (на примере уральских казаков Каракалпакстана) // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. 1999. № *3.* ~ С. 24-26.

[3] Калбанова Е.Е. Быт и культура уральских казаков Каракалпакстана (последняя четверть XIX - начало XX веков).: Автореф. канд. дисс…. ист. наук. - Нукус, 1999. - 25 с.

[4] СП. Толстов, основатель и бессменный руководитель Хорезмской археолого-этнографической экспедиции сам являлся потомственным уральским казаком, его дядя В.П. Тостов являлся последним после октябрьского переворота 1917 года атаманом уральского казачьего войска.

[5] Вактурская К.К., Воробьёва М.Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции АН СССР // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. - М, 3952. Т. I. - С. 6-7.

[6] См. также: Сагнаева СЈС. Уральская тема в научном наследии Е.Э. Бломквист // Этнографическое обозрение. 1992. № 3.-С. 84-89.

[7] Бломквист Е.Э. Этнографическая работа среди «уральцев» // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. - М., 1947. Вып. HI. - С. 49-54.

Имперское правительство, размещая в низовьях Амударьи тысячи уральцев, предполагало создать из них свою опору в виде русских крепких зажиточных хозяйств. Но старообрядцы-уральцы не оправдали таких надежд, не взялись за земледелие. Основными их занятиями были рыболовство и торговля[1]. Скотоводство и земледелие не получили среди уральцев широкого развития. Из-за обилия постов и занятием охотой домашний скот почти не использовался для убоя[2].

Они жили обособленно не только от коренного населения, но и от русских. Уральские переселенцы, так же как и мусульмане, до октябрьского переворота 1917 года нигде не регистрировали факт смерти членов своих общин. «Уходцы» ничего, что делалось и случалось в их семьях, не сообщали вне своего круга[3]. О покойниках можно было узнать лишь по крестам на могилах, о новорожденных узнать было почти невозможно. В начале XX в. уральцы проникли и в глубь края — в Чиназ, Ташкент, Маргелан и другие центры. Все старообрядцы, рассеянные группами по Туркестанскому региону, несмотря на многочисленные препоны, жили единой старообрядческой массой[4].

В начале XX века уральские казаки считались лучшими даргами - капитанами, лоцманами, водившими суда вверх и вниз по течению Амударьи, нанимались проводниками и, зная тюркские языки, толмачами в сопровождение торговых караванов и различных посольских миссий.

В 1881 г. с вступлением на престол Александра III «уходцам» объявлена была царская милость. В приказе военного министра указывалось, что тех из сосланных уральцев, которые заявят полное раскаяние в содеянных ими поступках и подписями отрекутся от своих заблуждений, возвратить на родину с зачислением в войсковое сословие. Тем кто пожелает остаться в Туркестанском крае, предоставить право приписаться к местным городским или сельским обществам с освобождением их на 15 лет от всех государственных податей и повинностей. «Уходцы» заявили, что никакой вины за собой не чувствуют и подписи не дадут. В 1883 г. по случаю коронации Александра III уральцам разрешили возвратиться на родину уже без подачи прошения и подписей. На каждую семью выделялось пособие по 50 руб. Они ответили: со смирением и покорностью возвратиться не могут, жить в войске, понявшем «Положение» 1874 г., не хотят. К тому лее дома их разорены, земля перешла в собственность к другим, а на 50 руб. им не поправиться»[5].

В 1891 г. в связи с 300-летием службы яицких казаков царю и отечеству «уходцам» снова объявили помилование. И вновь - заявление о желании возвратиться на родину с прежними правами, а не по новому Положению, которое не приспособлено к их быту и службе.

Так, почти после 30-летней упорной борьбы и сопротивления уральские казаки-несогласники вынуждены были остаться в Средней Азии. По сведениям историка яицких казаков А. Б. Карпова, с Урала было выслано: 1049 казаков полевого разряда, 344 внутреннеслужащих., 1143 отставных, а всего 2526. Потом к ним переселились семьи - 1066 человек

[1] Сарыбаев К. Аграрный вопрос в Каракалпакии (конец XIX - начало XX веков). - Нукус: Каракалпакстан, 1972.-С. 62.

[2] О быте уральцев см.: Кожевников М.Е. Суводь. Повесть в рассказах. - Нукус: Изд-во «Каракалпакстан», 1983.-236 с.

[3] Калбанова Е.Е. Процессы культурно-бытового взаимодействия народов низовьев Амударьи (по материалам поселений уральских казаков) // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. - Нукус, 1997. № 3. - С. 123-127.

[4] Архив Музея, антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера), Фонд 3 0 - (личный фонд Е.М. Бломквист), монография «Амуцарьинские уральцы».

[5] Чеботарев В. Уходцы // Простор. 1974. № 9. - С. 79.

мужского и женского пола. По другим сведениям, из войска было выслано более 5 тыс. человек.

Е.Е. Калбанова в своей основательной работе[1], тем не менее, не соглашается с приводимой П.А. Шмачковым гипотезой создания имперским правительством России в Хорезмском оазисе в будущем казачьего войска[2].

Однако приводимая последним переписка высших военных чинов Оренбургского и Туркестанского краев веско и доказательно свидетельствуют в пользу такой направленности. От наказного атамана Уральского казачьего войска Верёвкина и до атамана Уральского казачьего войска Дутова такая тенденция сохранялась. Более того, именно Дутов накануне своего ухода за кордон делает попытку учреждения Амударьинского казачьего войска и издаёт соответствующий приказ, впрочем, запоздалый.

Потомки уральцев, проживавшие в низовьях Амударьи на территории современной .Каракалпакии, в связи с резким падением уровня Аральского моря и потерей традиционных видов трудовой деятельности с 1981 года начали мигрировать в Волгоградскую область (большая часть из них поселилась в г. Калач в 80 км от Волгограда, меньшая под г. Камышином). Природа этих мест схожа с природой низовья Амударьи - есть возможность заниматься рыболовством, охотой. Молодежь трудится на промышленных предприятиях области.

В Республике Каракалпакстан на сегодняшний день проживает в Муйнаке - четыре уральских семьи, в Кунграде - 15 семей, в Турткуле - не более 20 семей, 20-25 семей проживает в Нукусе, около 5 семей - в городах Ходжейли и Тахиаташе, около 50 семей (в основном старики и старухи) в поселке Респо, недалеко от Нукуса[3].

Ныне аральские уральцы - это своего рода фантом реально существовавшей дисперсной группы уральцев, оставившей позитивные следы своего присутствия в Средней Азии, и внёсшей свою лепту в формирование среднеазиатской цивилизации[4].

В заключение хотелось бы поразмышлять на тему о том, какова роль пищевых запретов в столь удачном старте формирования дисперсной этноконфессиональной группы уральцев и в столь же печальном её финише. Ссыльные уральцы не принесли в Туркестанский край ни проституцию, ни водку, ни табак. В пищевом рационе существовали традиционные нормы и запреты на употребление определенных продуктов, систематизация потребления в ежедневных трапезах, разграничение потребления продуктов в течение календарного года (посты, мясоеды). Потребление пищи регламентировало социальные и. половозрастные разграничения, запреты. Особое внимание необходимо обратить на запреты употреблять в пищу тех или иных продуктов. Уральцы в связи с конфессиональной особенностью придерживались запретов на употребление продуктов» неположенных «по закону». В связи с этим уральцы-старообрядцы не употребляют в пищу три травы: чай, чеснок и табак. По легенде, когда Бог обходил землю, все травы встречали и поклонялись ему, лишь три травы ее поклонились. Вместо чая уральцы пьют различные отвары из трав. Также старообрядцы не употребляют в пищу кумыс, шубат (кобылье и верблюжье молоко). Грех было употреблять водку и спиртные напитки, кроме вина, кваса собственного приготовления.

[1] Калбанова Е.Е. Быт и культура уральских казаков Каракалпакстана (последняя четверть XIX - начало XX века) - С. 9.

[2] Шмачков П.А. Переселение уральцев в Каракалпакию (1875-188! гг.) // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. i960. № 2. - С. 30-32.

[3] Германова В.В., Колемасова Н.Х. Казаки-старообрядцы в Средней Азии // К истории христианства в Средней Азии (X1X-XX вв.). - Ташкент: Узбекистан, 1998. - С. 196,197.

[4] ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 22, д. 799 (О возвращении уральских поселенцах в первобытное состояние. 16 июля 1881 г. - 31 декабря 1882 года). 162 л.; д. 801 (Об уральских поселенцах). 31J я.; д.892 (Об уральских поселенцах). 243 л.; д.803 (Об уральских поселенцах), 117 л.

Запрещалось также употреблять в пищу мясо животных, у которых след оставляет три пальца: тиф, кошка, собака, лиса, заяц, кролик, волк и др.; мясо тех у кого копыта надвое: баран, сайгак; не употребляют также мясо лошади, верблюда, осла; молозиво домашнего скота (в течение 40 дней); из птиц тех, кто кормит птенцов «изо рта в рот» - голубей, лебедей, бакланов (пеликанов).

Голубь считался божьей птицей (ангел облачился в голубя). Нельзя было употреблять и тех животных, которые живут в воде; из рыб не ели змееобразных: змееголов (змейбашка), не любили сомов, которые считались нечистыми. До сих пор уральцы придерживаются этих ограничений. Кроме этого, существуют конфессиональные запреты на продукты, получившие распространение позже - на уксус и дрожжи[1].

Легко предположить, что пищевые запреты в какой то степени позволяли сохранить целостность народа, его генофонд и даже позволяли сохраниться в иной национальной среде, выжить. Уральцы не ассимилировались среди местного населения, напротив они ассимилируются в конечном счёте среди русского народа. Формирование дисперсной этноконфессиональной группы не состоялось.

В последнее время некоторыми исследователями высказываются мнения, что изменения в рационе традиционной национальной пищи в конечном счёте может привести к гибели нации. Изучение системы питания того или иного народа в последнее время всё более прочно входит в орбиту интересов ряда спецслужб мира, которые не жалеют колоссальных средств на изучение этой проблемы. В конечном счёте человек - это то, что он ест. Потеряв традиционный образ жизни, казаки потеряли идентичность.

Д. Иноятова,
(Узбекистан)

НЕМДКАЯ ДИАСПОРА К ЭКОНОМИКА ТУРКЕСТАНА

К середине первой четверти XX века в Туркестане среди примерно 9 миллионного коренного населения, включая Бухарское и Хивинское ханства, насчитывалось более 500 тысяч европейского. Среди европейцев, прибывших в Туркестан, были представители абсолютно всех социальных прослоек и профессий: военнослужащие и чиновники царских учреждений, купцы, предприниматели, ремесленники, учителя, врачи, юристы, аптекари и другие служащие. Значительная часть из них добросовестно относилась к своим профессиональным обязанностям, некоторые становились энтузиастами изучения Средней Азии, вносили свой вклад в изучение её ресурсов, в развитие просвещения, здравоохранения, занимались производительной и предпринимательской деятельностью.

Данный доклад посвящен одному из представителей европейских этносов в Туркестане - немецкому, адаптации его в новых социально-экономических условиях, участию его в развитии экономики края в первой четверти XX века.

Немецкое население Туркестана постепенно увеличивалось, и, если в конце XIX в. их было около 3.800, то к середине XX в. достигло 8,5 тыс. Более половины из них, около 5 тысяч были горожанами, остальные были жителями сельской местности. В Ташкенте на-

[1] Калбанова Е.Е. Быт к культура уральских казаков Каракалпакстана (последняя четверть XIX - начало XX века)…-С. 103.

ходилось 3,245 немцев[8], Самаркавде - 378[2], Асхабаде - 5бб[3]. Почти в каждом из городов Туркестана проживало до нескольких десятков немцев. В этот период примерно две трети из общего числа немцев края проживали в городах. Немцы, живущие в городах, в основном были лютеранского вероисповедания, хотя среди них встречались католики и православные. Они были полностью или частично русифицированы, считали своим родным языком русский. Среди них были представители почти всех социальных прослоек и профессий, спектр экономических интересов их был весьма широк. В Туркестане их особенно привлекала сельскохозяйственная сфера - природные условия края, при которых возможно получать по нескольку урожаев в год (они занимались хлебопашеством, садоводством и овощеводством, а также животноводством и связанными с ними производствами и торговыми операциями, например, колбасные, маслобойные, сыроваренные, пивоваренные," рисоочистительные производства, а также приобретение животных и скупка кишок). Около 3.500 немцев-крестьян переселилось из немецких колоний юга России и Поволжья в Сырдарьинскую и Закаспийскую области Туркестанского генерал-губернаторства. Они основали отдельные сельские поселения, занимались земледелием и скотоводством, по религиозному убеждению были в основном меннонитами и лютеранами. В Аулиеатинском уезде Сырдарьинской области они образовали 4 колонии: Романовна, Николайполь, Андреевка и Владимирова, под общим названием Николайполь. Небольшая часть меннонитов была поселена вместе с переселенцами из лютеран в селе Орловка. В Ташкентском уезде была образована колония Константиновка, а в Мервском уезде Закаспийской области село Крестово. Немецкая колония «Ак-Мечеть» существовала в Хивинском ханстве. Немцы-крестьяне в значительной мере сохранили своё национальное своеобразие, немецкий язык и бытовую культуру, в отличие от городских немцев. Между городским и сельским населением практически отсутствовали какие-либо контакты, кроме, деловых. Несмотря на сложные, непривычные для европейского этноса азиатские климатические условия, они, перенимая опыт местного населения по искусственному орошению полей, положили начало правильному ведению сельского хозяйства, развитию мясомолочного животноводства, обработке полей техникой и удобрениями. Они привезли с собой из Европы коров знаменитой симментальской породы, значительно улучшив, местную. Первыми в Средней Азии применили машинное доение, вывели знаменитую аулиеатинскую упряжную лошадь. В производстве сыра и масла немцы использовали ветряные и паровые мельницы. На весь Туркестанский край славились высоким качеством сыры: швейцарский, голландский, тильзипгский, бакштейн, сливочный. Благодаря немцам из колонии Ак-Мечеть хорезмийцы научились выращивать помидоры, картофель, баклажаны, капусту, огурцы, петрушку. Предприниматель Вольтер стал известным коммерсантом в Аулиеатинском уезде. Он стал владельцем крупного пивоваренного завода в г. Аулиэ-Ата (Джамбуле), а в окрестностях ему принадлежала крупная мельница и другие, более мелкие предприятия.

Немцам, занимавшимся в производственной сфере края, особенно удалось преуспеть в сфере крупного предпринимательства.

Особого внимания заслуживает многогранная деятельность незаурядной личности, прибалтийского немца Иеронима Иоанновича Краузе (1845-1909). Краевая общественность в 1905 году торжественно отметила 35-летие пребывания И. Краузе в Ташкенте. Он был назван «одним из достойнейших туркестанцев». Его деятельность берет начало с последней четверти XIX столетия. В Ташкенте он был организатором первой краевой химической ла-

[1] Обзор Сырдарьинской области за. 1911 г. - Ташкент, 1913.

[2] Дмитриев-Мамонов А.Д. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. - СПб., !903. - С. 300.

[3] Обзор Закаспийской области за 1909 г. - Асхабад, 1911.

боратории, куда местные предприниматели доставляли на экспертизу образцы своей деятельности. Он открыл в регионе первую аптеку и слыл известным провизором. В 1872 г. его усилиями был открыт первый завод по производству растительного масла, который в день выдавал от 100 до 150 пудов хлопкового масла; в год - до 30 тысяч пудов на сумму в 150 тысяч рублей. Позже Краузе наладил экспорт масла во внутренние губернии. Оно использовалось в консервной промышленности, часть его шла на производство олифы и мыла. Жмых вывозился в Германию на корм скоту, кроме того, из оставшегося пушка на хлопковых семечках по технологии Краузе получалась прекрасная вата, а из волокна - лучшая по тем временам бумага. Позже предприимчивый Краузе стал выпускать не только хлопковое масло, но и ореховое, кунжутное, маковое, подсолнечное, льняное и даже -дынное. На международной Выставке Плодоводства в Петербурге Краузе представил уже не только растительные масла, но и фруктовый уксус, каперсы, различные фруктовые сиропы, лекарственные растения, мак и опиум[1], а на Международной Выставке в Париже обязанности по организации отдела сельского хозяйства были полностью возложены на Краузе[2]. Кроме коммерческих и производственных дел он уделял большое внимание развитию дендрологии края. Прекрасный сад при дворце князя Н.К. Романова с прямоугольной разбивкой аллей, засаженных российскими дубами, соснами, елями, липами и другими привозными деревьями был создан И.И. Краузе.

Наиболее выгодным для вложений иностранных капиталов в Средней Азии оказалось хлопковое дело, которое включало различные ступени производства и продаж. В частности, деятельность торговых домов «Л. Кноп», «братьев Крафт», «Бр. Шлосберг» и «Гергард и Гей» была тесно связана с развитием хлопковой торговли и хлопкоочистительной промышленности Средней Азии. Они открывали конторы в Самарканде, Коканде и Бухаре. Торговый дом покупал хлопок в Андижане, Намангане, Коканде, Самарканде, Асаке, Ката-Кургане, Бухаре, Термезе, Каракуле, Куве и др. пунктах Средней Азии. Они не раз поднимали вопрос о расширении оросительной системы для увеличения посевов хлопчатника и предлагали свои проекты в решении этого вопроса. Заметим, что эти фирмы начали свою деятельность в конце последней четверти XIX в., а к первому десятилетию XX в. уже достигли значительных результатов. К примеру, торговый дом «Л, Кноп» в 1905 г. выступил одним из учредителей Андреевского торгово-промышшенного товарищества с основным капиталом в 750000 руб. В 1906 году основной капитал общества увеличился до 2 млн. руб. Товарищество имело хлопкоочистительный, маслобойный, маслорафинировонный и мыловаренный заводы, производительность которых достигала 3 млн. руб. С 1906 года товарищество занялось в широких размерах также торговлей хлопком, обороты с которого достигли 15-16 млн. руб[3].

Генрих Дюршмидт, первый немец, который основал новое дело - скупщика кишок животных. Он прибыл в Ташкент в 1883 году как представитель многих торговых, фирм, занимался скупкой кишок, скупал также хлопок, каракуль, люцерну, овчину и другое сырьё. Но основная его деятельность была направлена на скупку и реализацию кишок. Он одним из первых в Туркестане развил эту промышленность. Обладая первоначально небольшим капиталом (не более 5 тыс. рублей), начал скупать и отправлять за границу кишки. Большая часть продукции вывозилась в страны Западной Европы, к примеру, в Англию согласно контракту с фирмой «National produce Co». Постепенно операции по скупке кишок стали расширяться. Главная контора по скупке кишок находилась в Ташкенте, но ответвления

[1] ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 11, д. 953, лл. 20-21.

[2] ЦГА РУз, ф.И-1, он.27, д.1370, л.13.

[3] В 1911 году торговый дом «Л. Кноп» владел всеми 2000 акциями товарищества, из которых 31 августа 1911 года продал Русско-Азиатскому банку 1800.//ЦГА РУз, ф. И-1, оп.17, д. 884, лл.28-29.

имелись во всех областях Туркестана и в Бухарском ханстве'. К 1914 году Дюршмидт владел 12 из 19 зарегистрированных кишечно-очистительных заводов. Фирма занималась также экспортом конских шкур, каракуля, мерлушки, семян люцерны. Она являлась спонсором Туркестанского общества сельских хозяев. Дюршмидт постепенно сделался владельцем ряда других предприятий, например, кожевенных заводов. Так, примерно за 25 лет деятельности из мелкого скупщика кишок он превратился во владельца многомиллионного состояния[2].

Акционерное общество «Луи Зальм» имело мастерские по производству обуви и фабрику по пошиву обмундирования для войск в Ташкенте и некоторых других городах.

В 1901 году на Карасу в Ташкенте был открыт маслобойный завод Р.Ф. Шубертом, который в 1906 г. был переоборудован в рисоочистительный. Шуберт владел и люцерноочистительным заводом в Ташкенте, а также профинансировал строительство Ферганской железной дороги в 1905 г.

В начале XX века развернула свою деятельность немецкая фирма «Караван», которая открыла один из девяти крупнейших магазинов города по продаже чая и сахара. У жителей Ташкента пользовалась популярностью кондитерская Эйслера, хозяин которой, специалист своего дела, изготовлял и лучшую колбасу в городе.

Безусловно, мы назвали далеко не все компании и фирмы немецких предпринимателей, внесших свою лепту в развигие экономики региона. Можно назвать еще не один десяток немецких имей, вложивших свои силы и средства в развитие сельского хозяйства, горнорудной и нефтяной промышленности края. Но уже и этот использованный нами материал показывает, насколько многообразно было поле их деятельности. Почти во всех сферах производства можно было встретить представителей немецкой диаспоры. Небольшую по численности, но влиятельную группу среди немцев, составляли лица, занимавшиеся торговлей, предпринимательской и связанными с ними видами деятельности. Большинство предпринимателей и торговцев в Туркестане особенно привлекала сельскохозяйственная сфера. Укажем, что в этой ситуации участие немцев в экономической жизни края являлось, по существу, сотрудничеством с западным миром и открывало дорогу к современным технологиям, привлечению инвестиций в базовые отрасли промышленности, по комплексному использованию сырья. Наряду со своими личными интересами, немецкие предприниматели сыграли позитивную роль в развитии экономики и торговых отношений *в* крае.

О. Тураева,
(Узбекистан)

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БУХАРСКИХ И РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ В ТУРКЕСТАНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В середине XIX столетия еврейское население Средней Азии было представлено двумя культурно отличавшимися группами: это среднеазиатские (бухарские) и европейские (русские) евреи. Диаспора среднеазиатских евреев здесь сформировалась более 1500 лет тому назад в результате многократных и разновременных переселений из Ирана, Афганистана, Турции и Палестины. В середине XIX в. основная их часть проживала в Бухаре и Самарканде, а небольшие общины имелись в Ташкенте и Ферганской долине.

[1] ЦГА РУз, ф. И-17, оп.1, д.107, лл. 1-6.
[2] Добромыслов А .И. Ташкент в прошлом и настоящем. - Ташкент, 1912. - С. 388,389.

Первоначально европейские евреи в середине XIX столетия прибывали в регион в составе российских войск, позже - согласно соответствующим законам царской России от 1861 и 1879 гг. они имели право повсеместно проживать в империи и заниматься торговлей или промышленностью - только окончившим курсы в высших учебных заведениях, в том числе помощникам аптекарей, дантистам, фельдшерам, повивальным бабкам, изучившим фармацию, фельдшерское и повивальное искусство[1]. В тот период с целью европеизации во вновь созданных русских городах, в частности в Кагане, Чарджоу и в «новой» части Ташкента, а также для их восполнения необходимыми кадрами, царское правительство создало российским евреям благоприятные условия для проживания в крае. Вследствие имевшихся для них ограничений на территории Российской империи, европейские евреи тесно связывали свои судьбы с Туркестаном.

В XIX столетии в истории евреев Средней Азии произошло важное событие - бухарским евреям впервые была предоставлена возможность заниматься торговлей вне территорий ханств. Так, в 1833 г. в России был издан официальный указ, согласно которому приезжавшим сюда бухарским евреям дозволялось записываться в торговые гильдии[2]. В 1842 г. военный губернатор Оренбурга вышел с ходатайством в Сенат о дозволении евреям, постоянно проживавшим в Бухаре, привозить на Оренбургскую линию свои товары наряду с бухарцами и хивинцами[3], после чего они начали их обменивать на рынках Оренбурга и Троицка, а обратно в Среднюю Азию стали увозить мануфактуру.

Образование в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства создало для евреев Средней Азии новые условия и возможности. В соответствии с достигнутыми договоренностями между Российской империей и Бухарским эмиратом от 1868 и 1873 гг., подданные Российской империи на территории эмирата и подданные эмирата во *всех* краях России могли свободно вести торговлю, иметь караван-сараи, пашни и обладать имуществом. В них не оговаривались какие-либо ограничения для национальных меньшинств и евреи ловко использовали создавшуюся ситуацию. Они активно начали заниматься торговлей. Здесь следует отметить, что с той поры евреи - подданные Бухарского эмирата - начали именоваться "бухарскими евреями", а евреи Туркестана - "местными", или "туземными евреями". Правительство придавало такому разделению особое значение, поскольку эти группы подчинялись различным законам и здесь сталкивались экономические интересы правительства.

Евреи в основном занимались торговлей хлопком в больших размерах, продавали продукцию мануфактуры, шелк, чай, сахар и др. Вкладывая свой капитал лишь в торговые дела, они в скором времени стали владельцами заводов и фирм не только в Туркестанском крае, но также в Москве и Петербурге, Такие евреи, как Давыдов, Вадьяев, Симхаев, Потеляхов и Калантаров имели значительные денежные обороты.

Товарищество "Братья Вадьяевы" русских евреев насчитывало в Туркестанском крае 30 заводов, ежегодный доход которых составлял 50 млн. рублей[4]. В начале XX столетия 60 % торговли юкандским хлопком приходилось на долю семьи Вадьяевых[5].

Фирма "Потеляховского торгово-промышленного товарищества", годовой оборот которой составлял 2 млн. рублей, занималась торговлей хлопком и мануфактуры, имея в Тур-

[1] ЦГА **РУз,** ф. й-1, д. 874, оп. 4, л. 2-4 об.
[1] Положение Комитета Министров от 4 июля 1833 г. (№ 6304) см.: ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 17, д. 914, л. 29.
;[3] ЦГА РУз, ф. И-!, оп. 13, д. 212, л. 168.
[4] Там же, д. 554, л. 193 об.
[5] Catherine Poujol. The Central Asian Jews in the Post-Soviet era.

кестане десять хлопкоочистительных, маслобойных и мыловаренных заводов',. Так, к началу XX столетия обороты данного предприятия по поставкам хлопка-сырца достигали десятков миллионов рублей[2],

Пинхас Абдурахманов, начавший торговые отношения с Россией в 50-х годах XIX столетия, в 70-х годах расширил свою деятельность в Москве, Оренбурге и пяти городах Туркестанского края.

Некоторые бухарские евреи с 75 мануфактурными фирмами Московского района вели свою торговлю в кредит, забирая товар с фабрики под векселя с 1,5-годичным сроком расчета. Доставив товар на места, они начинали продавать его в Туркестане по московским ценам в явный себе убыток. Такое понижение цен привлекало к ним покупателей *ш* груды ситца быстро превращались в деньги, которые в тот же час шли в рост и там, где еврей потерял на продаже товара, лихвой возвращалось в процентах по кредиту частным лицам 12 % годовых'.

Не будучи удовлетворенными посредничеством московских фирм, бухарские евреи ежегодно сами посещали Москву для покупки продукции мануфактуры в кредит, а осенью завершая расчет в хлопковом эквиваленте. Поскольку торговые отношения требовали частого посещения евреями Москвы, что, в частности, было связано с большими расходами и отнимало много времени, то они были вынуждены иметь в этом городе своих постоянных представителей.

В конце XIX столетия в Туркестанском крае проживало 320 семейств бухарских евреев, переселившихся сюда в начале 70-х годов, которые являлись посредниками мануфактурной-продукции Московского и Лодзинского районов на азиатские рынки сбыта с торговым оборотом в год до 18 000 000 рублей[4]. Из этого числа 131 имело большой и средний капитал, будучи продавцами первой и второй торговой гильдий[5].

Еврейское население русской части Туркестанского края преимущественно составляли европейские евреи вследствие того, что они, как правило, не владели местным языком и не были знакомы с законами, нравами и привычками мусульманской части. Вот почему они имели компактное расселение и занимались торговлей лишь в русской части края. Так, согласно данным за 1897 год, 60% русской части Туркестана составляли евреи и, согласно закону, их недвижимость достигала свыше 75%[6]. В Новой Бухаре 87 % хлопкового дела принадлежало только российским евреям[7].

В 90-х годах XIX столетия в Туркестане из общего числа торговли на долю евреев в Самарканде выпадали 10%, Сырдарьинском вилояте - 30, а в Ферганской долине - 60 %[8]. Помимо торговли, они имели в своей собственности множество фотостудий, типографий, банков, гостиниц и др.

К концу XIX в. отношение империи к евреям стало меняться. Так, с 1879 г., администрация Москвы начала гонения против среднеазиатских евреев на территории Москвы и на основании их обращения к Туркестанскому генерал-губернатору К.П. Кауфману было дозволено проживать там по бухарскому паспорту лишь десяти евреям[9]. Вследствие того, что их ежегодный денежный оборот с московскими фабриками и заводами составлял 20 000 000

[1] ЦГА РУз, ф. И-1, оп. 13, д. 554, л. 193 об.
[2] Там же, оп. 17, д. 796, л. 2-12.
[5] Там же, оп. 4, д. 294, л. 22 об.
[4] Там же, оп. 27, д. 1715, л. 16 об.
[5] Там же, оп. 18, д. 14, л. 40.
[6] Там же, оп. 4, д. 294, л. 22 об.
[7] Там же, ф. И-3, оп. 1, д. 334, л. 32.
[8] Там же, ф. И-17, оп. 1, д. 14913, я. 6-25.
[9] Там же, д. 554, л. 1 об.

рублей, а с Кашгаром - 4 000 000 рублей, в связи с чем ограничение их прав могло неблагоприятно отразиться на деятельности русских фабрик и заводов, Министерство внутренних дел России не решалось их выгнать.

Однако нельзя сказать, что на этом их положение улучшилось. Торговавшим в Москве евреям постоянно угрожала перспектива выселения. Так, в 1.882 г., в связи с кончиной Александра II, по отношению к евреям, проживавшим на территории России, возникли антисемитские настроения, что постепенно начало проявляться и в Туркестане. Правительство, опасавшееся сосредоточения торгового капитала в руках евреев, начало ограничивать их права и в Туркестане.

Согласно закону 1891 г., евреи, не имевшие гражданства Российской империи и не проживавшие здесь с незапамятных времен, лишались права проживания в Туркестане, а также своей недвижимости. Говоря о незапамятных временах, правительство России имело в виду евреев, проживавших здесь до завоевания этого края[1], что, собственно, и привело к изгнанию бухарских евреев. После этого в генерал-губернаторстве составлялся список евреев, проживавших в том или ином городе, и изучался круг их торговых интересов. Евреи, не имевшие капитала, изгонялись из края и были вынуждены возвратиться в Бухарский эмират. Однако большинство евреев за прошедшие годы полностью разорвало какие-либо связи с Бухарой, продав там свои дома, и потому они стали просить разрешения правительства о проживании в Туркестане. Помимо этого, в Туркестане проживали и евреи, обращенные в условиях эмирата в мусульман («Чала»), которые, переселившись в Туркестан, вновь приняли иудаизм и их возвращение в Бухару привело бы к негативным последствиям. Следует отметить, что администрация, при этом избегала массового выселения евреев.

Начиная с 1891 года множество бухарских евреев стало принимать гражданство Российской империи. В свою очередь бухарский эмир выступал сторонником ограничения прав бухарских евреев в Туркестане, поскольку они, приняв русское гражданство и войдя в торговую гильдию, вместе со всей своей семьей начинали обладать правом заниматься торговлей. Следовательно, бухарское правительство в этой связи лишалось значительного числа налогоплательщиков, что, в свою очередь, неблагоприятно сказывалось на государственной казне. Помимо этого, евреи, поверившие заверениям правительства Российской империи, по возвращению в Бухару игнорировали здешние правила и законы и не подчинялись правительству[2], что, безусловно, не способствовало росту авторитета эмира среди местного населения.

Начиная с 3 897 г. множество предпринимателей, которые имели крупный капитал, были обвинены в ростовщичестве и начали терять свои права проживания в крае[3].

Ограничения, касавшиеся прав евреев, в основном применялись по отношению к бедным и не имевшим капитала евреям, и, исходя из экономических интересов, не затронули большой капитал, а также русских евреев. В рапорте Сомова к Самсонозу по городу Чарджуй высказывалось следующее: «С высылкою евреев одновременно закроются около 40 магазинов, типография, фотостудии, аптекарские, мануфактурные и другие склады. Не могу не указать также и на то, что промысловый налог и вообще доходы города сильно понизятся. В то время они были желанными гостями и на них смотрели как на пионеров в новом крае. Надежды они оправдали и поселения процветают и разрослись.

Выселение евреев подорвет торговлю города Чарджуя, особенно пострадает хлопковое дело»[4].

[1] ЦГА РУз, ф. И-36, оп.!, д. 3430, л. 34.
[2] Там же, ф. И-1, оп. 13, д. 212, л. 26 об.
[5] Там же, ф. И-1.7, оп. 1, д. 31134, л. 6.
[4] Там же, ф. И-1, оп. 4, д. 1460, л. 18-19 об.

Порой ходатайства об отсрочке выселений исходили от местных жителей - христиан, которые в течение длительного времени вступали с евреями в правовые и личные отношения[1].

Таким образом, исходя из принятого постановления от 28 января 1910 г., евреи, не имевшие русского гражданства, могли проживать в Самарканде, Каттакургане, Старом Маргилане, Петро-Александровске и Оше[2].

Согласно постановлению Министерства внутренних дел от 4 августа 1915 г., связанному с чрезвычайным положением в Туркестане, евреям, помимо столицы - Ташкента, предоставлялось право проживания в ряде городов и вести там торговые дела[3].

Отметим, что с целью завладеть рынками Средней Азии, правительство России с пользой для себя использовало труд евреев. Первоначально имевшие те или иные привилегии, евреи начали переселяться из Бухарского эмирата и внутренних губерний Российской империи в Туркестанский край. Однако затем их права ограничили и некоторые из евреев были даже изгнаны с данного региона. Но несмотря на это, в пору Туркестанского генерал-губернаторства евреи достигли больших успехов и финансовых высот, имели равные с местным населением права, возродили свои синагоги и открыли школы. Некоторые из них, имевшие значительные средства, переселились в Иерусалим, где и заложили основу для создания поселения бухарских евреев.

[1] ЦГА РУз, ф. И-1S, оп. 1, д. 3263, л. 189.
[2] Там же, ф. И-22, оп. 1,д. 1)59, л. 3; Там же, ф. И-1, оп. 17,д.913,л. 15.
[3] Там же, ф. И-1, оп. 4, д. 1768, л. 62.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ: НОВАЯ КУЛЬТУРА И СТАТУС

Д. А. Алимова,
(Узбекистан)

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ТРУДА НА ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА УЗБЕКСКОЙ ЖЕНЩИНЫ (20-30-6 ГОда XX ВЕКА)

Как это ни устарело и стало не модным в нашей историографии, но я начну со слов К. Маркса: «Каждый, кто сколько-нибудь знаком с историей, знает, что великие общественные перевороты невозможны без женского фермента»'. Это более чем верно в отношении XX века и его 20-х годов. Если считать, что советская власть в довольно короткие сроки добилась экономического переворота на всей территории СССР и, в частности, в Центральной Азии, то:не будет ошибкой сказать, что произошло во многом это благодаря женскому ферменту. Народное хозяйство Туркестана, служившее сырьевым придатком, в начале века претерпело большие изменения благодаря капитализации и Российскому влиянию, и большевики получили в наследство поставленную на определенные рельсы уже относительно технологизированную экономику. Однако задачи, поставленные ими: индустриализация страны в короткие сроки, подъем сельского хозяйства путем коллективизации требовали бурного внедрения в нее огромной трудовой силы. Поднять к движению народные массы можно было только одним путем: развитием просвещенческой культуры в рамках заданной идеологии и привести в движение лежащее камнем большое количество женщин и использовать их рабочие руки. Но поскольку женское население страны было особенно отсталым, была составлена специальная программа раскрепощения, т.е. освобождения женщин Востока, важнейшим компонентом которой было экономическое раскрепощение женщин, что являлось одним из условий развития народного хозяйства.

Считалось, что достижение фактического равенства женщины с мужчиной возможно лишь в условиях, когда она освобождается от домашнего рабства и вовлекается в общественную жизнь. Вовлекая женщину в сферу общественного труда, компартия исходила из марксистско-ленинской теории о решающем значении коллективного труда в формировании человеческого сознания, считая, что благодаря ему женщина приобретает независимое положение в семье и обществе, что это развивает ее творческие способности, способствует формированию более высокой ступени социальной общности, чем родство по крови, которое доминирует в семье".

В реальности же при огромных достижениях советской идеологии и успехах:по вовлечению женщин в производство и во многом благодаря этому в 20-30-е годы прочно обосновался взгляд на женщину, прежде всего, как на существующий и безотказный источник трудовых ресурсов. Считалось, что женщину так «осчастливили» «освобождением», что никакого другого мнения о ее положении и трудностях, кроме позитивного не должно быть. Эта тенденция просуществовала на всем протяжении советской власти. На деле же оставались фактически неосуществленными такие составляющие проблемы решения

[1] Маркс К. и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 32. - С. 486.
[2] Аминова Р.Х. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане. - Ташкент: Фан, 1975. - С. 197.

женского вопроса, как превращение домашнего хозяйства в отрасль общественного труда, воспитание новых отношений между полами, новый тип разделения труда в семье. Абсолютно не брались во внимание существование извечного конфликта между домашним и общественным трудом. Ее общественный труд, происходящий на виду у всех, запечатлевается в сознании окружающих надолго. А домашний труд женщин, не менее, а более тяжелый, результат которого съедается за 15 минут и загрязняется за 1 день, никем не оценивается и не влияет на ее социальный статус. Вся беда в том, что при наличии домашней нагрузки, производительность и условия женского труда ничем не отличались от мужского.

Однако при всем этом - это беспрецендентный опыт трансформации социальных отношений. «Сама по себе декларация равноправия полов, равной оплаты за равный труд, равных возможностей в социальной и политической активности»[1], нашедшая отражение в советских законах (и не совсем в жизни) была грандиозным подарком не столько для общества, сколько для самих женщин. Залогом всего был, конечно же, общественный труд, который сыграл революционную роль в изменении социального статуса узбекской женщины. И. здесь были найдены очень тонкие механизмы, внедрения женского труда в общественное производство. Большую результативность имело создание в 20-е годы особой женской отрасли кустарного производства. В первые годы советской власти, пока существовали альтернативные мнения и шел поиск путей экономической интеграции женщин в общество, женские кустарно-промысловые артели были наиболее удачной формой для решения проблемы. Поскольку женщины носили паранджу и не имели права общаться с посторонними мужчинами, они могли работать в этих артелях, не опасаясь встретить их здесь. Вначале они относились с недоверием к ним, но яри них открывались столовые, детские сады. Женщина, работая в швейном цеху, не беспокоилась за своего ребенка, его и свое питание. Этот опыт привел к тому, что уже в 1922 - 1924 гг. такие артели возникли в Фергане, Хорезме, Самарканде, Ташкенте, Коканде, Андижане и других городах.

К концу 1924 г. в системе кустпромкооперации в Узбекистане насчитывалось 250 женщин-узбечек[2]. В результате проведенной кампании «Худжум» к концу 1928 г. в 50-ти женских кустарно-промышленных артелях Узбекистана работало 4 258 женщин. Для тех лет эта была внушительная цифра[3]. Огромную роль в пропаганде этих артелей играли женотделы, под их влиянием женщины становились инициативными и учились защищать свои интересы. Так, женщины-узбечки в кишлаках одного из районов Самаркандской области во главе с Фотимой Курбановой отказались отдавать свои изделия скупщикам, сами организовали артель и обратились в местный женотдел за помощью. Этих примеров было много. Женщина-узбечка почувствовала, свою значимость, она становилась сильнее.

В период «Худжума» началось втягивание женщин в фабрично-заводскую,промышленность. Это были, в основном, шелкомотальная, текстильная, пищевая и гренажная отрасли. В 1928 г. в республике, в целом в промышленности женщины составляли 12,3,%[4]. И даже в 30-х годах работать на фабрике было большой смелостью. Это было возможно только лишь при условии несопротивления мужа и семьи.

Немаловажным фактором для сознания мужей был заработок жены, который стал со временем важным подспорьем в бюджете семьи. «Оказывается и жена может приносить деньги домой, но при этом и обед есть и дети в порядке» — так думал рядовой горожанин.

[1] Табышалиева А. Отражение во времени (Заметки к истории положения женщин Центральной Азии). - Бишкек, 1988.-С. 55.

[2] Аминова RX. Октябрь и решение женского вопроса в Узбекистане... - С. 202-203.

[3] Там же. - С. 203.

[4] Худжум - значит наступление. - Ташкент: Узбекистан, 1987. - С. 61.

Женщине понравилось принимать решения и повышать свою культуру. Еще в 1928 г, востоковед СВ. Москалев, написавший по заданию женотдела книгу «Узбечка» пришел к выводу о том, что как ни парадоксально, тяжелые условия жизни узбечек на протяжении многих веков развили в их характере в высокой степени черту общительности и стремления к. новому[1].

В селах женщины шли в колхозы с меньшим сопротивлением мужей, потому что в противном случае их, как и остальных, ждала высылка и конфискация имущества. С другой стороны, как свидетельствовали очевидцы, они видели в этом возможность «зарабатывать себе на пропитание, стать самостоятельной и независимой материально от мужа»[2].

К середине 30-х годов политика государства по внедрению женского труда в народное хозяйство при помощи женотделов получила настолько ощутимые дивиденты, что женский труд не только использовался во многих сферах народного хозяйства, но стал приоритетным по сравнению с мужским. В хлопководстве, например, в середине 30-х годов он стал применяться исключительно во всем, начиная от вспашки и кончая окучкой и сбором хлопка[3]. К чему это привело в 70~80-е годы - это отдельная тема.

Несмотря на это к середине 30-х годов сформировался новый культурно-социальный облик женщины советской страны и узбекская женщина не осталась в стороне. Замечательные их примеры приводятся в советской историографии. При всей декларативности изложения текста и отсутствия критического отношения нет основания им не верить, потому что это были наши мамы и бабушки. Поэтому назову некоторых из них.

... Когда Рыхси Ахрарова в 1934 году пришла на швейную фабрику имени М. Горького'в Ташкенте, она была неграмотной. После 6 месяцев учебы в ликбезе девушка могла уже бегло читать и писать и активно включилась в общественную работу. Через два с половиной года Рыхси была назначена техническим директором этой крупнейшей в Ташкенте швейной фабрики, избрана депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

... Максуда Раупова ходила в парандже по настоянию матери по улице, по дороге на фабрику и обратно. Но под влиянием подруг у нее изменились взгляды на жизнь и вскоре Максуда стала стахановкой. В 1938 году она заняла пост председателя фабкома,

... Зульфия Арипова поступила работать на фабрику в 1935 году. Год она ходила после этого в парандже, через два года она стала настолько активной, что ее приняли в партию[4]".

... У Мехри Рахимовой - жены рабочего-трамвайщика Адила Рахимова была заветная мечта - научиться грамоте. Дружеская поддержка, мужа помогла Мехри сделать первый шаг - пойти на курсы ликбеза— Мехри сбросила паранджу и в 1932 году поступила в школу вагоновожатых. Мехри стала третьей узбечкой-вагоновожатой[5].

Данные примеры, конечно же преподносились эмоционально в духе советского патриотизма. Но тем не менее, успехи в деле вхождения женщин в социальную жизнь общества произошли благодаря ей самой и ее неистребимому желанию нового. В этом СВ. Москалев был прав.

В целом крушение прежней системы социальных отношений и идеологическое внедрение теории равенства полов привели к тому, что всего лишь за два десятилетия с формировался новый статус женщины, которая не избежала, однако, и «трансформации вечной женственности». В результате:

[1] Москалев СВ. Узбечка. - М: Охрана материнства и младенчества, 1928. - С. 39.
[2] Цизулина и Степанова. Женщина в совхозном строительстве Средней Азии // Партсборник. 1931. - *Ш* 5-6. - С. 38.
[3] Буренина П. Колхозницы Советского Востока. - М.-Т., Саогаз, 1933. - С. 20.
[4] Шукурова Х.С. Социализм и женщина Узбекистана. - Ташкент: Узбекистан, 1970. - С. 239.
[5] Там же. - С. 240.

1) общественный труд сопособствовал росту грамотности и расширению круга общения;

2) у работающей женщины повысилась самооценка, уверенность в том, что она может оказать сопротивление домашнему насилию;

3) она стала иметь определенное влияние на мужа посредством своего заработка, появилось право голоса в семье, роль в принятии решений:

4) трансформировался подход к воспитанию детей, поскольку у женщины значительно расширился кругозор:

5) усилилась роль женщин в общественной ячейке - махалле, где решались вопросы совместного проживания в квартале;

6) возникла возможность карьеры для одних и карьерный рост для других, что заметно подняло уважение к женщинам в обществе и семье;

7) общественный труд способствовал формированию женской производственной элиты, которая находилась под контролем партии, но ощущение женщинами себя причастными к управлению (депутаты), хоть и формально, сильно влияло на их сознание и сознание общества;

8) начало формироваться интеллектуальное общество Узбекистана, особенно это проявилось в области образования и медицины. При этом участие «кухарки» в управлении государством было, конечно же, формальным.

К концу 30-х годов женщина заняла прочную нишу в образовании и культуре Узбекистана, что в целом повлияло на отношение к ней общества. Имена ставших популярными артистов Х. Насыровой, С. Эшантураевой, М. Тургунбаевой и др. были на устах у народа. Ярким подтверждением неизмеримого изменения облика узбекских женщин является тот факт, что с началом войны они стали основной силой, на которое опирался тыл. В этот период они показали, что могут управлять экономикой и обществом в экстремальной ситуации.

Я думаю, что следующие строки из небольшого стихотворения как нельзя точно характеризуют женщину Узбекистана XX века:

Буря погубить меня пыталась,
Только я хитра, хоть молода,
Как ни гнулась, все же не сломалась,
И листвой играю, как всегда.

Х. Худайбердыева

А. А. Аширов,
(Узбекистан)

ПОВСЕДНЕВНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ УЗБЕКСКИХ ЖЕНЩИН ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ КОНЦА XIX - НАЧАЛА XX В.: ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Роль и место женщин в обидестве и проблемы связанные с ними всегда привлекали внимание исследователей традиционных обществ. Особенно в последнее время выполняется много исследований относительно темы мусульманских женщин, и как результат издаётся много научных и научно-популярных трудов[1]. В настоящей статье мы попытаемся высказать некоторые выводы о различных традициях и их трансформациях, связанных с повседневным образом жизни узбекских женщин Ферганской долины конца XIX и начала XX вв.

Единственное во всей историографии Средней Азии капитальное исследование, в котором комплексно и тщательно раскрыта тема образа жизни женщин, принадлежит перу супругов В. и М. Наливкиных. Их книга «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы», пополнившая золотой фонд отечественной науки, была издана в Казани в 1886 году. Это произведение достойно было оценено в своё время и награждено золотой медалью Русского Географического общества. По утверждению историографа В.А. Германова, известный востоковед Х. Вамбери в своей переписке с самим автором высоко оценил этот труд и утверждал, что произведения такого рода, которые полностью освещают традиционный образ жизни туркестанских женщин, раньше отсутствовали и было бы замечательно, если бы такие произведения создавались и в других регионах.

Данная книга охватывает широкий круг тем. В первых ее разделах представлены общ,ие сведения о Ферганской долине и ее населении, религии и духовенстве, жилищах и утвари. Основная часть исследования посвящена быту женщин, ее наружности и одежде, занятиям и пище, характеру, привычкам и т.д., даются описания жизни женщин на разных этапах жизни - от рождения до смерти. Авторы «Очерков» сообщают ряд фактов, свидетельствующих о переменах образа жизни узбеков. В частности, касаясь религии, они отмечают, что «житейская роль многих сторон ислама в среде местного населения рушится на наших глазах настолько, что не замечают это только очень близорукие»[2].

В Ферганской долине женщины кроме домашних работ были заняты в очистке хлопка от семян, прядении ниток, в разведении червей шелкопряда, ковроткачестве, шитье и крое. Для того чтобы ткать материал из хлопка в домашних условиях, сначала семена отделяли от волокон. Далее очищенный хлопок с помощью *чигирика* вытягивали для получения нитки. Женпшны специально занимались шитьем платков и бельбагов, но шитьем тюбетеек они занимались в свободное от других дел время. Например, прясть нитки по пятницам и среду считалось грехом, поэтому многие женщины по этим дням вышивали тюбетейки[3].

В последней четверти XIX века повседневной куплей и продажей для семьи и мелкой торговлей на базаре занимались в основном мужчины. Если женщине приходилось идти на базар, она осуществляла торговлю в сопровождении близкого родственника-мужчины. Но в торговых делах, связанных с землей, согласие женщины тоже имело большое влияние.

[1] Шимел А. Жояон менингжонимда. йсломоламидахотин-кизларсиймоси. -Ташкент, 1998;Fathi H.Femmes d'autorite dans!' Asie centrale contemporaine. - Matsonneuve Larose / IFEAC, 2004.

[2] Наливкин В.П., Наливкина М.В. Очерк быта женшины оседлого туземного населения Ферганы. - Казань, 1886. -С.92.

'Там же. - С. 118.

Земледелием всегда занимались мужчины, для женщин эта сфера занятий считалась неприличным. Как пишут Наливкины, в то время очень трудно было встретить женщин)' с серпом и плугом, так как Б последней четверти XIX века привлекать женщину на тяжелые физические работы считалось большим грехом. Поэтому никогда не приходилось не только видеть, но даже слышать, чтобы муж приневоливал, жену к такой работе, которая не входит в круг ее исконно-обычных занятий[1].

Несмотря на то, что и религия, и обычное право, призывали мужчину быть главою семьи, нередко главой семьи была женщина, и она работала в хозяйственной сфере. Например, в течение 1860-х годов в Намангане женщина по имени Холбиби была знаменита как Холмираббаши (начальник водокаиальной системы). Муж ее Хаджабек мираб был в Наманганском вилаяте начальником над мирабами. Ещё при жизни мужа, хорошо знакомая не только с обычным правом, но даже с подробностями местной ирригационной системы, энергичная, бойкая и никому не дававшая спуску Холбиби всегда принимала самое непосредственное участие в мужских делах. А после смерти Хаджибека, когда ей было сорок лет, она надела мужское платье, сапоги, чалму, кушак и заняла место мужа. На этом посту она проработала до смерти. Сын ее Саримсох дотхах, которому ока сама проложила дорогу в ханский дворец, стал впоследствии хокимом Намангана[2].

С конца XIX в. в результате развития рыночных отношений в земледельческих районах, где было распространено натуральное хозяйство, часть землевладельцев переходит, (полностью или частично) на'товарное производство. Если прежде все, что изготовлялось женщинами в домашнем хозяйстве (ткани, ковры, керамическая посуда и другие предметы домашнего обихода), потреблялось семьей, то в конце XIX в. продукты их труда стали отправляться на рынок. Наиболее активно женский труд был использован в тех хозяйствах, которые с целью получения большой прибыли переходили на производства одного или нескольких, видов продуктов, пользовавшихся наибольшим спросом рынка. Одним из самых выгодных дел в то время, было хлопководство[3].

В хлопководческих хозяйствах особенно активно использовали женский труд. Если раньше все работы, связанные с хлопководством, (как и вообще земледелием), выполнялись преимущественно мужчинами, то в юнце XIX -начале XX в. сбор хлопка стал сугубо женским занятием[4].

По мнению российского этнолога О.А. Горшуновой, переориентация хозяйства на рынок привела к тому, что женщины начали не только производить товары для рынка, но и продавать свою продукцию. Если раньше женщина не могла появляться в многолюдном публичном месте, то на рубеже веков женщин можно было увидеть даже на базаре, где было скопление мужчин, что противоречило морально-этическим представлениям коренного населения. К. тому же включение женщин в торговое дело, считавшееся испокон веков сугубо мужским занятием, нарушало принцип распределения ролей и обязанностей между мужчинами и женщинами[5].

[1] Наливкин В.П., Наливкина М.В. Очерк быта женщины оседлого туземного населений Ферганы. - Казань, 1886. - С. 119.

[2] Наливкин В.П., Наливкина М.В. Очерк быта женшины оседлого туземного населения Ферганы... - С.159.

[3] Горшунова О.В. Узбекская женщина. Социальная статус, семья, религия. - М., 2006. - С. 41.

* Сухарева О.А., Бикжанова М.А. Прошлое и настояшее селение Айкиран. - Ташкент, 1955. - С. 51.

[5] Горшунова О.В. Узбекская женщина. Социальная статус, семья, религия ... - С. 41.

Узбекские женщины Ферганской долины до замужества, а иногда пока не рожали 1-2 детей, носили косички *(кокил[1])*. В связи с этим городских молодых женщин называли - *беш кокил*. Прически замужних н многодетных женщин также были своеобразными и они тоже носили две длинные косички[2]. Изменение причесок женщин символически означало переход с одного возрастного этапа на другой. В долине, когда девушки выходили замуж, когда у них рождался первый ребенок, когда делали обрезание сыновьям, и когда у них появлялся на свет первый внук, цвет головных уборов и платков менялся в зависимости от событий жизни. В свою очередь, многие процессы, связанные с переходом из одного социального положения в другое, были отражены в форме обычаев и традиций. Девушки, когда выходили замуж, меняли свои девичьи платья на женские на третий день после свадьбы в ритуальном образе.

Узбекские женщины долины в повседневном образе жизни соблюдали культуру своеобразного этикета. Между собой и к самым близким людям они всегда обращались на «вы». Обращение на «ты» считалось некультурным. Особенно здесь следует подчеркнуть культуру общения супругов, супруг всегда в присутствии чужих с женой обращался твердым тоном. А женщина всегда с одобрением слушала мужа. В присутствии чужих людей супруги никогда не обращались друг к другу по именам и всегда обращались на «вы». Обращение по именам среди супругов считалось грехом. Когда супруги были вместе, они обращались друг к другу именем: старшего ребенка. Если у них не было детей, тогда именем племянника или племянницы мужа или от имени третьего лица.

Женщины встречали гостей всегда во внутреннем дворе - ичкари. Если гостья являлась очень близким родственником этого дома, тогда здоровались в обнимку и уведомляли друг друга о новостях, связанных относительно обеих семей и других родственников. Целоваться было нельзя, это считалось невоспитанностью.

Когда мужчины говорили о своей жене другим, то называли её «моя семья», а женщины своих мужчин называли «мой хозяин» или «отец моих детей (наш отец)». В свою очередь, семейная женщина обращалась к старшим мужчинам *«ака»,* а к женщинам *«биби»* или *«ая»,* так как имена людей считались своеобразными табу[3]. Считалось, что некоторые имена могут быть даже тяжелы для ребенка и он не может одолеть великость этих имен и даже может случиться несчастье, связанное с этим. В этих случаях соблюдалась точка зрения совместимости. Вместе с этим, с древнейших времен считалось, что здоровье ребенка, его жизнеспособность, и счастье зависят от его имени. Поговорка, что в именах есть указание на. судьбу, до сих пор бытует среди местного населения.

Важное значение среди узбеков долины имели различные символы. Супруги в большинстве случаев пытались выразить свои чувства друг к другу секретно-символически с помощью предметов и вещей. Например, если муж уезжал в долгий путь, жена, клала ему белье, в кото-

[1] Весьма распространена традиция, когда при проведении первой стрижки волос на голове ребенка родители оставляют небольшую прядь в виде косички *(кокил)* в качестве обета какому-либо святому покровителю. См.: подробнее о географии распространения обряда *кокил:* ЗадыхинаКЛ. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // Родовое общество: этнографические материалы и исследования. - М., 1951. — С. 170-171; Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи). Вып. I. - Сталинабад, 1953. - С. 30; Снесарев Г.П. Реликты немусульманских верований у узбеюв Хорезма... - С. 95-96; Абангак С.Н. Кокил // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. Вып. 4. - М> 2003. - *С.* 44-45.

[2] Наливкин В .П., Налнвкина М.В. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы... - С. 92.

[3] См. подробнее об обряде *тала* и связанных с ним обычаях: Чвырь Л.А. Три «чилля» у таджиков // Этнография Таджикистана. - Душанбе, 1985. - С. 69-77; Буриев О. Чилла нима // Саодат. -- 1993. № 11. - С. 24-25.

рое завертывала немножко соломы и кромку угля. Это означало, что в отсутствие своего мужа от тоски пожелтела как солома и почернела как уголь. Если человек был далеко от дома, а в доме случился траур, то ему отправляли синюю нить.

Наряду с выполнением своих повседневных обязанностей женщины долины весной и летом выходили на коллективные гуляния для почитания святых мест. При этом они посещали святые и сакральные места, расположенные в различных местах долины. Святыня *Тахты Супейман* в Оше, местность *Шахи-Мардан* в Фергане и святыня *Сафедбулок* в северо-восточной части долины посещались женщинами в основном в мае-июне и в июле.

Это мазары самого высокого ранга, к которым съезжались паломники из всех областей Ферганской долины. Паломничество к «великому» мазару считается обязательным для каждого мусульманина. Три посещения такого мазара приравниваются к одному *хаджу* в Мекку. Жители Ферганской области делают это, по крайней мере, один раз в год, как правило, в дни празднования *Навруза,* Однако мазары этой категории по своему функциональному значению универсальны. Они посещаются по разным причинам: в дни национальных и религиозных праздников, поминок, свадьбы, по случаю рождения ребенка, для избавления от недуга и т.д.[1]

Местные жители считают, что лучше посещать могилу в среду, причем несколько недель подряд. Для женщин Ферганской долины этот день считается особым, поскольку связан со святой Биби Мушкул-кушод (госпожа-разрушительница затруднений), считающейся покровительницей семьи[2].

Действительно, святые места посещаются всеми, независимо от возраста и пола. Од-. наш для женщины посещение святыни - это, по сути, повседневное занятие. Они приходили на *мазар* для. индивидуального или коллективного моления. Если причиной посещения святыни является какая-то общесемейная проблема, на *мазар,* как правило, отправляются только члены семьи. Зачастую пожилые женщины собирались на ближайших мазерах ежедневно - это своего рода форма проведения досуга: женщины в отличие от мужчин не имеют возможности посещать мечеть, поэтому *мазар* является, главным культовым местам, где они могут реализовать свои духовные потребности. В женском коллективном паломничестве лидером выступает отынча или женщина из сакрального сословия *(ходжа, тура, шиан, сайиидр.*

В образе жизни женщин Ферганской долины обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка, занимают особое место. Во всех этих обрядах основной целью считается спасение жизни ребенка. Это было связано с высокой детской смертностью в Средней Азии в тот период.

Исследование бытовой обрядности, целительской магии, обычаев, связанных с рождением и созданием семьи, сезонных праздников узбекских женщин Ферганской долины показывает, что в конце XIX в. очень важное значение имел религиозно-мировоззренческий

[1] Горшунова О.В. Женское паломничество к святым местам (по материалам Ферганской долины) // Итоги полевых исследований. - М., 2000. - С. 27.

[2] О культе Биби Мушкул-кушод см.: Андреев М.С. Среднеазиатская версия Золушки (Садрильоны). Св. Параскева Пятница. Див-и Сафед // По Таджикистану. Вып. 1. - Ташкент, 1927. - С. 60-76; Он же. Женская богиня "госпожа вторник", покровительница прях /7 Религиознные верования народов СССР. - М.-Л., 1931. Т. 1. - С. 311-315; Хабиба Фатхи. Смысл женских ритуалов Биби Мушкулькушод и Биби Сешанбе в современной Центральной Азии // Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномаданий жараёнлар. 2-кисм. - Тошкент, 2005.

[3] Горшунова О.В. Женское паломничество к святым местам (по материалам Ферганской долины)... - С. 28; Абдулахзтов Н.У. Место паломничества в жизни населения Ферганской долины (по материалам святых мест Ферганской области). Автореф. канд. ист. наук. - Ташкент, 2008. - С. 20.

концепт, базирующийся на принципе дуализма. С наибольшей очевидностью это проявляется в повседневной бытовой сфере, в частности в традиционной диетологии и медицине, где бинарная классификация, выражающаяся в понятии *пссыгпик-соуглик* (горячее-холодное), находит широкое практическое применение. Дуализм как основной принцип классификации распространяется не только на все предметы и явления, окружающие человека, но и на самого человека: мужчины, согласно бытующим представлениям, относятся к "горячей" категории, женщины - к "холодной". "Мужское" соотносится с правым, верхом; "женское" - с левым, низом. Этим бинарным позициям соответствовала цветовая символика. Черный цвет, который считался горячим и ассоциируется с мужским началом, символизирует жизнетворную силу.

"Горячительным" свойством обладает, согласно местным поверьям, также красный цвет - цвет крови, символ жизни. Противоположными черному и красному являются белый и синий цвета, обязательно присутствующие в ритуальной символике обрядов, посвященных женским святым, чей культ восходит к культу божеств, олицетворяющих женское начало. Среди многообразия бинарных символов плодородия особое место занимали две стихии, два источника сакральной силы - огонь и вода, которые часто фигурируют в магических обрядах, направленных на преодоление бесплодия'.

Чрезвычайно разнообразна узбекская символика плодородия, воплощающая идею зарождения жизни как следствие соединения двух начал, включает такие универсальные символы, как яйцо, ритуальные атрибуты, амулеты, фетиши в форме парных треугольников, изображения свастики и прочие элементы религиозно-магической практики, целью которой является обеспечение плодородия и приумножение потомства.

Таким образом, преобразования конца XIX - начала XX вв., связанные со сменой государственно-правового строя, появлением местной индустрии, миграции европейских переселенцев, положили начало процессу модернизации традиционного общества, изменению структуры семьи и положению женщин, которые из категории домохозяек перешли в категорию производителей. Появление женщин среди рабочих, вовлечение их в хлопковое дело и торговлю создавало предпосылки к изменению их социально-экономического статуса.

[1] Горшунова G.B. Женское божество в системе религиозно-мировоззренческих представлений народов Средней Азии. Автореф. док. ист. наук. - М, 2007. - С. 22-23.

ТРАДИЦИИ И. НОВАЦИИ
В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ И ВРАЧЕВАНИЯ

Д.Х.Зияева,
(Узбекистан)

МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ: ТРАДИЦИИ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ { КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX В.)

1.Истоки медицины в Средней Азии.

Медицина в истории народов Средней Азии имеет глубокие корни, о чем свидетельствует первый письменный источник народов этого региона «Авесто». Именно в этой книге встречаются первые сведения об анатомии человека, о болезнях и методах их лечения. О состоянии и развитии медицины в регионе в последующий период свидетельствуют археологические исследования. В частности, в древнем поселении Сапаллитепа (Сурхандарьинская область) археологами были обнаружены бронзовые инструменты, а в Пойкенде (в 50 км. от города Бухары) развалины древней аптеки, относящейся к VIII веку. В Бекабаде (Ташкентская область) и Работи-Малик (в 20 км от Навои) были обнаружены глиняные и стеклянные сосуды, флаконы с остатками лекарств. В Самарканде археологи раскопали остатки больницы, находившейся рядом с медресе, где преподавались уроки по медицине[1]. Как свидетельствуют письменные источники, в начале XI века в Ургенче была построена больница, в которой работал сам Абу Али ибн Сино (Авиценна), ставший основоположником научной медицины в Средней Азии. В результате обобщения и систематизации всех достижений практической медицины народов Средней Азии, а также критического изучения и внедрения в нее достижений древневосточной и греческой медицины, на основе собственных разработок и опыта Абу Али ибн Сине удалось создать свой капитальный и уникальный труд «Канон врачебной науки (медицины)», состоящий из 30 томов.

Труды Абу Али ибн Сины служили важным пособием в течение нескольких веков не только для среднеазиатских народов, но и в странах Европы. Вслед за Абу Али ибн Сино в Средней Азии трудились несколько поколений известных медиков, опиравшихся в своей деятельности в основном на его труды, а также других известных ученых по медицине.

Традиционная медицина в конце XIX - начале XX вв.

Не потеряло своего важного значения наследие среднеазиатских ученых по медицине и к моменту завоевания. Средней Азии Российской империей. В первые годы колониального господства представители администрации пытались всячески игнорировать многовековой опыт народов края в этой сфере, считая, что «местное население не имеет элементарного представления о правилах медицины». При этом особо подчеркивалась необходимость цивилизаторской миссии русской власти, которая была очень далека от практического осуществления этой задачи. Но вскоре, в результате тщательного изучения состояния медицинского дела среди местного населения, русские чиновники и врачи убедились в обратном.

[1] Кадыров А.А. Возникновение медицины в Средней Азии. - Ташкент, 1990. - С. 33-34.

Им удалось собрать огромный материал о болезнях, о методах их лечения, о лекарствах и их применении на практике местными лекарями и табибами (врачами).

Как свидетельствуют сведения русских исследователей, местные табибы пользовались такими книгами, как «Медицинский сборник», «Чудодейственные способы лечения», «Памятная книжка для глазных врачей», «Исцеление болезней», «Сущность науки о дыхании», «Книга избавляющая», «Изумление влюбленных», «Медицина полезных указаний», «Шифои-клуб» («Излечение внутренних болезней»), «Тарих ул-илож» («История методов лечения») и др. Медицинские книги были в основном на арабском и персидском языках, что свидетельствует о том, что они были написаны очень давно и были малодоступны малограмотным табибам'. Некоторые из них переписывались и переиздавались. Существовали издания и на узбекском языке. («Шифои-клуб» и др.)

В Бухаре действовало специальное учебное заведение - медресе «Дорул-Шифо», в котором учились будущие табибы и лекари. В конце 19 века в Средней Азии были широко известны имена таких табибов, как Хожа Мирзо Муродов, Хожа Насрулло, Абдурашид Кары, Махзум Кадырий и др.

Табибы местными средствами и традиционными методами умели вылечивать такие болезни как оспа, рожа, золотуха, моче- и желчекаменные болезни, водянка, ревматизм, чесотка, глисты, гонорея, язва, сифилис, проказа, головная боль, зоб, болезни дыхательных органов, коклюш, лихорадка, глазные болезни, импотенция, бесплодие, облысение, переломы, катаракта и многие другие болезни[2]. Большой популярностью пользовались костоправы, которые успешно вылечивали переломы и вывихи.

Из 227 растительных лекарственных препаратов, используемых местными табибами, 113 принадлежали к туркестанской флоре, 62 к индийской, 12 к хивинской, 12 к китайской, 9 к бухарской, 7 к персидской, 6 к аравийской, 4 к европейской, I к египетской, 1 к афганской флоре[3]. По форме лекарства были очень разнообразными - минеральные порошки, мази, семена, корни, плоды и листья лекарственных растений, жидкости (настойки), а также лекарства животного происхождения.

Местными табибами на практике наряду с лекарствами использовались такие способы лечения, как массаж, водолечение, кровопускание, психологическое воздействие.

Следует отметить, что в этот период, местные табибы, из-за отсутствия широкой сети. образования по медицине, старались сохранить свои профессиональные тайны, передавая их только своим близким родственникам и ученикам.

Среди табибов, особенно в сельских местностях были и самоучки, без профессионального образования, нередко и шарлатаны, которые приносили больше вреда, чем пользу больным. Отсутствовали также больничные койки, специальные лечебницы для; больных. Табибы принимали больных в основном в своих лавках, где продавались также лекарства, приготовленные ими.

Следует отметить, что традиционная медицина, несмотря на большие достижения, намного отставала от современных достижений развитых европейских саран в сфере оказания медицинской помощи, стационарного лечения, медицинской техники, технологии подготовки лекарств, хирургических операций, медицинского образования. Огромное научное

[1] Кушелевский В. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. - Новый Маргилан, 1890. Том 3. - С. 268.

[2] Кушелевский В. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. - Новый Маргилан, 1890. **Том** 3. - С. 271-278.

[3] Доктор А. Колосов. О народном врачевании сартов и киргизов Туркестана. - С-Петербург, 1903. - С. 63.

наследие традиционной медицины предавалось забвению из-за отсутствия кадров, необходимых средств, недоступности, а также должного внимания и игнорирования официальной властью.

. Распространение русской медицины в крае.

Проникновение и распространение в Туркестане европейской медицины было связано с появлением, в крае русского населения. С утверждением колониализма в Туркестане началось целенаправленное переселение в край огромного количества военных, чиновников, крестьян и рабочих, для которых были созданы отдельные поселения и городки. Для военно-административных служащих в областных и уездных городах были построены «новые» части, расположенные отдельно от старой части городов с мусульманским населением. В новых частях городов были созданы необходимые условия для пришлого населения - школы, аптеки, амбулатории, больницы, театр, парк, магазины, музеи, библиотеки, транспорт и коммуникации, дома европейского типа с водопроводами, широкие улицы с освещением. Все это свидетельствует о проникновении в край европейской цивилизации. Но следует подчеркнуть, что все это было доступно только для европейского -- русского населения. Для местного населения все это было абсолютно не доступным.

Старые части городов оставались на уровне XIX века, несмотря на то, что весь доход городов состоял от налогов, собираемых именно в этих частях.

Такого же принципа придерживалась администрация и в вопросах здравоохранения. Уже в 1860-1870-х годах, сразу же после прихода русских, создавались первые медицинские учреждения для военных. Была учреждена специальная должность военно-медицинского инспектора, а в дальнейшем, военно-медицинское управление. Медицинским работникам, прибывшим в Туркестан, предоставлялись большие льготы. Первые медицинские учреждения в крае были организованы исключительно для русского населения. Но со временем, в результате вспышки инфекционных эпидемий, особенно после случая распространения холеры в 1892 году в Ташкенте, чумы в 1898 году в селение Анзоб Самаркандской области, администрация по требованию медиков, работающих в крае, была вынуждена приступить к организации врачебного дела для местного населения.

О состоянии здравоохранения в Туркестане свидетельствуют следующие сведения, отмеченные доктором Г.А. Колосовым: *«В Ташкенте даже в 1899 году, (край был завоеван в 1864-65 годах —Д.З.) к стыду нашему, ж было общей больницы, а была только временная заразная (инфекционная). В этом отношении Ташкент стоял ниже столицы Бухарского ханства, где еще 10 лет назад была основана на средства эмира довольно благоустроенная больница на 30 кроватей с 2 врачами, (один их которых была женщина-врач)»*.

По словам этого автора, в Ташкенте в тот период больным оказывалась только амбулаторная помощь в нескольких лечебницах. В русской части города было 4 амбулаторных лечебницы, в туземной части 2 амбулаторные лечебницы и 1 родильный дом, организованные по инициативе русских врачей. Одна из амбулаторных лечебниц для местного населения была для детей и женщин. В целом, по Туркестану было 27 больниц с 356 койками[1]. Организация стационарного лечения для местного населения была крайне неудовлетворительна. По данным на начало XX века на 13,000 человек приходилось одно место в больнице. В России 1 место приходилось на 1100 человек.

Не хватало и медицинских кадров. Так, по данным 1933 года на одного врача приходилось 26,000 жителей, в то время как в России эта цифра составляла 1 врач на 6900 тысяч. Медицинские работники обслуживали в основном городское население. Организация здра-

[1] Отчет Медицинского Департамента Министерства Внутренних дел // Вестник общества гигиены, судебной и практической медицины. 1901. Сентябр; Колосов А. Указанная работа. - С. 93.

воохранения в сельских местностях была в плачевном состоянии. По всему Туркестану ни одно село не имело больницу, оказание медицинской помощи сельскому населению было возложено на фельдшеров, количество которых было совершенно недостаточно. К примеру, по данным на начало XX века в Самаркандской области сельскому населению в количестве 700 000 человек было организовано 9 фельдшерских пунктов'. Многие фельдшеры не имели специального медицинского образования. Из-за плохого финансового обеспечения на фельдшерских пунктах не хватало самых необходимых лекарств.

Важную роль играли повивальные бабки, помогавшие женщинам при родах. Но администрация края была крайне заинтересована в привлечение к услугам повивальных бабок из числа местных женщин. Администрация края рассчитивала повлиять через них на местных женщин[2], В 1914 году в Туркестане работало 45 врачей-женщин. В крупных городах края - Ташкенте, Самарканде, Андижане, Коканде, Маргилане и Намангане организовались лечебницы для женщин и детей, в которых трудились женщины врачи и повивалки.

Отношение местных табибов и населения к русской медицинской помощи.

Отношение местных табибов к русским медикам было неоднозначным. Многие табибы пытались сотрудничать с ними, изучая их методы и средства лечения. Но было немало табибов, отрицавших и не признававших их. В целом же, русская медицина вплоть до конца XIX века была недоступна и непризнана мусульманским населением. Мусульманское население городов обращалось за помощью, в основном, к глазным врачам и хирургам. Женщины-мусульманки не признавали даже повивальных бабок, о чем свидетельствует Ферганский областной врач В.И. Кушелевский. Он отмечал, что повивальные бабки до конца XIX века существовали только для русских женщин, мусульманки их не приглашали[3]. Только к началу XX века отмечаются факты обращения мусульманских женщин в городах к повивальным бабкам.

Таким образом, встреча двух цивилизаций в Средней Азии на примере традиционной и европейской медицины, происходила противоречиво: начальный этап этой встречи, продлившийся несколько десятилетий, характеризовался взаимным игнорированием. Но в дальнейшем русские медики, несмотря на резкий критический подход, были вынуждены признать достижения традиционной медицины. Точно также, хотя медленно, но постепенно, росло число мусульманского населения, обращавшегося к русским врачам. Но.-основная масса мусульманского населения продолжала пользоваться традиционной медициной, что объяснялось, прежде всего, ее доступностью, привычностью и доверием местного населения, а также недоступностью и отчужденностью русской медицины.

Были и. единичные представители мусульманского населения, получившие русское медицинское образование, являвшееся недоступным для большинства даже в самой России. В частности, уроженец Бухары А.Вахабов одним из первых получил медицинское образование на медицинском факультете Московского Государственного Университета. После успешного обучения он стал известным специалистом по урологии. По возвращению в родной край он бесплатно лечил бедняков.

Заключение. В целом состояние медицины и здравоохранения в Средней Азии в условиях колониализма было противоречивым. С одной стороны, в край стала проникать русская медицина, основанная на европейских достижениях, но она служила прежде всего для русского населения. С другой стороны, продолжала существовать традиционная медицина,

[1] Доктор А. Колосов. О народном врачевании сартов и киргизов Туркестана. - С-Петербург, 1903. - С. 78.

[2] Махмудов *М.* Становление и развитие медицины и здравоохранения в Средней Азии (1867 -1924 гг.). Дисс. … док. ист. наук. - Ташкент, 1992. - С. 310.

[3] Кушелевский В. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области. - Новый Маргилан, 1890. Том 3. - С. 284

которая, несмотря на игнорирование со стороны администрации и отсутствия финансовой поддержки для дальнейшего развития, все же сохранила преимущество в оказании медицинской помощи мусульманскому населению.

Наиболее передовые представители общества в лице интеллигенции и медиков осознавали необходимость обобщения достижений традиционной и русской медицины. Но администрация края оставалась на позициях однозначного игнорирования традиционной медицины, считая ее отсталой и невежественной. Для местного населения, основная часть которого проживала в сельских местностях, русская медицина оставалась недоступной и неизвестной. Мусульманское население городов Туркестана обращалось к русской медицине только в безвыходных случаях.

С проникновением русской медицины в край появились новые формы медицинской службы - первые амбулатории, стационары, санитарно-гигиенические службы и лаборатории, прививки для защиты от инфекционных болезней, медицинские работники, аптеки, учет инфекционных болезней. Это повлияло на расширение и обогащение медицинской культуры и науки в крае. Большая заслуга в этом принадлежала русским медикам, обратившим внимание на катастрофическое состояние здравоохранения в крае. Многие из них пытались по мере возможности честно и самоотверженно служить в сфере здравоохранения, помочь развитию и расширению медицинской помощи в Туркестане.

S. Shadmanova,
(Uzbekistan)

FROM THE HISTORY OF THE OBSTETRICS BUSINESS IN TURKESTAN

The issues related to the obstetrical business are considered as one of very important problems of society because future of human depend from outcome of labor. It is necessary to note that until Second half of XIX century the Turkestan women use to procreate children at home. The charitable Society did form on 1883 a commission that discussed an issue related to the opening of a school for midwives from the local people in Turkestan at the maternity apartment of the Charitable Society'.

The Turkestan» District military-medical inspector in 1884 raised a problem on the expansion of activity of a female out-patient clinic, the commission for consideration of this problem under the chairmanship of the regional physician doctor Okolov was formed, with; the following members of the commission: doctor Bredov, city doctor Batyrshin and women-doctors Gundius, Poslavskaya and Mandelshtam[2]. This commission developed a project of establishing a maternity ward with a department for patients under the female out-patient clinic. In 1885, this project was submitted to the Turkestan! General-Governor, The realization of this altogether approved project was postponed for the lack of free money funds of the zemstvo's credit. Then in 1886, the military-medical inspector, the Doctor of Medicine I.P.Suvorov again appealed with a petition for expansion of the hospital activity with charges being placed to the city account. Under the

[1] Palienko D. O podgotovlenii povitukh iz tuzemok (About training midwives from aboriginal women) /7 Turkeslani Gazette. 1893,29 September.

[2] Mandelshtam. Po povodu proekta doktora Palienko (Concerning the doctor Paiienko's project) // Turkestani Gazette. 1893,27 November.

chairmanship of the former military governor general-lieutenant Grodekov a new commission consisting of a regional doctor, doctor Bredov, women-doctors and the city head Putintsev had been formed. The commission developed a project of establishing a maternity ward with a school of midwives at a clinic, with transferring necessary charges to the account of the city treasury. The Duma, having accepted it sympathetically and approved it, recognized its execution as premature because of the lack of funds. In 1889, the military governor on presentation of the former chief of the city Putintsev again raised the question to establish at the female out-patient clinic a maternity ward with a school for midwives and constant beds for patients. However, that time the affair was represented so extensively that its realization was found impossible because of lack of means.

In 1891, the project for the organization of obstetrics in the Asian part of city of Tashkent was sent to the town council by A.P.Pankratjev, the member of the city Duma. After submission of the project by the commission, the Duma decided to establish at the female out-patient clinic a hospital reception ward consisting from two departments, one for sick women and children and another for lying-in women (women in childbirth), every department for five beds, thus having increased the clinic staff with one woman-doctor, and advised the heads of a clinic to entrust management of the obstetrics to a woman-doctor, appointed a clinic manager, with granting women-doctors the right to their own decision-making and managing in the clinic and at the same time the task had been put to women-doctors as to assist in-home to those local women that through illness are deprived of opportunities to enjoy the services of a hospital reception ward. The Duma had ratified the sum of annual charges necessary for it of 5.880 roubles.

In 1893 in the Tashkent municipal Duma Palienko, the chief of the maternity ward at the Tashkent Charitable Society, made a report on the organization of obstetrics in the Asian part of Tashkent, spoke. This report was printed in the newspaper "Turkestani Gazette" on August 25, 1893', and then was issued by a special brochure and sent to the members of the Duma. In it doctor Palienko recommended the city authorities to open at the maternity ward he headed a school for training midwives from women representing local population. This project of doctor Palienko became the reason of dramatic discussion among the public. After publication of the project on the pages of the newspaper "Turkestani Gazette" women-doctors Kor-de-Las[2] and Marsdelshtarn[3] published their articles criticizing the Palienko's project and in every possible way advocated the project adopted by the Duma.

Palienko suggested to organize training the women representing the local population in the Russian, part of the city of Tashkent because in the Asian part of the city there was no even a suitable out-patient ward, especially there was nothing suitable for a maternity ward which should be responsible for the complicated cases, thus, it was a completely insoluble problem. Palienko considered that national midwifes - *doya* provide the normal process and an outcome of ordinary childbirth. And the maternity ward was intended for complicated cases when surgical intervention was necessary.

On the other hand, women-doctors Kor-de-Las and Mandelshtam[4] considered it more correct to establish the maternity ward at a female ambulance station, i.e. in the Asian part of

[1] Palienko. Ob organizatsii rodovspomogatelnogo dela v aziatskoi chasti Tashkenta (About the organization of obstetrics in the Asian pail of Tashkent) // Turkestani Gazette. 1893,25 August (6 September).

[2] Kor-de-Las. Zaraetka po povodu statyi "Ob organizatsii povitukh iztuzemok" (A note regarding the article "About the organization of midwives from aboriginal women") // Turkestani Gazette. 1893,13 (25) October.

[3] Mandelshtam. Po povodu proekta doktora Palienko (Concerning the doctor Palienko's project) // Turkestani Gazette. 1893,27 November.

[4] Mandelshtam, the woman-doctor, a member of the Commission of the Duma on the adopted project, worked since 1883 in the Asian part of the city at the ambulance station for women and children, first she helped lying-in women alone, then since 1887 with a midwife Fatima (50 years, a Tatar woman), and since 1890 with a midwife Biyumfeld.

city. They motivated the necessity of it by that women of the local population would not go to such establishment in which doctors-men work. They thought that the future of obstetrics for the representatives of the local population only belongs to women-doctors because only women-doctors could cause an exclusive trust of the women of the local population.

Mandelshtam claimed that local women had not applied to the maternity ward in the Russian part of Tashkent as this ward was managed by the man and this maternity ward was located in the Russian part of the city which was absolutely alien to women from the local population. By virtue of recognizing the necessity to open the maternity ward in the Asian part of the city, thereby due to the same circumstances the school for midwives should be also opened in the same place, because no man of local population would dare to allow his wife or his daughter to be trained in the Russian part of the city in the maternity hospital, headed by a male person, and especially to live in it as it was supposed in Palienko's project.

It is necessary to note that before women-doctors appeared, men-doctors have made much in this sphere. Doctors Gimmer, Batyrshin, Yoganson and Palienko hundreds of times were called by lying-in women of the local population and rendered them necessary medical aid. Palienko in his report referred to such fact that during his stay in Tashkent for more than ten years, he could not recollect any case when he had to leave a female patient not having been allowed to her . examination.

From 1883 to 1893 the ambulance station for women and children in the Asian part of Tashkent was visited by 78.073 women from the local population. Considering that in a year there were 250 working days, the daily number of visits made 31, and the number of women who visited a men's ambulance station increased up to 40 and quite often reached up to 60[1].

Palienko considered that for opening a school of obstetrics for local women at the maternity ward of the Charitable Society there would be enough materials for training as training midwives is only possible during the process of normal child-birth. And lying-in women of the local population at the normal process of child-birth applied to *doya,* only in complicated cases they applied to-accoucheurs. Doctor Kor-de-Las was sure that by lapse of time all would turn to the best and women of the local population would begin to get accustomed and come to maternity wards even in case of normal child-birth. Palienko considered that it was not a fast process and it would last not less than 20-25 years, and that for this purpose it was necessary first of all to train. midwives from the local population so that they had taken the place *of doya.* In Palienko's opinion those administrative measures which were suggested by Kor-de-Las and others in regard of *doya* could not bring expected results, there was a necessity of training midwives, in conditions of a free competition in order that sympathies of the people came to their party and that people felt the advantages of midwives instead *of doyas*[2],

I would like to conclude that both projects, basically, had the right to life though the project adopted by the Duma better met the requirements of that time. Though Palienko also mentioned the facts when Muslim women visited men- doctors, Europeans, however it was most likely an. exception than a rule. Besides, these facts took place mostly in Tashkent and other large cities, and in villages in the majority of cases *doyas* or close relatives accouched the lying-in woman and it was practiced until the 1960s. By the way, this fact is mentioned in the book of B. and M.Nalivkin spouses who said that "midwives specially engaged in it were available generally in. cities".[3] It once again proves that Palienko's project was not absolutely well-timed; it was more

[1] Paiienko. Moira opponentam (To my opponents) // Turkestani Gazette. 1893,10 (22) November.
[2] Palienko. Moim opponentam (To my opponents) // Turkestani Gazette. 1893, 7(19) November.
[5] Nalivkin V., Nalivkina M. Oeherk byta zhenschiny osedSogo tuzemnogo naseleniya Fergany (A sketch of the way of iife of the woman of the settled native population in Fergana). - Kazan: A printing house of Imperial University, 3886.-P. 170.

European though some ways suggested by Paiienko could be used already at that period. As Paiienko marked, *doyas* worked m usual cases of labour without complications, and in cases of child-birth complications and when operations were needed it was necessary to invite doctors, but it was not obligatory to be a men-doctor. In this sense the organization of a school of obstetrics for women of the local population was topical.

On pages of periodicals, especially in the newspaper "Turkestani Gazette" the questions on the organization of obstetrics in Turkestan were widely covered, there were dramatic discussions of this problem among the experts, especially among the men-doctors and women-doctors who had arrived to work in Turkestan from Russia and contributed greatly to the people's health service. Irrespective of their nationalities and faith they carried out their medical duty to people including the local population of Turkestan.

Р. Назаров,
(Узбекистан)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ТУРКЕСТАНА

Предложи им наяву
Самаркандскую халву,
И турецкую фисташку,
И персидскую айву!
Л. Филатов

Система питания является не только частью жизнеобеспечения[3] любого этноса, но также является важным элементом национальной ментальности[2], культуры в целом. ≪У каждого народа, каждой культурной общности есть свой склад мышления, который и предопределяет картину мира и национальную концептосферу. Каждый народ остается самим собой до тех пор, пока сохраняются особенный климат, пейзаж, *пища (выделено нами — РЖ),* язык, т.к. они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления»[3].

Известный российский этнолог С.А.Токарев писал, что пища имеет значение «формы, опосредствующей социальное общение людей... Совместные трапезы на всех ступенях исторического развития были и остаются одной из важнейших форм бытового общения между ЛЮДЬМИ»[4];

Казахский исследователь Н.Ж. Шаханова отмечала: «Традиционная модель питания существенным образом зависит от экологической среды обитания этноса и во многом он-

[1] Культура жизнеобеспечения и этнос. - Ереван, 1.983; Этнография питания народов Зарубежной Азии. -- М., 198!; Этническая экология питания. - М., 1996 и т.д.

[1] Традиционная пища как выражение этнического самосознания. / Отв. ред.: С.А. Арутюнов и Т.А. Воронина. - М.: Наука, 2002.

[5] Пасывкеева В.В. Лингвокультурный аспект концепта число // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. - Челябинск, 2008. - С. 264.

[4] Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. - С. 5.

ределяет его хозяйственно-культурную деятельность... Пищевой рацион этноса непосредственно определяется его хозяйственно-культурным типом (ХКТ). В то же время существует и обратная связь - в определенной мере ХКТ зависит от этнических пищевых традиций и исторически сложившейся модели питания»[1].

Как отмечал кубинский исследователь Э. Эрнандес Кастильо: «Поскольку развитие культуры определяется большей частью социально-экономическими факторами, невозможно с достаточной точностью анализировать культурные явления вне тесной связи с историческими процессами, в которых они возникают. Пища, в том числе и напитки, относится к сфере потребления. Потребление - это категория, которая включает в себя экономическое и.историческое содержание, с чем особенно нужно считаться при изучении пищи как явления культуры»[2].

С точки зрения известного российского этнолога О.И. Брусиной «этническую специфику пище, характерной для той или иной группы населения, придают не так и не столько отдельные «национальные» блюда.... а скорее некие общие для данного народа и весьма устойчивые принципы питания: соотношение животной и растительной пищи, режим и рацион питания (суточный и годичный), очередность употребления блюд, принятые способы обработки пищи, особенности поведения за едой, традиционные наборы блюд для трапезы по определенным событиям»[3].

В основе традиционной системы питания населения Туркестана всегда лежали три основных вида питания[4]:

- пища оседлого населения с преобладанием злаков, овощей, фруктов и несколько меньшей долей молочной и мясной пищи;
- пища кочевого населения с преобладанием мясо-молочной пищи;
- пища полуоседлого и полукочевого населения, имевшая промежуточный характер.

Основными злаковыми культурми в Туркестане в середине XIX в. являлись джугара, просо, пшеница, пшено, рис, ячмень[5], бобовыми - горох, лобио (фасоль), маш, нохат, чечевица. П.И. Демезон писал, что в регионе «успешно культивируют гендум (пшеницу), джугару.., кунжит и захир - разноввдности кунжута, джав (овес), арзан (ячмень), маш (вид чечевицы), нахут (горох), лубия (вид фасоли)»[6]. Стоит отметить, что пшеница, рис, овес, ячмень Туркестана были удостоены медалей Всемирной выставки в Чикаго в 1893 г.[7]

Одним из основных продуктов питания в регионе является хлеб. Популярны такие виды хлеба как *оби-нон, лочира, потир, чурек* («приготовленная на сковороде большая лепешка»)[8], *ширмойнон и т.д.*

В Центральной Азии всегда культивировались различные фрукты: абрикосы, айва, алыча, виноград, вишня, гранаты, груши, персики, сливы, тутовник, фиги (инжир), хурма, че-

[1] Шаханова Н.Ж. Традиционная пища казахов как историко-этнографический источник. Автореф. дисс. как. ист. наук. - Л., 1987. - С. 3.

[2] Эрнандес Кастильо Э. Пища // Этнография кубинской провинции Матаисас. - М: Наука, 1988. - С. 164.

[3] Брусина О.И. Славяне в Средней Азии. - М., 2001. - С. 93.

[4] Шаниязов К.Ш. О традиционной нище узбеков // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. - Ташкент: Фан, 1972; Материальная культура таджиков верховьев Зарафшана. - Душанбе, 1973; Шаханова Н.Ж. Традиционная пища казахов как историко-этнографический источник...; Курбанова М.Б. Традиционная нища узбеков и таджиков Бухарского оазиса (конец XIX - начало XX в.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. -Ташкент, 1994.

[5] Бухарский эмират в описаниях Н.В. Ханыкова (1841-1842) // История Узбекистана в источниках. - Ташкент: Фан, 1990. - С. 77.

* Записки о поездке в Бухару П.И. Демезона (1833-1834) // Там же. - С. 44.

[7] Тюриков В.й. Первый. Первая. Впервые. - Ташкент, 1996. - С. 38.

[8] Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву (50-е годы XIX в.) // История Узбекистана в источниках...-С. 92

решня, яблоки и т.д., а также бахчевые (арбузы, дыни) **и** ореховые культуры (арахис, грецкие орехи, миндаль, фисташки). Филипп Назаров писал также и об апельсиновых деревьях в садах Коканда[1], но видимо он их **с** чем-то спутал (возможно, с хурмой), т.к. в Центральной Азии недостаточно влажности, для естественного роста цитрусовых. Многими исследователями отмечалась большая роль фруктовых культур в питании **местного** населения: «все садовые плоды... составляют для тамошних жителей не одно только лакомство, но **и** настоящую пищу»[2]. Сухофрукты Туркестана (особенно чернослив **и** кишмиш) получили очень высокую оценку на Всероссийской выставке сухофруктов в 1888 г. в Санкт-Петербурге[3].

Популярные и традиционные овощные культуры региона - лук, морковь, огурцы, редька, анзур, репа, тыква, чеснок и т.д. П.И. Демезон писал, что здесь выращивают «все овощи... за исключением... цветной капусты, свеклы, картофеля, спаржи и артишоков»[4]. Из овощей готовились супы, их ели вареными, пареными, жареными, из них делали гарнир для мяса и т.д. Важный элемент традиционной системы питания - зелень (райхон, джамбил, мята, кинза **и** т.д.) и специи (красный и черный перец, барбарис, зира, семена кинзы **и** т.д.)

Самым значительным блюдом узбекского рациона был и остается плов. Еще в 70-х гг. XVIII в. Филипп Ефремов описал рецепт плова, во многом сохранившийся до сих пор: «варят мясо, сваривши вынут, **и** в самой той воде варят **сарачинское** пшено *(рис. - Р.Н.),* а как поспеет вполовину, то из котла вынут и обливают холодною водою: в порожний котел кладут крошенный лук, морковь с изюмом и шафраном, потом, положа в недоваренное пшено, котел ставят в вольный жар, наливают сверху овечьего топленого сала и покрывают плотно, чтобы не выходил дух; сие кушанье называют половою»[5].

Практически все исследователи и путешественники упоминают плов в своих записках: Н.В. Ханыков описывает **«себзи пёлоу»** в Самарканде[6], Абросимов упоминает «бараний готов с изюмом и чухонским маслом» в Хиве[7], **Будрин** пишет про «сарачинское пшено, сваренное с бараньим и коровьим мясом, морковью или ягодами и приправленное коровьим мясом»[8], а Е.К. Мейендорф - про «плов, часто окрашиваемый в желтый цвет **шафраном»[9]в** Бухаре **и** т.д. А. **Вамбери** также описывал праздничную трапезу: «каждый из них съедает по фунту бараньего сала и по два фунта риса, не считая хлеба, моркови, репы и редьки, и вдобавок еще, без преувеличения, **от** 15 до 20 больших суповых чашек зеленого чая»[10].

Основные вида мяса, употреблявшиеся населением региона - баранина («предпочитают баранье мясо: только, его **и** находишь на базаре»)", в несколько меньшей степени - говядина, курятина, мясо индюков, дичь, хотя есть свидетельства, что употребляли и конину. 'Так, Филипп Назаров описывал, как в Коканде было подано блюдо **плова** «окрашенного розовою краскою, с лошадиным мясом»[12].

[1] «Записки о некоторых народах и землях Средней Азии» Филиппа Назарова (1813-1814) /7 'Там же. - С. 164

[2] Записки Будрина о пребывании в Бухаре (1820) // Там же. - С. 213.

[3] Тюриюв В.И. Указ. соч. - С. 130-131

[4] Записки о поездке в Бухару П.И. Демезона (1833-1834) // История Узбекистана в источниках... - С. 44

[5] Десятилетнее странствие Филиппа Ефремова (70-е гг. XVIII в.) // История Узбекистана в источниках. - Ташкент: Фан, 1988. - С. 123.

[6] Самарканд в описании Н.В. Ханьжова // Там же. - С. 81.

[7] Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву (50-е годы XIX в.) // Там же. - С. 92.

'* Записки Будрина о пребывании в Бухаре (1820) // Там же. - С. 213.

[9] Бухара и Хива в описании Е.К. Мейендорфа (1820) // Там же. - С. 198.

[10] Путешествие по Средней Азии венгерского ориенталиста Арминия Вамбери (1863) // История Узбекистана в источниках. - Ташкент, 1990. - С. 109.

" Бухара и Хива в описании Е.К. Мейендорфа (1820) // История Узбекистана в источниках. - Ташкент, 1988. - С. 198.

[12] «Записки о некоторых народах и землях Средней Азии» Филиппа Назарова (1813-1814) // История Узбекистана в источниках. - Ташкент: Фан, 1990. - С. 169.

Из мяса готовили *каурдак, кабобы* («приготовленный на железном пруте или вертеле кусок говяжьего мяса»)[1], *каурму, кийма-кабобы* («блюда, приготовляемые из рубленого мяса»)[2], *шурпу* и т.д. Из мясного сбоя делали такие блюда как *думба-жигар, постдумба, хасип* и т.д. Употреблялось также мясо диких животных (архаров, джейранов) и птиц (кеклико в, перепелок, фазанов).

Рыба была в меньшем употреблении, но многие отмечали ее популярность в отдельных регионах, в частности, Абросимов писал об употреблении белуги в Хивинском ханстве, отмечая при этом: «Икра у них остается без употребления.., а если и идет в пищу, то только вареная вместе с рыбой»[3].

Для оседлого населения были характерны полумясные блюда: мясо-крупяные (плов, шавля, мясные каши), мясо-овошные *{ажаб-еанда, босма, димлама),* из мяса и теста *(чучвара, барак, норин)* и т.д.

Молочные продукты, популярные в регионе: *айран, каймак, катык, курт, пишлок* (вид сыра), *«ременчик»* (видимо *иримчик)* - топленные сливки по-хорезмски)[4], сливочное и топленое масло, *сузьма,* и т.д. Есть свидетельства об употреблении оседлым населением региона чая с молоком. А. Берне писал о жителях Бухары: «Как бы ни велико было количество привозимого молока, оно быстро исчезает перед чаепийцами этого великого города»[5]. Известно и об употреблении чая «со сливками и солью»[6]. Молоко использовалось для приготовления ряда блюд: молочно-рисовой каши *(ширгуруч),* молочных супов и т.д.

О характере питания населения региона можно судить по таким данным, как количество продовольственных базаров. По свидетельству А. Лемана (1842 г.), из 44 бухарских базаров 22 торговали продовольствием: 6 молочных, 4 фруктовых, 3 хлебных, 2 масляных, 2 яичных, 2 бахчевых, 1 рыбный, 1 для продажи муки и зерна, 1 соляной[7].

Среди налитков, как отмечали исследователи преобладали «вода, чай, простокваша, виноградный сок»[8]. Главное место, безусловно, занимал черный и зеленый чай[9]. Только в Самарканде в 1902 г., было 12 фирм по продаже чая: 3 российские, 7 иранских, 2 индийские[10].

Бытует мнение, что алкогольные напитки появились только в конце XIX - начале XX вв., однако это не совсем так. Но уже в 30-е гг. XIX в. Н.В. Потанин, будучи в составе российского посольства в Коканде писал: «выдавалась нам виноградная водка". Вряд ли ее готовили только для угощения послов. Вообще членов посольства очень неплохо угощали: выдавали «по одному барану, по ! 5 лепешек хлеба, по 15 фунтов плодов свежих и сушеных в сутки, по фунту чаю, по голове сахару на 4 дня»'[2].

[1] Рассказ торговца Абросимова, о поездке его в Хиву (50-е годы XIX в.) // Там же. - С. 93.

[2] Бухара и Хива в описании Е.К. Мейендорфа (1820) // История Узбекистана в источниках. ~ Ташкент, 1988. - С. 198.

[5] Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву (50-е годы XIX в.) // История Узбекистана в источниках. - Ташкент: Фан, 1990. - С. 92.

[4] Рассказ торговца Абросимова о поездке его в Хиву (50-е годы XIX в.) // История Узбекистана в источниках. - Ташкент: Фан, 1990. - С. 93.

[5] «Путешествие в Бухару» капитана Александра Бёрнса (1832) // Там же. - С. 25.

[6] Путешествие по Средней Азии венгерского ориенталиста Арминия Вамбери (1863) // Там же. - С."119;

[7] Шодмонов Т. А. Леман о жизненных ритуалах тюрков Средней Азии в переводе Т. Шодмонова /7 Узбекистан этнологияси: янгича карашлар ва ёндашувлар. - Ташкент, 2004. - С. 225.

[8] Извлечения из «Описания всех в Российском государстве обитающих народов И. Георги (1776)» // История Узбекистана в источниках. - Ташкент" Фан, 1988. - С. 134.

[9] Абашин С.Н. Чай в Средней Азии: история напитка в XVIII-X1X веках // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. - М.: Наука, 2001.

[10] Тюриков В .И. Указ. соч. - С. 39.

[11] «Записки о Коканском ханстве» хорунжего Николая Потанина (1829-1830) // История Узбекистана в источниках. — Ташкент: Фан, 1990. —*С.* 13.

[12] Там же. - С. 13.

П.И. Демезон также писал о виноделии в регионе: «часто бухарцы тайно дают винограду бродить в больших земляных сосудах (хум), чтобы получить из него потом тот самый напиток, который строго-настрого запрещен Кораном и так великолепно воспет поэтом Хафизом»[1]. В языках народов региона есть дольно много терминов для обозначения различных спиртных напитков - *арак, буза, мусаллас, сыра, шароб* и т.д., что свидетельствует о наличии давних традиций их производства и потребления.

Как отмечал К.Ш. Шаниязов: «Из опьяняющих напитков употребляли бузу: ее готовили из проса, ячменя или риса. Перегоняя бузу, получали водку. Пили и виноградное вино (мусаллас)... С распространением в Средней Азии мусульманства производство вина сильно сократилось, но не исчезло совсем»[2].

Трансформация системы питания населения Туркестана в конце XIX -первой четверти XX вв. связана со многими объективными факторами[3]:

- появление в хозяйстве новых продуктов и культур (картофель, помидоры, баклажаны, болгарский перец, латук, цитрусовые и др.),
- появление новых видов кулинарной обработки пищи (припускание, тушение, варка на пару и т.д.),
- появление новых видов посуды и технических приспособлений (самовары, кастрюли, манты-касканы и т.д.),
- появление в структуре населения новых этнических групп (славяне, выходцы из Китая, Кавказа и т.д.), которые внесли большой вклад в трансформацию традиционной системы питания.

Переселение различных этнических групп в Центральную Азию серьезно изменило пищевой рацион народов региона.

Стали внедряться новые виды и сорта сельскохозяйственных, культур, новые породы сельскохозяйственных животных. Н.Н. Раевский в 70-80-е гг. XIX в. привез в Туркестан специальные винные сорта винограда из Крыма и Кавказа[4]. До этого вина делали исключительно из столовых сортов местного винограда, отличающихся очень высокой сахаристостью.

С 1896 г. купец Тезиков (по имени которого называлась знаменитая Тезиковка, т.е. дача Тезишва, а затем Тезиковский рынок) осуществлял акклиматизацшо и разведение в прудах ценных сортов рыб (лосося, форели и т.д.)[5]. Можно сказать, что именно с этого времени получило распространение прудовое рыбоводство Туркестана.

В 1897 г. в регион был завезен батат (сладкий картофель), урожаи которого дали хорошие результаты (батат выращивал агроном П.С. Назаров), но к сожалению это растение не получило широкого распространения[6].

В 1904 г. под Ташкентом группой болгар во главе с И. Капитоном были разбиты т.н. «Болгарские огороды», на которых стали выращивать болгарский перец, помидоры, баклажаны и другие виды ранее малоизвестных в регионе овощных культур[7].

Переселенцы из Китая (дунгане, уйгуры) являлись земледельцами, рисоводами, ого-

[1] Записки о поездке в Бухару П.И. Демезона (1833-1834) // Там же. - С. 44

[2] Шаниязов К.Ш. Одежда и пища // История Узбекистана. Т. 3. (XVI - первая половина XIX века). - Ташкент: Фан, 1993.-С. 331.

[3] Назаров Р.Р., Юнусова Д.М., Алиева В.Р. Трансформация традиционной системы питания населения Узбекистана в XX веке *И* VI Конгресс этнографов и антропологов России. - СПб.: МАЭ РАН, 2005. - С. 222.

[4] Тюриков В .И. Указ. соч. - С. 129.

[5] Тюриков В.И. Указ. соч. - С. 131.

[6] Тюриков В.И. Указ. соч. - С. 131.

[7] Тюриков В.И. Указ. соч. - С. 132.

родниками, садоводами, и при этом сохранили во многом свою традиционную культуру жизнеобеспечения\ Дунгане культивируют множество растений, еще недавно бывших редкостью (или совсем неизвестных) в Центральной Азии[2]. Это некочанная пекинская капуста *(сунзы),* листовая капуста *(бицой),* кольраби, соя, огородная черемша *(жюцэ),* длинные огурцы, баклажаны, крупная красная редиска, бобовая культура *денду-вигна.* Многие из этих культур выращивают также уйгуры и корейцы. Так, В.й. Тимошинов отметил, что благодаря уйгурам «появились новые для этих мест овощные культуры: редис, красный перец, баклажаны»[3].

Переселенцы из Китая внесли в кухню народов Центральной Азии такие блюда как *лагман* (лапша с мясо-овощной подливой), *ишман* (поджаренный вариант лагмана), *маннар* (густой суп с кусочками теста), *манты* (крупные паровые пельмени)[4]. Обращает на себя внимание наличие элемента *«мая»* в названиях этих блюд. По-китайски это слово означает тесто, хлеб.

Корейцы внесли такие экзотические вещи как крахмальная лапша *(фунчоза),* салаты *(не)* из пекинской капусты, папоротника, водорослей, спаржи, сырого картофеля, блюда из собачьего: мяса *(т-дя, кя-хе),* сырой рыбы *{хеf.* От славян население Туркестана усвоило новые виды супов (щи, борщ, окрошка, уха), пирога, вареники, галушки, блины, студень (холодец), различные способы засолки и закваски продуктов[6].

Татары разнообразили кухню Туркестана выпечкой *(губадия, чак-чак, беляши)*[1], армяне - такими блюдами как *хаш* (густой бульон из говяжьих ног), различные мясные блюда *(налагай, хоровац),* выпечка *(кята)*[&], азербайджанцы - восточными сладостями *(пахлава, шекер-бура, ногул, шекер-чурек),* белым пловом, *долмой, люля-кебабом*[9]. Немцы славились в Туркестане «как искусные колбасники, маслобойщики и сыровары»[50].

Приезжие предприниматели стали открывать в Туркестане предприятия по выпуску ранее малоизвестных продуктов питания. В 1866 г. русский купец И.й. Первушин открыл в Ташкенте винокуренный завод (знаменитая «Первушка»), стал выпускать хлебное столовое вино (водку), красное сухое «Ташкентское», десертные вина «Онпортно», «Султани», «Кагор» и т.д. В 1872 г. немец Иоганн Краузе открыл в Ташкенте маслобойный завод, который наряду с привычными кунжутным и льняным маслом стал выпускать также ореховое, маковое, даже дынное масло.

В 1888 г. польский предприниматель Станислав Глинка-Янчевский открыл в Ташкенте фабрику по производству джема, цукатов, пастилы, варенья, глазированных фруктов. Первоначально эта продукция предназначалась для вывоза из Туркестана, но постепенно

[1] Стабильность локального пищевого комплекса как результат успешной адаптации переселенцев // Этническая экология: теория и практика. - М.: Наука, 1991.

[r] Страганович Г.Г., Сушанло М., Думай Л.И. Дунгане // Народы Средней Азии и Казахстана. - М, 1963. Т. 2. - С. 564-581; Сушанло М.Я. Дунгане (историю- этнографический очерк). - Фрунзе, 1971.

[3] Тимошинов В.И. Культурология. - Алматы: Ниса, 1997. - С. 105.

[4] Савуров М,Д. Секреты дунганской кухни. - Ташкент, 1989; Захарова И.В. Уйгуры // Народы Средней Азии и Казахстана. - М., 1963. Т. 2. - С. 488-526.

[5] Ионова Ю.Б. У корейцев Средней Азии // КСИЭ. Вып. 37. - М., 1965. - С. 23-34; Джарылгасиноа Р.Ш. Традиционное и новое в семейной обрядности корейцев Средней Азии // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968. - С. 343-349.

[s] Брусина О.И. Славяне в Средней Азии. - М., 2001. - С. 92-99.

[7] Губаева *С.С.* Татары в Ферганской долине // Губаева С.С. Население Ферганской долины в конце XIX - начале XX вв. -- Ташкент, 1991.

[£] Григорьянц А.*А.* Армяне в Средней Азии (вторая половинаXIX в< - 1917 г.).-Ереван, 1984.

[s] Жукова Л.И., Буряков Ю.Ф. Азербайджанцы /У Этнический атлас Узбекистана. - Ташкент, 2002. - С. 17.

[10] Кнауэр Н.Х. Немцы // Этнический атлас Узбекистана. - Ташкент, 2002. - С. 168.

ее стали употреблять и местные жители. В 1906 г. стали производить собственный сахар - заработал первый в регионе сахарный завод в Каунчи. До этого употребляли привозной сахар. В 1912 г. украинский предприниматель А.К. Якимович открыл в Ташкенте первую консервную фабрику по производству овощных консервов из кабачков, помидоров, перца, баклажанов и т.д., в 1917 г. стал работать Ташкентский томатный завод'.

Постепенно вошли в употребление продукты и блюда, ранее мало употреблявшиеся: отварная, запеченная, соленая, копченая рыба (ранее ее ели почти исключительно в жареном виде), грибы, свинина, мясо водоплавающих птиц (уток, гусей), дрожжевой хлеб, колбасы, консервы, полуфабрикаты, маринады, супы-пюре, кофе, какао. Уменьшилась роль традиционных способов консервирования мяса: засол, копчение, обжаривание и заливание жиром. Также уменьшился обьем потребления некоторых видов растительной пищи: картофель стал вытеснять ранее очень популярную репу и т.д. Сейчас уже трудно поверить, что чуть больше 100 лет назад не существовало таких популярных блюд как шакароб, салат из баклажанов, жаркоп, кавардак, фаршированный перец, томатный соус, баклажанная и кабачковая икра и т.д.

Следует отметить, что и в современном Узбекистане популярны именно те рестораны, кафе, закусочные, которые носят явно выраженный этнический характер: кавказские (армянские, азербайджанские, грузинские, осетинские и т.д.), корейские, уйгурские, дунганские, турецкие, арабские и т.д.

Тюришв В.И. Указ соч. - С. 35,36,37,42,43,45.

0 0 0 «АКТ FLEX», 2009.
100129, Ташкент, ул. **Навои,** д.30.

Подписано в печать 14.01.09. Формат 60x84 4 Объем 21 п.л. Тираж 250 экз

Отпечатено в частном предприятии «NOZ-SHEDEVR».
Ташкент, ул. Бабура 67/6-31.